

НИКОЛАЙ РОСС

**ВРАНГЕЛЬ
В КРЫМУ**

Жене моей

Николай Росс

**ВРАНГЕЛЬ
В КРЫМУ**

ПОСЕВ

Обложка работы художника А. Русака

© Possev-Verlag, V. Gorachek KG., 1982
Frankfurt/Main
Printed in Germany

Пусть судят о власти по действиям ее.

Генерал Врангель

ОТ АВТОРА

В начале ноября 1920 года прекратила свое существование созданная ген. Врангелем в Крыму „опытная ферма” государственного строительства: под натиском обрушившего на них все свои силы врага навсегда покинули родину последние белые части на юге России. „История, осудив не без основания историческую Россию на смерть, даровала ей последнюю милость: возможность показать в предсмертные часы то, что эта Россия могла бы сделать разумного как в близком, так и в более далеком прошлом, если бы не заложенные в ней самой начала ослепления сверху и разрушения снизу”.*

Государство, созданное ген. Врангелем, возникло в очень сложное, поворотное для всего мира время, когда уставшая от многолетней войны Европа только начинала залечивать свои раны и думала в первую очередь о покое. Врангель продолжал воевать, когда в европейских столицах хотели говорить и думать лишь о мире; он оставался непримиримым к большевикам, когда английское правительство вступило с ними в коммерческие переговоры; он звал к борьбе русское крестьянство, оглушенное и

* См. Библиографию: К. А. Кривошеин, с. 309.

обескровленное тремя годами революционной и контрреволюционной „законности“.

И тем не менее ген. Врангель сумел достичь очень многого: провести продуманные и перспективные земельную и земскую реформы, обеспечить снабжение переполненного войсками и беженцами Крыма, водворить дисциплину и законность в распущенных войсках и воссоздать из усталых и изверившихся частей превосходную армию, добиться официального признания Франции и симпатии Соединенных Штатов, а когда борьба стала невозможной, спасти от верной гибели 150 000 людей, доверивших ему свою судьбу.

Тем более удивительно, что доселе крымскому государству ген. Врангеля не было посвящено ни одной монографии. Отчасти в этом „виноват“ и сам Врангель: его воспоминания, опубликованные впервые в конце двадцатых годов, представляют сами по себе исключительно богатый и ценный источник, основанный на большом архивном материале. (Вывезенный из Крыма архив ген. Врангеля, обогащенный документами заграничного периода, был приведен в полный порядок секретарем главнокомандующего Н. М. Котляревским. После смерти Врангеля он был, в начале 1929 года, передан на хранение в Гуверский институт в Калифорнии, где находится и по сей день.)

Но главная причина заложена, конечно, в самом предмете несостоявшихся исследований. В советской России, по понятным причинам, не слишком хотели касаться наиболее бесспорного примера успешного государственного строительства в стане „белогвардейцев“, писать о создании государства, где, к тому же, министры зарабатывали значительно

меньше, чем рабочие... На Западе же „черный барон” вызывал (и продолжает вызывать) неловкое чувство и даже стыд. Не хочется, к примеру, во Франции вспоминать о дипломатическом признании „махрового реакционера”, о попытках добиться от него согласия на экономическую колонизацию России, не хочется — в некоторых других странах — рассказывать о безучастном отношении к сотням тысяч русских беженцев в Крыму и за границей, о созданных кое-где для своих бывших союзников концлагерях, с принудительным трудом, об условиях конфискации у нищей белой России кораблей, зерна и другого русского имущества. Врангель мешал и продолжает мешать тщательно выработанной в западных университетских и политических кругах легенде о хорошем Ленине и плохом Сталине, он подрывает представления о единодушной поддержке советской власти русским крестьянством.

Как у любых государственных деятелей, у Врангеля и его сотрудников были и сильные и слабые стороны, не во всех областях их деятельность оказалась успешной и не во всем их идеи могут иным показаться приемлемыми, но крымское белое государство не должно, по нашему мнению, быть просто обойдено молчанием, оно должно быть включено в картину исторического бытия России в начале XX века.

Внешняя политика ген. Врангеля и его военная деятельность оказались в несколько меньшем пренебрежении у историков, чем внутренняя жизнь крымского государства. Поэтому нам показалось достаточным в данной книге лишь кратко обрисовать, для полноты картины, основные моменты внешнеполитических и военных проблем. Основное

наше внимание обращено на различные аспекты политической, экономической и социальной жизни белого Крыма. Интересующийся военной и дипломатической историей читатель найдет все необходимые библиографические справки по этим вопросам в трудах Дж. А. Бринклэй и П. Кинез, указанных в Библиографии. Что же касается истории внутренней, нельзя не рекомендовать читателю обратиться непосредственно и к воспоминаниям самого Врангеля, дважды изданным по-русски* и переведенным на несколько европейских языков.

Рассматривая внутреннюю жизнь Крыма в 1920 году, необходимо все же учитывать, что попытка ген. Врангеля была последним этапом гражданской войны, уже два года свирепствовавшей в России. Поэтому, в завершение этих вступительных страниц, представляется небесполезным вкратце обрисовать исторические события, предшествовавшие возникновению последнего белого государственного образования.

Вооруженное сопротивление новому строю зародилось на юге России через неделю после захвата власти большевиками. В область Войска Донского, временно еще свободную от советской власти, начали стекаться со всей России надеявшиеся на поддержку донского атамана Каледина русские военные, к которым порой присоединялись национально настроенные студенты и старшие гимназисты. Скопившихся в донских городах молодых добровольцев возглавили вырвавшиеся из заключения (попавшие под арест после августовской попытки военного вмешательства в политические дела России) гене-

* См. Библиографию.

ралы Корнилов, Деникин и Марков. К ним присоединился и бывший Верховный главнокомандующий русской армией ген. Алексеев, еще до Октябрьского переворота пытавшийся создать организацию из офицеров, оставшихся верными своему долгу.

В феврале 1918 года Добровольческая армия, насчитывавшая около 3 000 бойцов, должна была отступить на Кубань, ввиду сложившейся на Дону угрожающей для нее политической обстановки. Так начался ставший легендарным в белом лагере „Ледовый”, или „Первый”, поход, совершенный с изумительной доблестью кучкой русских патриотов и сплотивший основные кадры будущего руководства добровольческого движения.

В апреле был убит в бою ген. Корнилов. Его заменил на должности главнокомандующего Добровольческой армии ген. Деникин. Несмотря на большую отвагу добровольцев, удержаться им на Кубани не удалось, но зато перед ними открылась возможность вернуться на Дон, где теперь вспыхнуло восстание казачества против большевиков. На Дону к добровольцам присоединился и пришедший из Румынии отряд полковника Дроздовского.

Летом 1918 года ген. Деникин предпринял с тридцатитысячной армией „Второй кубанский поход”, в результате которого был освобожден от большевиков весь Северный Кавказ. Выдающуюся роль в этих военных операциях сыграл приехавший к этому времени на юг ген. Врангель.

Но вскоре погибли в бою генералы Марков и Дроздовский, заболел и скончался Верховный руководитель Добровольческой армии ген. Алексеев.

Весной 1918 года началась борьба против большевиков и на востоке. Произошли военные столкно-

вения между красными частями и чехословацким корпусом, отказавшимся подчиниться приказу советских властей о разоружении. На Волге и в Сибири вспыхнули восстания, в Самаре образовался „Комитет Учредительного собрания”, пытавшийся организовать военное сопротивление, а в Омске образовалось антибольшевистское „Сибирское” правительство, уступившее власть адмиралу Колчаку в ноябре 1918 года. В борьбу с красными вступили Уральское казачье войско и казацки войска Сибири и Дальнего Востока, к белым войскам присоединились восставшие рабочие Ижевского и Воткинского заводов.

Летом 1918 года, при поддержке англичан, зародился и в Архангельске очаг противобольшевистской борьбы. Украину, после Брест-Литовского договора занятую немцами, возглавил сочувствующий идее борьбы с красными гетман Скоропадский. На Дону пришел к власти ген. Краснов, сотрудничавший с немцами, хотя донские части вели совместную борьбу с добровольческими и кубанскими частями, поддерживаемыми англичанами.

В январе 1919 года ген. Деникин встал во главе Вооруженных Сил Юга России, объединивших казацки войска Дона, Кубани, Терека и Добровольческую армию. После длительного периода трудных боев, завершившегося овладением белыми Донбасса, Кавказская добровольческая армия ген. Врангеля, состоявшая в основном из кубанских частей, начала наступление на северо-восток к Волге, с задачей овладеть Царицыном, а конным частям ген. Эрдели было поручено взять Астрахань. Ранним летом Добровольческая армия под командованием ген. Маймаевского, состоявшая в основном из „цветных”

частей — Корниловской, Марковской и Дроздовской дивизий и Алексеевского полка, — получила приказ идти на Москву по направлению Курск—Орел—Тула. На ее правом фланге находилась Донская армия под командованием ген. Сидорина, большая часть сил которой должна была также идти на Москву. Белые заняли Крым и наступали на Украине.

Тем временем на востоке армии адм. Колчака продвигались с Урала к Волге и прошли весной 1919 года около 500 верст. Но к концу мая им пришлось начать отступление, которое повлекло за собой падение сибирского правительства и гибель адм. Колчака и привело остатки белых сил на Дальний Восток.

В августе 1919 года правление на белом Севере перешло в руки ген. Миллера, но уже в сентябре англичане прекратили свою помощь, что привело к ослаблению, а через несколько месяцев и к прекращению борьбы.

Осенью того же года сформированная в Прибалтике армия ген. Юденича двинулась на Петроград, но, дойдя до пригородов, была вынуждена противником к отступлению.

Успешно шло наступление белых с юга. В июне 1919 года ген. Врангель занял Царицын, но не смог соединиться с частями адм. Колчака, уже отступавшими на восток. Добровольческая армия заняла Воронеж, Орел и Брянск.

Но осенью прорыв красных сил между донскими и добровольческими частями вынудил все белые армии Юга России к отступлению. Белый южный „фронт”, простиравшийся от Украины до Волги, насчитывал не более 150 000 бойцов, которые, несмот-

ря на всю свою доблесть, не смогли противостоять обрушившемуся на них удару превосходящих сил противника. Роковое значение для белых, помимо относительной малочисленности их армий, имел и ряд других обстоятельств: несогласованность военных действий на различных фронтах, неумение завоевать доверие крестьянства, неспособность обеспечить гражданский и экономический порядок и, в частности, справиться с Махно и прочими атаманами, грабившими в тылу.

Значительную роль в развитии событий сыграла и ненадежность поддержки противобольшевистских сил бывшими западными союзниками России, а порой и прямо предательское их поведение. Оказали влияние и проблемы, связанные с развитием казачьего и иных самостийных движений. Не следует умалять значения и чисто военных ошибок белого командования, хотя необходимо указать, в его оправдание, что ему иногда было очень трудно не уступить стихийному желанию рядовых добровольцев, неудержимо стремившихся к Москве златоголовой...

В начале 1920 года белые силы продолжали еще оказывать сопротивление врагу лишь в Сибири и у подступов к Кавказу и Черному морю. Большая часть Донской области была ими оставлена, на Кубани вспыхивали против белых восстания, и большинство казаков драться с большевиками больше не желало. Социалистическое правительство Грузии без симпатий относилось к Белому движению и не хотело давать повода советской власти положить конец независимости их страны. Ллойд-Джордж уже вывел Англию из участия в русской междоусобице и, готовясь „торговать с каннибалами”, мечтал о прекра-

щении военных действий. Упорствующим в борьбе белым частям и их правительствам ожидать помощи было неоткуда, лишь недавно взятый Францией политический курс поддержки Польши против советской России мог подать некоторые надежды...

Вот в таких тяжелых, почти безнадежных, обстоятельствах пришлось генералу Врангелю стать во главе белой России.

Перед тем как приступить к изложению самого предмета, я чувствую потребность выразить благодарность людям, усилия которых сделали возможным написание и издание настоящей книги. „Открывателем” идеи ее необходимости и возможности был неутомимый труженик на ниве Белого движения — А. Воробьев. Большую моральную поддержку оказал мне А. И. Солженицын, укрепивший меня в замысле благоприятным отзывом о нем. Осуществлению предпринятой задачи во многом способствовал сын ген. Врангеля барон Петр Петрович Врангель, ценные фотографии прислал барон Алексей Петрович Врангель. Ныне покойный Л. А. Рар вложил много труда в осуществление увлекшей нас идеи. Руководитель архива Гуверского института М. А. Драшкович, а также его сотрудники всячески шли мне навстречу во время моей работы в их замечательном учреждении. Ориентироваться в неслетных архивных богатствах Гуверского института особенно помогли мне всегда отзывчивая Е. А. Пашина и неутомимый Р. Булатов. Ценный вклад в книгу внес своими рассказами И. И. Стенбок-Фермор. Да найдут они здесь искреннее выражение моей благодарности так же, как и все другие лица, которые помогли мне предпринять и завершить настоящий труд.

Генерал П. Н. Врангель

Глава 1

СМЕНА ВЛАСТИ. НОВЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ И ЕГО СОТРУДНИКИ

В начале февраля 1920 года заканчивали свою борьбу на Дону и на Кубани белые войска под командованием ген. Деникина. Последний успех добровольческих частей — овладение, 7 февраля, Ростовом-на-Дону — оказался кратковременным, и уже 10-го белым войскам пришлось оставить город, а скоро и начать переход на Кубань, где большая часть кубанских казачьих частей отказывалась продолжать борьбу. 25 января пала белая Одесса. На Перекопском участке фронта шли упорные бои, но маленькому корпусу ген. Слащева удавалось сдерживать атаки противника. 7 марта красные войска форсировали реку Кубань. В эти же дни шла, в ужасных условиях, эвакуация из Новороссийска в Крым гражданских учреждений Юга России и воинских частей, старались выбраться в Крым или за границу многочисленные беженцы. Сам главнокомандующий — генерал Деникин — 14 марта покинул Новороссийск на миноносце, и ставка перешла в Феодосию. Уже в Крыму, под давлением общественного мнения, ушел со своей должности друг ген. Деникина и начальник его штаба ген. Романовский, на место которого был назначен ген. Махров.

Ген. Врангель, находившийся в Константинополе, собирался ехать в Сербию. 20 марта, накануне свое-

го уже назначенного отъезда, Врангель узнал от британского верховного комиссара в Константинополе адмирала де-Робек, что ген. Деникин решил отказаться от главного командования и назначил военное совещание в Севастополе для выбора себе преемника. Врангель получил и телеграмму от ген. Деникина, приглашавшего его приехать на это совещание.

Это приглашение, по свидетельству ген. Врангеля, его очень удивило².

Уже несколько месяцев отношения между генералами Деникиным и Врангелем были натянуты. Их разделяло все, за исключением чувства необходимости вооруженной борьбы против большевиков, — происхождение, воспитание, образ мышления, внешний облик и стиль командования, — но конфликт между ними обозначился лишь после известной „московской“ директивы ген. Деникина от 20 июня 1919 года, приказывающей основным белым силам наступать на Москву: Кавказской армии ген. Врангеля из занятого им Царицына через Пензу, Нижний Новгород и Владимир, а Добровольческой армии ген. Май-Маевского из Харькова через Курск, Орел и Тулу.

Ген. Врангель считал более целесообразным, учитывая растянутость фронта и общую малочисленность войск, отдать предпочтение наступлению на восток для соединения с армиями адмирала Колчака, ведущими бои между Волгой и Уралом.

Расхождения между генералами стали известны армии и обществу. По-видимому, вне воли автора, получило распространение личное весьма резкое письмо Врангеля ген. Деникину. Подливало масла в огонь и политиканствующее военное окружение Де-

никина, видевшее в ген. Врангеле опасного, из-за его большой личной популярности, кандидата на должность главнокомандующего. Ген. Врангеля поддерживали некоторые политические деятели Юга России (как В. В. Шульгин или А. В. Кривошеин), которые видели в нем единственного человека, способного исправить все ухудшающееся с осени военное положение и принять энергичные меры, срочно необходимые для оздоровления неспособных справиться со своей задачей государственных учреждений.

Зимой конфликт между Врангелем и Деникиным вошел в острую фазу, и ген. Врангелю сперва пришлось оставить возглавление действующих частей и переключиться на тыловую работу, а потом и вовсе покинуть пределы страны.

На военное совещание, назначенное на вечер 21 марта, ген. Деникин пригласил всех старших начальников Вооруженных Сил Юга России (далее — ВСЮР), но сам он присутствовать на совещании не хотел.

Ген. Врангель прибыл в Севастополь 22 марта утром. Председатель военного совещания ген. Драгомиров сообщил ему, что на первом заседании не смогли договориться, так как значительное число членов совещания считало неуместной саму процедуру в ы б о р а главнокомандующего. Запрошенный по телефону в Феодосии ген. Деникин продолжал отказываться от назначения себе заместителя. Пока генералы Врангель и Драгомиров обсуждали положение, в соседнем зале севастопольского „Большого дворца” собиралось на заседание многолюдное и шумное военное совещание, „в значи-

тельной мере состоящее из мальчиков”³ — командиров добровольческих полков. По предложению Врангеля, ген. Драгомиров исключил из списка участников совещания всех лиц должностью ниже командира корпуса „или равных им по власти”. Осталось, включая самого Врангеля, 20 человек.

Когда они все собрались, ген. Врангель сделал сообщение о решении англичан прекратить Деникину всякую помощь, если тот не откажется от продолжения вооруженной борьбы против большевиков, — что Врангель узнал от адмирала де-Робека. Затем, когда была принята предложенная Драгомировым новая процедура назначения преемника ген. Деникина — довести до сведения ген. Деникина имя выбранного старшими начальниками кандидата и снова предложить ему назначить себе преемника, — ген. Врангель снова попросил слова и заявил, что новый главнокомандующий, кем бы он ни был, не сможет при нынешних обстоятельствах обещать победы и что „самое большее, что можно от него требовать — это сохранить честь вверенного армии русского знамени”. Далее выступил ген. Махров, считавший, что нужно продолжать борьбу, „пока у нас есть хоть один шанс из ста”. Ему возражал ген. Шатилов, считавший, что и этого шанса нет.

Предполагая, что выбор членов совещания падет на него, ген. Врангель попросил разрешения удалиться и пошел, в тяжелом душевном состоянии, за духовной поддержкой к епископу Севастопольскому Вениамину. Вернувшись в Большой дворец, он узнал, что члены совещания единогласно указали на него⁴.

Когда вечером совещание возобновило свою работу, ген. Врангель поставил свое согласие принять

верховное командование в зависимость от единогласного принятия членами совещания следующей, тут же им продиктованной ген. Шатилову декларации:

„На заседании старших начальников, выделенных из состава военного совета /.../ было оглашено ультимативное сообщение Британского Правительства генералу Деникину с указанием о необходимости прекращения неравной и безнадежной борьбы с тем, чтобы Правительство Короля Великобритании обратилось бы с предложением к Советскому Правительству об амнистии населению Крыма и в частности войскам Юга России, причем, в случае отказа генерала Деникина на это предложение, Британское Правительство категорически отказывается оказывать ему впредь всякую свою поддержку и какую бы то ни было помощь.

При этих условиях, совещание выразило желание просить Главнокомандующего о назначении его заместителем генерала Врангеля с тем, чтобы он, приняв на себя главное командование, путем сношения с союзниками, добился бы неприкосновенности всем лицам, боровшимся против большевиков, и создал бы наиболее благоприятные условия для личного состава Вооруженных Сил Юга России, который не найдет для себя возможным принять обеспечение безопасности от Советского Правительства”⁵.

В своих воспоминаниях ген. Врангель пишет, что он ответил сомневавшемуся в целесообразности подписывать этот документ ген. Улагаю:

„Мне лично нет надобности в письменном подтверждении слов каждого из здесь присутствующих. Однако, никто из нас не знает, что ожидает нас, быть

может, в ближайшем будущем. Каждый из нас, а я тем более, должны будем дать ответ перед будущей Россией, перед русскими людьми, наконец перед теми, кто нам дорог”⁶.

В конечном счете все члены совещания согласились подписать составленную ген. Врангелем декларацию. Пока подписывался акт, ген. Драгомиров был вызван ген. Деникиным к телефону. Узнав о решении военного совета, Деникин объявил приказ (№ 2899 от 22 марта) следующего содержания:

„§ 1.

Генерал-лейтенант барон Врангель назначается Главнокомандующим Вооруженными Силами на Юге России.

§ 2.

Всем, честно шедшим со мной в тяжелой борьбе, низкий поклон.

Господи, дай победу армии, спаси Россию.

Генерал-лейтенант Деникин”⁷.

Следующие дни Врангель посвятил изучению военной, политической и экономической ситуации, знакомству с иностранными представителями и приему различных деятелей и представителей общественности.

На Благовещение (25 марта ст. ст.) был назначен на Нахимовской площади в Севастополе торжественный молебен и смотр войскам. По окончании молебна еп. Вениамин огласил указ „Правительствующего Сената” (составленный его членами, оказав-

шимися в Крыму) от 24 марта, всенародно объявляющий о назначении ген. Врангеля главнокомандующим ВСЮР. Затем, после слова Протопресвитера армии и флота Шавельского и с большим чувством произнесенной проповеди еп. Вениамина, ген. Врангель, поднявшись на пьедестал памятника адмиралу Нахимову, обратился своим громовым голосом к войскам со следующей речью, вполне выражающей его настроение тех дней:

„Три года тому назад, забыв присягу, честь и совесть, непобедимые дотоле русские войска открыли фронт германцам, и обезумевший русский народ пожаром и кровью залил Россию. Горе и страдания — вот что увидела русская земля.

Нашлись, однако, честные сыны родины, которые, как Давид на Голиафа, пошли бесстрашно умирать за счастье родной земли. Без снарядов, без патронов, босые и раздетые в мороз и стужу, в палящий зной в степях, на высотах Кавказа, в безводных степях Калмыцких, шли они на великий крестный путь. Ширилась и развивалась эта небольшая кучка верных сынов Родины, и освобождалась от красной нечисти русская земля. И чудился уже нам трезвон московских колоколов, уже белели стены Кремля.

Но Господу Богу угодно было покарать нас за наши прегрешения, и наше победоносное движение перешло в тяжелый и крестный путь страданий, невзгод. Теперь исстрадавшиеся, измученные, поредевшие наши ряды нашли убежище в Таврии. Грудь против груди стоим мы против наших родных братьев, обезумевших и потерявших совесть. За нами бездонное море. Исхода нет...

И в этот грозный час я призван был стать во главе вас. Без трепета и колебания я сделал это. Я твердо знаю, что Россия не погибла. Мы увидим ее свободной и счастливой. Я верю, — Господь Бог даст мне ум и силы вывести армию из тяжелого, безвыходного почти, положения.

Сейчас Великий пост, Великая неделя, когда русский человек очищается, чтобы без греха встретить радостное Святое Воскресение. Пусть тяжелый крестный путь будет для нас искуплением, после которого настанет Воскресение. Пройдем через горнило испытаний, и, подобно тому, как железо, пройдя через горнило переходит в сталь, будем тверды, как сталь.

Твердо верю, что Русская армия явится оплотом действительно свободной и счастливой России. Воскресение Родины увидим скоро”⁸.

*

Барон Петр Николаевич Врангель родился 15 августа 1878 года в семье знатного и древнего рода, но не богатой. Отец его был директором страхового общества „Эквитэбл” в Ростове-на-Дону. В этом городе провел П. Н. Врангель детство и юность. Каникулы он проводил в небольшом имении, принадлежавшем его семье и находившемся в Смоленской губернии (недалеко от Ясной Поляны)⁹. По свидетельству В. фон Дрейера Петр Врангель был мальчиком с характером прямым, но чрезмерно вспыльчивым. Образование он получил сперва дома, потом учился в Ростовском реальном училище и закончил среднее образование в Петербурге, где поступил в Горный институт.

„Окончив Горный Институт, он не воспользовался цензом горного инженера и поступил на военную службу, вольноопределяющимся. Однако, получивши первый офицерский чин, он не остался на военной службе, а отправился в Иркутск чиновником для особых поручений при Ген. Губернаторе”¹⁰.

В Сибири застала Врангеля Русско-японская война: он снова поступил на военную службу и воевал во 2-м Амурском казачьем полку, а позже во 2-й сотне Отдельного дивизиона разведчиков. За отличия в делах против японцев П. Н. Врангель получил несколько наград. Только в Маньчжурии, — пишет ген. Шатилов, — „он инстинктивно почувствовал, что борьба — его стихия, а боевая работа — его призвание”. Он остался в армии.

По возвращении с Дальнего Востока Врангелю пришлось принять участие в „военных экспедициях против революционных выступлений”¹¹.

С лета 1906 года Врангель служил в Лейб-Гвардии Конном полку. В 1909 году он успешно окончил Академию Генерального штаба, а в 1910 году — Офицерскую Кавалерийскую школу¹².

„Хорошо я помню его молодым офицером, — вспоминает о нем ген. Шатилов. — Это был любивший общество светский человек, прекраснейший танцор и дирижер на балах и непреременный участник офицерских товарищеских собраний.

Уже в молодых годах он имел удивительную способность необычайно ярко, образно и кратко высказывать свое суждение по всевозможным вопросам. Это делало его чрезвычайно интересным собеседником. С другой стороны, он обыкновенно не воздерживался высказывать откровенно свои мнения, по-

чему уже тогда имел недоброжелателей, число которых увеличивалось завистниками его яркой натуры”¹³.

В самом начале первой мировой войны ротмистр Врангель взял в конной атаке (в которой погибло или было ранено большинство ее участников) неприятельскую батарею. За этот беспримерной храбрости поступок он был награжден (23 августа 1914 г.) орденом св. Георгия 4-й степени. В декабре Врангель уже был флигель-адъютантом и полковником, с октября 1915 года – командовал 1-м Нерчинским полком Забайкальского казачьего войска. В декабре 1916 года он вступил в командование 2-й бригады Уссурийской конной дивизии; в январе 1917 года – в 39-летнем возрасте! – за боевые отличия Врангеля произвели в генерал-майоры. В 1917 году он командовал Уссурийской конной дивизией, 7-й Кавалерийской дивизией, сводным конным корпусом. В сентябре 1917 года он был назначен командиром 3-го Конного корпуса, но в командование так и не вступил и покинул армию.

Революционные события и прогрессирующий развал армии ген. Врангель пережил очень болезненно, но он не был сторонником вовлечения части войск в борьбу против виновников разрухи. В споре со своим начальником, ген. Крымовым (который потом по приказу ген. Корнилова двинул конный корпус на Петроград и после этой неудавшейся попытки воздействия на политические события при помощи военной силы в августе 1917 года покончил с собой) он говорил, что борьба должна вестись „не ставкой на какую-либо часть армии, а дружным единением верхов армии и сплоченностью самой армии”¹⁴.

Из армии ген. Врангель выехал в Крым, где жила его жена Ольга Михайловна (урожденная Иваненко, дочь камергера) и трое детей — дочери Елена и Наталья и сын Петр¹⁵. В Ялте он подвергся короткому аресту большевистскими властями, но его спасли находчивость и самоотверженность его жены. Когда немцы заняли Крым, Врангель совершил поездку в Киев, где встречался с хорошо ему знакомым по совместной службе гетманом Скоропадским. Он с ним политически не сошелся.

В августе 1918 года Врангель приехал в Екатеринодар и вступил в Добровольческую армию под командованием ген. Деникина. Во время „Второго кубанского похода“ он командовал 1-й Конной дивизией, затем 1-м Конным корпусом. За боевые отличия в ноябре ген. Деникин произвел его в генерал-лейтенанты. В декабре/январе ген. Врангель командовал всей Добровольческой армией, а затем выделенной из нее Кавказской армией, состоящей из казаков и добровольцев, во главе которой он в июне 1919 года взял Царицын. В ноябре 1919 года Врангель заменил ген. Май-Маевского во главе Добровольческой армии, но уже не мог восстановить ее безнадежно поблекшего боевого счастья. 20 декабря, в атмосфере острого конфликта с ген. Деникиным, он был зачислен в распоряжение главнокомандующего и был им сперва послан с политическим поручением на Кубань, а затем — налаживать оборону в Новороссийске. Но он был самым главнокомандующим лишен возможности эффективно заняться и первым и вторым делом.

В начале 1920 года Врангель некоторое время пробыл в Крыму на своеобразном положении все более и более популярного в армии генерала в опа-

ле. 8 февраля он был уволен в отставку и вскоре выехал в Константинополь. Чаша терпения ген. Деникина переполнилась, когда именем Врангеля все чаще стали прикрываться силы, враждебные главнокомандующему, как, например, восставший в Крыму кап. Орлов, впоследствии перешедший со своим отрядом к „зеленым”¹⁶.

Физический облик ген. Врангеля выделял его из его окружения: он был очень высокого роста, с длинной шеей, длинным лицом и большими глазами, несколько навывкате. Даже обсуждая серьезные вопросы, он не всегда мог сдержать тонкой иронической улыбки. Он любил одеваться в светло-серую или темную черкеску и носил папаху-кубанку. Голосом своим он владел в совершенстве, придавая ему громовые раскаты, когда выступал перед войсками, или спокойную убедительность — в разговоре с частным посетителем. Здоровье у него было хорошее, хотя при сильном волнении, вследствие полученной в бою контузии, появлялись очень болезненные сердечные спазмы.

Нередко знакомившихся с ген. Врангелем людей поражала его „чисто юношеская импульсивность”¹⁷. Долго проживший с ним в одном поезде А. А. Валентинов описывает, как „после обеда главком, увлеченный спором во время прогулки по платформе, вытащил кинжал, присел на корточки и принялся чертить на асфальте какую-то схему”¹⁸. А приехавшего к нему в сентябре в Мелитополь Н. Н. Чебышева он потащил проверять, хорошо ли охраняется поезд с трофеями на путях у города: бедному посетителю пришлось ковылять за быстро шагающим главкомом полторы версты по железнодорожному полотну¹⁹. В день эвакуации из Крыма дежурный

офицер конвоя, штаб-ротмистр И. И. Стенбок-Фермор, вдруг услышал страшный шум над собой в „бальной зале” сева­сто­польского Большого дворца. Вбежав туда, он увидел ген. Врангеля, в азарте растаптывающего большой картонный рельефный план крымских позиций, изготовленный в свое время для него саперами²⁰.

У ген. Врангеля было большое чувство юмора и вообще склонность к ироническому восприятию людей и ситуаций. Войдя в тон самого главнокомандующего, его окружение про него говорило, что земельный закон он учредил лишь потому, что у его тещи в Северной Таврии было огромное имение... А на жалобу о том, что земельный закон слишком тяжел для помещиков, Врангель отвечал с улыбкой, что он сам помещик и что у него первого придется делить землю²¹.

Редкие моменты отдыха Врангель любил проводить в среде офицеров конвоя, в непринужденных разговорах отводя душу. „Вот приходит ко мне, — рассказывал он, — человек в штатском и начинает говорить патриотическую речь о спасении родины, я его терпеливо слушаю, и кончается обычно такая речь словами: „А нельзя ли получить разрешение на вывоз корабля с ячменем в Константинополь?” ”²².

По оценке Н. Н. Чебышева, „Врангель принадлежал к числу тех политических деятелей, для которых борьба — естественная стихия. И чем непреодолимее было препятствие, тем охотнее, радостнее он на него шел. В нем был „боевой восторг”, то, что делало его военным от головы до пяток, до малейшего нерва в мизинце”²³. По оценке П. Б. Струве, Врангель „прежде всего исключительно одаренный военный”²⁴.

Прекрасно передает глубокую органичность для себя военной жизни и сам ген. Врангель, описывая в воспоминаниях, например, поход на Царицын весной 1919 года, когда ему приходилось спать „на бурке, подложив под голову подушку седла”. „Стояла тихая звездная ночь”, — вспоминает он. „Кругом слышались голоса казаков, фыркали кони, где-то далеко на заставе стучали выстрелы. Казалось, что история перенесла нас на целый век назад, в эпоху великих войн, когда не было ни телеграфов, ни телефонов и вожди армий сами водили войска в бой”²⁵.

Популярность ген. Врангеля в армии была чрезвычайно велика. В день эвакуации из Крыма, одного его появления на носу плывшего перед портом крейсера „Генерал Корнилов” было достаточно, чтобы прекратились возникшие было у эвакуирующихся из Феодосии войск панические настроения²⁶.

В военном деле ген. Врангель показал незаурядные способности, хотя они, пожалуй, лучше проявлялись, когда он лично руководил боевыми действиями: в крымский период, перегруженный различными делами, он слишком положился на своего начальника штаба, ген. Шатилова, что привело, по крайней мере, к двум крупным военным неудачам. Личное решение ген. Врангеля принять осенью 1920 года свой последний бой не за перешейками, а в Северной Таврии некоторые специалисты по военной истории также не одобряют.

Как военачальник, Врангель не останавливался перед жестокими мерами, если они ему представлялись необходимыми. Так он приказал повесить, во время эвакуации Царицына, начальника станции и двух железнодорожных служащих, подкупленных желающими вывезти вне очереди свои товары тор-

говцами, а осенью 1918 года, захватив однажды на Северном Кавказе большое количество пленных, он приказал расстрелять весь командный состав, „вплоть до отделенных командиров” (остальных красных бойцов он влил в ряды своих войск)²⁷.

„Кипучая энергия Главнокомандующего, который был весь порыв и неуклонная воля в достижении святой цели, заражали и двигали всех”, — пишет один из его сподвижников²⁸, а В. В. Шульгин, впервые посетив в Крыму ген. Врангеля, замечает, что „в этом человеке чувствовался ток высокого напряжения. Его психическая энергия насыщала окружающую среду /.../ Эта непрерывно выбрирующая воля, вера в свое дело и легкость, с какой он нес на себе тяжесть власти, власти, которая не придавливала его, а наоборот, окрыляла, — они-то и сделали это дело удержания Тавриды, дело, граничащее с чудесным...”²⁹.

Даже на людей, далеких от него по своим взглядам, Врангель обычно производил сильное и положительное впечатление³⁰. По наблюдению Чебышева, ген. Врангель „постоянно жил какой-то потусторонней жизнью, дышал дыханием носившейся вдалеке цели”, пребывая в состоянии „духовного возбуждения, с оттенком экстаза”³¹. Подобные настроения не могли не контрастировать с чувством загнанности и унынием большей части крымской интеллигенции, вызывая в этой среде нарекания и упреки во властолюбии и честолюбии. „Врангель из-за власти, — пишет с чужих слов М. С. Маргулиес, — пойдет на какое угодно признание, сделки и договоры”³².

Тогда как „Деникин был улиткой в скорлупе”, „не видел людей и абсолютно ими не интересовался”, Врангель, по мнению П. Б. Струве, жил „с людь-

ми и на людях”³³. Сознавая свою недостаточную осведомленность во многих гражданских вопросах, он охотно советовался с компетентными людьми, невзирая на их общественное или политическое лицо. В дружеском офицерском кругу он признавался, впрочем, с некоторой ложной скромностью:

„Беда в том, что ко мне обращаются с разными вопросами по государственному устройству, по всяким экономическим и торговым вопросам, что я могу им сказать? Я должен верить тем, кто мне говорит. Я этого не люблю. Дайте мне конный корпус, и я покажу!”³⁴.

Став главнокомандующим и правителем Юга России, ген. Врангель быстро сумел приспособиться к своим новым обязанностям: неоднократно очевидцы указывают на его прагматический подход к политике, который даже (в правых кругах) давал повод обвинять его в слабости характера. Он „примлет все, что целесообразно”, — говорил о нем один из крымских общественных деятелей, он „без предрассудков; готов назначить кого угодно на какой угодно пост, если подходящий человек”³⁵. По свидетельству либерального земского деятеля В. А. Оболенского, Врангель „подходил к власти без каких-либо предвзятых мыслей и без определенной программы, с верой в свою интуицию и в умение делать политические выводы из опыта жизни. Он ставил себе определенную цель, а средства готов был выбирать любые”³⁶.

Лишенный опыта в политике, ген. Врангель, по мнению Н. Н. Чебышева, не был лишен способностей к ней: „Врангель имел дар и вкус к организационной работе, управлению людьми и влиянию разумом, волей, искусными ходами виртуоза-шах-

матиста для осуществления поставленных им себе политических целей на благо русского дела, так, как он это благо понимал”³⁷. К таланту подбирать нужных людей и организовывать их работу Врангель присовокуплял умение влиять на общественное мнение речью, листовкой или приказом. Никто из белых вождей не владел устным и письменным словом лучше него, никто не умел так подобрать броскую, запоминающуюся формулировку: в этом читатель сможет убедиться при чтении приведенных в книге различных текстов, об этом свидетельствует и выбранный им точный и краткий гражданский титул „Правителя Юга России”³⁸ или пометка на представленном ему ген. Махровым докладе, где предлагалось армию переименовать из Добровольческой в „Крымскую русскую” — „Просто Русская”³⁹.

Ген. Врангель был искренне верующим православным и церковным человеком, он всегда вспоминал о Боге в важные и трудные моменты жизни. „Я сам человек верующий, — говорил он Г. Раковскому, — и придаю огромное значение правильно поставленному религиозному воспитанию”⁴⁰. Но он не был ханжой и в тесном кругу порой весьма иронически высказывался о некоторых внешних аспектах религиозных нравов⁴¹.

Никто, даже из его явных недоброжелателей, никогда не обвинял Врангеля в личной денежной не порядочности. О его материальной незаинтересованности красноречиво свидетельствует тот факт, что принужденный выехать из России в начале 1920 года, он оказался с семьей в Константинополе настолько необеспеченным, что не мог продолжать свое путешествие в Сербию, как собирался. Лишь при помощи А. В. Кривошеина ему удалось сде-

лать в одном из банков маленький заем⁴². Хотя в 1920 году, по воле обстоятельств, личная жизнь занимала мало времени у Врангеля, его семья не потеряла гармонии, а жена оказывала ему посильную поддержку: так, например, Ольга Михайловна Врангель проявляла большую энергию и немалую инициативу в благотворительном деле (ей в этой области помогала жена ген. Шатилова).

Об уме ген. Врангеля позволяет судить его дело. М. С. Маргулиес передает мнение о том, что его „умственное развитие — инженера, остановленное жизнью кавалериста”, и что он „скоро соображает, но понимает буквально и грубо”⁴³. Для П. Б. Струве, наоборот: „Человеческими же чертами, выделяющими его из остальной генеральской среды, являются чрезвычайная эластичность, высокая культурность и сильная личная восприимчивость”⁴⁴.

В марте 1920 года ген. Врангель поселился с семьей в севастопольском „Малом дворце” — „одноэтажном особняке с крохотным садом”, когда-то выстроенном для вел. кн. Алексея Александровича. В конце лета он переселился в более обширное здание, так называемый „Большой дворец”, служивший резиденцией командующему Черноморским флотом, по сути дела — большой особняк, окруженный палисадником и решеткой. Там же поселились его ближайшие сотрудники — А. В. Кривошеин и ген. Шатилов.

Живя в Севастополе, ген. Врангель вставал рано. С восьми часов он принимал должностных лиц, „представлявшихся лиц и просителей”. Обеденное время длилось от часа дня до двух. С двух часов Врангель продолжал принимать доклады и посетителей, а начиная с шести — посетителей, с которыми

ему хотелось побеседовать подольше. Когда удавалось, он перед ужином „делал прогулку по городу, осматривая лазареты, общежития”, в сопровождении адъютанта. После ужина Врангель работал часов до одиннадцати-двенадцати⁴⁵. Обедал ген. Врангель с женой и тещей, нередким гостем у него был А. В. Кривошеин. К столу были также всегда приглашены дежурные офицеры конвоя. Обед проходил в семейной обстановке, и, дорожа этим временем отдыха, Врангель избегал политических разговоров. Еда была простая и состояла лишь из одного блюда с гарниром, без водки и закуски. Каждому полагался лишь один стакан крымского вина⁴⁶. При отлучках из Севастополя ген. Врангель жил в предоставленном ему поезде, где помещался также его штаб, в очень примитивной обстановке⁴⁷.

*

С задачей создания новой русской государственности в условиях гражданской войны могли справиться, считал Врангель, „лишь люди, обладавшие широким запасом знаний и государственного опыта и необыкновенной политической гибкостью”. Таких людей найти было очень трудно. Политические деятели старой школы обладали опытом, но часто не были способны работать без прочно налаженного бюрократического аппарата. Они в свою работу „неизбежно переносили все отрицательные черты нашей старой бюрократии” — отчужденность от населения, канцеляризм и волокиту. Деятели из кругов либеральной интеллигенции, среди которых ген. Деникин черпал себе сотрудников, ген. Врангель считал не более пригодными к работе: для

него это были „люди в большинстве случаев слов, а не дела, принадлежащие главным образом к тому классу русской интеллигенции, которой даже и в политической борьбе был чужд действенный порыв”, к тому же они, по силе обстоятельств, не обладали государственным опытом⁴⁸.

Мало кто из запрошенных Врангелем видных деятелей решился приобщиться к „крымской авантюре”, и до ее конца „недостаток людей чувствовался во всем”⁴⁹. „Где же мне взять честных, толковых людей? Где они, Герман Иванович?..” — кричал в начале июня Врангель ген. Коновалову⁵⁰.

Неудивительно, что, при скудости талантов гражданских, при Врангеле продолжали играть некоторую политическую роль военные. Еще до прихода ген. Врангеля к власти ген. Деникин заменил своего начальника штаба — очень непопулярного ген. Романовского — ген. П. С. Махровым, которого до июля оставил на этой должности и Врангель. Ген. Врангель хорошо знал Махрова по совместной службе в Кавказской армии, где он был начальником военных сообщений. Он считал Махрова „чрезвычайно способным, дельным и знающим офицером генерального штаба”, хотя и упрекал его в том, что „он не прочь был поиграть демократизмом”⁵¹. Ген. Слащев прямо говорит об „эсеровском направлении” Махрова⁵². В первые недели правления Врангеля ген. Махров сыграл крупную роль как политический советник, а главное, как составитель обширной докладной записки о всех актуальных политических вопросах, которая была внимательно изучена ген. Врангелем и в некоторых важных областях явно инспирировала его политику. В начале июня ген. Врангель назначил своего старого друга

ген. Шатилова начальником штаба. Ген. Махров был послан в Польшу военным представителем.

Павел Николаевич Шатилов родился в 1881 году в военной семье: и дед его и отец были генералами. Он окончил первым в своем выпуске Пажеский корпус. Участвовал в Русско-японской войне. В 1908 году он окончил первым и Академию Генерального штаба, где учился совместно с П. Н. Врангелем. Во время первой мировой войны он себя показал как способный штабной офицер в разных кавалерийских частях. За боевые отличия был награжден орденом св. Георгия. С 1916 года служил на Кавказском фронте, где получил большой опыт в разведывательной работе. С начала 1919 года служил в Белой армии под начальством ген. Врангеля и показал себя талантливым и храбрым начальником различных конных частей, а с июня стал начальником штаба Кавказской армии. Вместе с ген. Врангелем он уехал за границу, с ним он вернулся в Крым, хотя его ген. Деникин на военное совещание 21 марта не приглашал.

До того, как поручить ему в июне штаб главнокомандующего, Врангель назначил Шатилова своим „помощником”⁵³. Врангель оценивал его очень высоко — „блестящего ума, выдающихся способностей, обладая большим военным опытом и знаниями, он при огромной работоспособности умел работать с минимальной затратой времени”⁵⁴ — и очень многое поручал его разумению. До приезда в Крым А. В. Кривошеина, П. Н. Шатилов председательствовал в Совете при главнокомандующем в отсутствие последнего. Ген. Шатилов принял деятельное участие в подготовке плана эвакуации из Крыма. Ему же

Врангель поручил общую подготовку кубанского десанта, которая оказалась не на высоте.

Нельзя, впрочем, не заметить, что на фоне его прежней карьеры деятельность Шатилова в Крыму представляется несколько пассивной. Как и до него начальник штаба Деникина, Шатилов возбудил против себя немало нареканий. Ген. Слащев утверждает, что он слыл склонным к интригам и небезразличным к деньгам⁵⁵. Растущая непопулярность ген. Шатилова объяснялась, хотя бы отчасти, его большой личной близостью к ген. Врангелю и предполагаемым необъективным отношением последнего к нему.

Среди наиболее выдающихся военных из окружения ген. Врангеля следует упомянуть генерал-квартирмейстера Г. И. Коновалова. Некоторые крайне правые круги называли его „злым гением Юга России” и считали его крайне левым эсером⁵⁷. Крайне монархически настроенный Немирович-Данченко пишет о нем, что он решил „в Крыму копировать во всех отношениях недоброй памяти Ген. Романовского”, и рассказывает о его желании закрыть все монархические газеты⁵⁸. Его сотрудник А. А. Валентинов пишет, что на одном из заседаний правительства Юга России, ген. Коновалов подверг резкой критике политику А. В. Кривошеина (он не уточняет, в чем...). Ген. Врангель ему тогда заметил, что он приглашен лишь как генерал-квартирмейстер. Вследствие этого инцидента Коновалов подал прошение об отставке, через несколько дней отклоненное главнокомандующим⁵⁹. Следует указать, что даже политические враги признавали личную порядочность Коновалова, а весьма право настроенный ген. фон

Дрейер признает, что на Кубани спасли положение лишь „хладнокровие и талант” Коновалова⁶⁰. Сам Врангель отмечает, что политические взгляды ген. Коновалова вызывают много нареканий, однако он „даже его врагами признавался за выдающегося по способностям офицера”⁶¹. До конца крымского сидения ген. Коновалов и его окружение представляли несколько оппозиционный левый фланг армии, очень убежденно поддерживающий реформы правительства, даже когда он их считал недостаточными.

Генерал Е. К. Климович был не менее одиозной фигурой для левых, чем ген. Коновалов для правых. Климович был жандармским генералом, и еще до революции приобрел большой опыт борьбы с революционным подпольем. При Временном правительстве он был арестован, но оправдан в 1918 году „большевистским” трибуналом. В Крым ген. Климович попал по ошибке: ему передали в Сербии приглашение, адресованное А. В. Кривошеинным проф. Билимовичу! Когда он приехал, ему пришлось, к неудовольствию самого Кривошеина, найти применение по специальности: он был назначен начальником Особого отдела штаба главнокомандующего (т. е. контрразведки)⁶². Ген. Врангель свидетельствует о Климовиче, как о „весьма дельном и честном человеке”⁶³, и он со своей задачей вполне справился, хотя и был постоянным предметом нападок для либеральной крымской общественности.

О некоторых казачьих генералах будет идти речь ниже. Среди прочих наиболее видную роль играли командир Первого корпуса ген. Кутепов и командир Второго корпуса — ген. Слащев.

А. П. Кутепов был храбрым и исполнительным тридцативосьмилетним генералом, очень авторитетным среди „цветных” частей под его командованием: в крымский период — Корниловской, Марковской и Дроздовской дивизий. Как и большинство добровольцев, стоявших под его командованием, он был далек от политики, и вооруженная борьба с большевиками представлялась ему основным средством спасения России. Зная, что ген. Врангель способен хорошо руководить вооруженными силами и навести порядок в тылу, ген. Кутепов согласился на его избрание в марте 1920 года и честно поддерживал его до конца.

„Из всех странных фигур, которые привела на поверхность травма гражданской войны, ни одна не была страннее генерала Слащева”⁶⁴, — пишет американский историк гражданской войны П. Кинез. В 1920 году Я. А. Слащеву было всего 34 года. Он был способным военачальником, с ничтожными силами удержавшим в начале 1920 года крымские перешейки. Ген. Слащев всячески пропагандировал ген. Врангеля еще до его избрания, и первое время их отношения были неплохие, несмотря на уже проявившиеся ненужную жестокость, неуравновешенность и склонность к политическим интригам (в ультрамонархических тонах) ген. Слащева.

Одевался Слащев в „черные, с серебряными лампасами брюки, обшитый куньим мехом ментик, низкую папаху-„кубанку” и белую бурку”⁶⁵, жил в окружении многочисленных птиц и, по утверждению ген. Врангеля, злоупотреблял спиртными напитками и наркотиками. Несмотря на свои странности и несколько расстроенную излишествами психи-

ку, Слащев прекрасно руководил своим корпусом во время весеннего наступления в Северной Таврии и лишь после возникших недоразумений между ним и Врангелем о ходе военных дел под Каховкой был, по собственной просьбе, освобожден от командования. В утешение ген. Врангель придал к его фамилии титул „Крымский”. После некоторого отдыха ген. Врангель поручил Слащеву председательство ново-созданной комиссии по помощи нуждающимся офицерам. В тылу Слащев пребывал в некоторой „правой” оппозиции правительству, а в дни эвакуации сочинил и настойчиво предлагал Врангелю фантастический план спасения положения⁶⁶.

6 июня 1920 года ген. Врангель назначил своим помощником, то есть первым лицом в Крыму после себя, А. В. Кривошеина.

Александр Васильевич Кривошеин (1858—1921) был внуком крестьянина и сыном армейского подполковника. Его служба до революции ознакомила его в совершенстве с различными областями государственного управления: в 1902—1905 годах он возглавлял Переселенческое управление Министерства внутренних дел, в 1906—1908 годах он стал управляющим Дворянским и Крестьянским поземельными банками, а в 1908—1915 годах был главноуправляющим землеустройством и земледелием. Кривошеин был ближайшим сотрудником П. А. Столыпина в деле проведения земельной реформы.

А. В. Кривошеин сумел возвыситься до самых ответственных государственных должностей исключительно благодаря своим личным качествам талантливого администратора и тончайшего знатока всех правил и опасностей политической игры (мно-

гие недоброжелатели обвиняли его в чрезмерном вкусе к политической интриге).

После Февральской революции Кривошеин занял должность одного из директоров мануфактуры „Савва Морозов Сын и К^о” (Савва Морозов был дядей его жены). В конце 1917 года он участвовал в умеренно монархическом Правом центре, в который входили и некоторые правые кадеты, а в июне 1918 года уехал на Украину, где, после крушения немцев, постарался создать условия для возникновения, при поддержке Антанты, широкого антибольшевистского фронта.

При ген. Деникине Кривошеин возглавлял, в Ростове и Екатеринодаре, умеренно консервативную группу „Государственное объединение”, которая стояла в некоторой оппозиции правительству Деникина, хотя в него входил один из ее членов — Н. В. Савич. В Екатеринодаре же Кривошеин познакомился с Врангелем и близко сошелся с ним.

В январе 1920 года ген. Деникин поручил Кривошеину заведование продовольствием тыла. Из Новороссийска Кривошеин эвакуировался в Константинополь, где встречался с ген. Врангелем и П. Б. Струве: они иногда проводили вечера в беседе в кафе „за чашкой турецкого кофе”⁶⁷. Уехав из Константинополя во Францию, Кривошеин „думал окончательно обосноваться в Париже, где один некогда крупный московский банк, располагавший некоторыми капиталами за границей, предложил ему должность председателя совета”⁶⁸. Но, несмотря на свою (редкую для русских эмигрантов того времени) обеспеченность за границей, Кривошеин, запрошенный ген. Врангелем письмом в начале апреля 1920 года, согласился помочь ему в де-

ле гражданского управления и выехал из Парижа в Крым. Не задержала его в Париже и мысль о том, что он уже внес немалую лепту в белую борьбу, в которой погибло двое его сыновей.

В своих воспоминаниях Врангель дает А. В. Кривошеину следующую характеристику: „Человек исключительной эрудиции, культурности и широко-го кругозора, с вполне определенными ясными взглядами, он умел быть терпимым, обладал редкой способностью уметь стать на точку зрения другого, убедить своего собеседника, с исключительным тактом избегая всего того, что могло бы последнего задеть. Принадлежа всей своей предыдущей службой к государственным людям старой школы, он, конечно, не мог быть в числе тех, кто готов был принять революцию, но он ясно сознавал необходимость ее учесть. Он умел примениться к новым условиям работы, требующей необыкновенного импульса и не терпящей шаблона”⁶⁹.

Так же, как и Врангель, Кривошеин прагматически относился к политике. В октябре 1920 года, например, он заявил французскому журналисту, что „лучше, чтобы монархия пришла на пять лет позже, чем на пять часов раньше времени”⁷⁰. В памяти В. А. Оболенского, стоявшего на совсем иных политических позициях, сохранилось о Кривошеине „впечатление, как о человеке искренне и горячо любящем Россию. Кроме того, это был человек большого ума, лучше многих понимавший всю глубину происходивших в русской жизни изменений и ясно представлявший себе, что возврата к прошлому нет”, хотя его долголетняя служба до революции, считает Оболенский, мешала ему обходиться без административных приемов старой бюрократии.

тии⁷¹. В Крыму политические враги Кривошеина обвиняли его в тесных связях с финансовыми кругами и в чрезмерно благосклонном отношении к их частным интересам⁷², но эти подозрения, поскольку нам известно, не подтверждаются доказательствами⁷³.

Петр Бернгардович Струве (1870–1944) был главным сотрудником ген. Врангеля в области внешней политики. П. Б. Струве, выдающийся ученый-экономист, прошел сложный духовный и политический путь, приведший его от марксизма к вере, к национализму и к участию в сборнике „Веги”. После 1905 года Струве возглавлял правое крыло Партии Народной Свободы (т. е. „кадетской”). Он был при ген. Деникине членом его „правительства” – Особого совещания – и сблизился с ген. Врангелем зимой 1919/20 годов, когда жил с ним в Новороссийске в одном вагоне⁷⁴. П. Б. Струве приехал в Крым на несколько дней позже ген. Врангеля и был вскоре назначен им начальником Управления иностранных сношений. „Человек большого ума, огромной эрудиции, Струве, как ученый и политик, был хорошо известен в Европе. Как советник он мог мне быть чрезвычайно полезен”, – пишет о нем Врангель⁷⁵. Во время длительных пребываний Струве за границей его заменял князь Г. Н. Трубецкой, „которого обычно рассматривали, как компетентного человека”⁷⁶.

На должность начальника Гражданского управления (т. е. „министра” внутренних дел), „после долгих поисков” Кривошеин выбрал С. Д. Тверского. По свидетельству А. А. Валентинова, деятельность

Тверского и его ведомства нередко приводила Врангеля в сущее отчаяние⁷⁷. По другому свидетельству, он „не дал себя увлечь воодушевлением борьбы за национальное дело” и иногда назначал очень неудачных местных администраторов⁷⁸.

Управление земледелия и землеустройства было поручено бывшему начальнику Переселенческого управления и сотруднику Кривошеина – сенатору Г. В. Глинке. Глинка, хотя, по мнению земского деятеля Оболенского, был консервативных взглядов „с славянофильским оттенком”, был готов „пойти довольно далеко в земельном радикализме”⁷⁹. К делу земельной реформы Глинка отнесся добросовестно.

Выбор М. В. Бернацкого в качестве начальника Управления финансов был, пожалуй, менее удачным. Бернацкий считался экспертом по финансовым вопросам и служил правительствам Юга России со времени зарождения Добровольческого движения. К концу лета, убедившись в том, что Бернацкий скорее теоретик, чем человек дела, ген. Врангель начал думать о его замене, но так и не успел ее осуществить.

Ценным человеком оказался бывший член Государственной Думы Н. В. Савич, назначенный Государственным контролером. По словам М. С. Маргулиеса, он был „умным, дельным и несомненно лично честным человеком”⁸⁰. Врангель познакомился с ним еще в Ростове, осенью 1919 года.

Начальником Управления торговли и промышленности был назначен В. С. Налбандов. Налбандов, по национальности армянин, был членом таврической земской управы и занимал должность Государственного контролера в местном крымском правительстве С. С. Крыма в 1919 году. Он был вполне способен добиться осуществления своей основной задачи — налаживания, с учетом интересов казны, экспорта ячменя из Крыма.

Глава 2

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ГЕНЕРАЛА ВРАНГЕЛЯ И ЕГО ОКРУЖЕНИЯ

Политику ген. Врангеля нередко называют, по выражению П. Б. Струве, „левой политикой правыми руками”, а также характеризуют ее приписываемыми самому Врангелю словами — „хоть с чертом, но против большевиков”¹. Эти меткие формулировки несколько упрощают действительность, но не слишком ее искажают. По определению К. А. Кривошеина, политическое мышление Врангеля имело две основы: пламенный патриотизм и „врожденный прагматизм”, позволявшие ему „искать правильное и осуществимое решение, даже если оно не отвечало /его/ вкусам и личным идейным предпочтениям”².

Ген. Врангель, безусловно, был убежденным монархистом; Временное правительство — „безвольное и бездарное”, — считал он, „позорно отдало Россию на милость победителя”. Но не оно одно было ответственно за это — „ответственность с ним разделяли и старшие военачальники и весь русский народ”. Ответствен за возникшую смуту и сам Николай II: в начале 1917 года, пишет Врангель, „армия, как и вся страна, отлично сознавала, что Государь действиями Своими больше всего Сам подрывает престол”³.

В начале 1922 года ген. Врангель ответил на письмо ген. П. Н. Краснову, предлагающему ему откры-

то провозгласить лозунг „За Веру, Царя и Отечество”. „Вы не можете сомневаться в том, — писал он, — что по убеждениям своим я являюсь монархистом, и что столь же монархично, притом сознательно, и большинство Русской Армии”. Но, — продолжал он, — революция разорвала два прежде связанных понятия о родине и о монархизме, и „нужна длительная работа, чтобы в народном сознании оба эти понятия вновь слились воедино. Пока этот неизбежный процесс не завершится, причем вне всякого, со стороны, насильственного воздействия, пока оба эти понятия не станут вновь однородными, пока понятие „монархизма” не выйдет из узких рамок политической партии, Армия будет жить только идеей Родины, считая, что ее восстановление является реальной, первоочередной задачей. /.../ Идея служения родине сама по себе так велика, диктуемые ею задачи так многообразны, что в ней, в этой всем понятной идее, надо искать то начало, которое должно объединить Армию, народ и все государственно-мыслящие и любящие родину элементы”⁴.

К политическому курсу своего предшественника ген. Врангель относился отрицательно. Он в начале апреля публично заявил, что причина неудачи ген. Деникина кроется в том,

„что стратегия была принесена в жертву политике, а политика никуда не годилась.

Вместо того, чтобы объединить все силы, поставившие себе целью борьбу с большевизмом и коммуной и проводить одну политику, „русскую” вне всяких партий, проводилась политика „добровольческая”, какая-то частная политика, руководители которой видели во всем том, что не носило на себе печать „добровольцев” — врагов России.

Дрались и с большевиками, дрались и с украинцами, и с Грузией и Азербайджаном, и лишь немного не хватало, чтобы начать драться с казаками /.../ В итоге, провозгласив единую, великую и неделимую Россию, пришли к тому, что разъединили все антибольшевицкие русские силы и разделяли всю Россию на целый ряд враждующих между собой образований”⁵.

В официальной секретной справке от 19 мая, отражающей взгляды ген. Врангеля, отмечалось, что -- „основной чертой прежней власти при решении политических вопросов была крайняя неопределенность. Прежнее командование не только избегало стать на какую-либо точку зрения, которая могла бы показаться партийной, но прямо избегало высказать свой взгляд на коренные вопросы внешней и внутренней политической работы.

Такая неопределенность безусловно явилась одной из серьезных причин той неудовлетворенности, какую питали по отношению к главному командованию самые разнообразные течения русской общественности”⁶.

Вот как передавал В. В. Шульгину Врангель свои первые чувства после принятия власти:

„Если уж кончать, то по крайней мере без позора... Когда я принял командование, дело было очень безнадежно. Но я хотел хоть остановить это позорище, это безобразие, которое происходило... Уйти, но хоть по крайней мере с честью... И спасти, наконец, то, что можно... Словом, прекратить кабак... Вот первая задача”⁷.

Но вскоре выяснилось, что борьба еще возможна, и тогда для ген. Врангеля встало на первый план все

то, что могло, по его мнению, способствовать ее успешному развитию.

„По ту сторону нашего фронта, — говорил Врангель Н. Н. Чебышеву, — на севере, царит произвол, угнетение, рабство. Можно держаться самых разнообразных взглядов на желательность того или иного государственного строя, можно быть крайним республиканцем, социалистом, даже марксистом, и все-таки признавать так называемую советскую республику образцом самого небывалого, зловещего деспотизма, под гнетом которого погибает и Россия и даже новый ее, якобы господствующий, класс пролетариата, прижатый к земле, как и все остальное население”⁸.

„Программу свою я объявил и от проведения ее не отступлю, — пишет Врангель в приказе от 12 октября. — Благо и свобода народа; внесение в русскую жизнь оздоравливающих начал гражданского строя, чуждых классовой и племенной ненависти; объединение всех, уцелевших от разгрома живых сил России и доведение военной и идейной борьбы до того желанного часа, когда русский народ властно выразит свою волю: как быть России”⁹.

По свидетельству Г. В. Немировича-Данченко, Врангель „избегал партийных людей”, не согласных отречься от своей партийной линии, какой бы она ни была¹⁰. „Мы в осажденной крепости, — высказывался сам ген. Врангель, — и лишь единая твердая власть может спасти положение. Надо побить врага прежде всего, сейчас не место партийной борьбе”. Пока борьба продолжается, „все партии должны объединиться в одну, делая внепартийную деловую работу. Значительно упрощенный аппарат управления мною строится не из людей какой-либо партии,

а из людей дела. Для меня нет ни монархистов, ни республиканцев, а есть лишь люди знания и труда”¹¹. В другом документе Врангель пишет: „...мне нужны люди, сильные духом, знающие народную жизнь и умеющие ее строить. Партийная или политическая окраска их для меня безразлична: были бы преданы родине и умели бы разбираться в новых условиях”¹².

И действительно, ген. Врангель предлагал сотрудничество самым различным людям и группировкам: от „эсеров”, как ген. Коновалов, до бывшего царского министра Кривошеина, от батьки Махно до митрополита Антония Киевского (Храповицкого). Однако далеко не все призванные им на помощь люди откликнулись на его призыв: „левые” часто боялись запятнать у „черного барона” свои демократические ризы, а видные „правые” (впрочем, как и некоторые „левые”) деятели не хотели покидать свои безопасные зарубежные гнезда, а порой и обвиняли Врангеля в чрезмерном демократизме.

В отношении будущего политического устройства России Врангель был, не менее, чем Деникин, „непредрешенцем”:

„А мы стремимся, — говорил он в интервью Чебышеву, — установить минимальный порядок, при котором народ мог бы, если пожелает, свободно собраться и свободно выразить свою волю. Мои личные вкусы не имеют никакого значения. С минуты принятия на себя власти я отрешился в своей официальной деятельности от личных влечений к тому или другому порядку. Я беспрекословно подчиняюсь голосу русской земли”¹³.

24 августа было официально сообщено представителю США в Крыму, адмиралу Мак-Колли: „Генерал

Врангель неоднократно заявлял, что его цель состоит в предоставлении возможности русскому народу самому свободно выразить свою волю касательно будущей формы правления в России. Он еще раз подтверждает свое намерение установить условия, позволяющие созыв Национального Собрания, избранного на основах всеобщего избирательного права и посредством которого будет установлена форма правления в новой России. Генерал Врангель не имеет ни малейшего намерения навязать России форму правления, действующую без народного представительства и лишенную общественной поддержки¹⁴. В отношении же ближайших целей „основой политики ген. Врангеля был отказ от похода на Москву с сохранением южно-русской государственности при помощи союзников“¹⁵.

Вот как, в пересказе В. Шульгина, ген. Врангель определял свои политические задачи в самом Крыму:

„Я добиваюсь, чтобы в Крыму, чтобы хоть на этом клочке сделать жизнь возможной... Ну словом, чтобы, так сказать, — показать остальной России... вот у вас там коммунизм, т.е. голод и чрезвычайка, а здесь: идет земельная реформа, вводится волостное земство, заводится порядок и возможная свобода... /.../ Мне надо выиграть время... чтобы, так сказать, слава пошла: что вот в Крыму можно жить. Тогда можно будет двигаться вперед, — медленно, не так, как мы шли при Деникине, — медленно, — закрепляя за собой захваченное. Тогда отнятые у большевиков губернии будут источником нашей силы, а не слабости, как было раньше... Втягивать их надо в борьбу по существу... чтобы они тоже боролись, чтобы им было, за что бороться...“¹⁶.

По выражению Г. Раковского, в Крыму хотели устроить „опытную ферму” государственного строительства или, по выражению вышеупомянутого собеседника американскому адмиралу Мак-Колли, хотели создать и сохранить „здоровое ядро” государственности, „дабы оно могло служить центром притяжения, вокруг которого бы свободно собирались и развивались все усилия русского народа, направленные к национальному возрождению”¹⁷.

В основу своей „опытной фермы” ген. Врангель ставил два действительно активно проводимых им мероприятия: земельную реформу, схожую по замыслу со столыпинской, и введение местного демократического самоуправления. Будущая Россия ему грезилась построенной на этих началах, „в виде целого ряда областей, которым будут предоставлены широкие права”. Волостное земство, вводимое в Крыму, лишь первый этап строительства будущей России, „из волостных земств надо строить Уездные, а из Уездного земства — Областные Собрания”. „Когда области устроятся, тогда вот от этих самых волостных или уездных собраний будут посланы представители в какое-то Общероссийское Собрание... Вот оно и решит...”¹⁸.

В другом случае Врангель высказывался следующим образом:

„Пусть среди разлагающегося бывшего тела свободно оживают отдельные клеточки и долг искусного врача должен быть в объединении их, не разрушая каждую в отдельности. Чем более будет здоровых клеток, тем процесс разложения будет скорее пресечен. В конечном итоге все омертвелые части организма распадутся и новая молодая ткань заменит потерявшее жизненность больное тело”¹⁹.

„Ввиду необъятности территорий, занимаемых бывшей Россией, — говорил Врангель Г. Раковскому, — ввиду этнографических и бытовых особенностей населения этих территорий, я считал нецелесообразной централизацию управления”²⁰. Ген. Врангель недвусмысленно признал право казачьих областей на внутреннюю автономию, в отношении же некоторых других частей России интересно следующее официальное высказывание:

„Ныне принята не только возможность, но и желательность соглашения с Украиною, Грузией и всеми иными государственными образованиями, возникшими на территории России, причем в основу кладется признание их независимости”²¹.

Впрочем, готовность признать независимость этих „государственных образований” не мешала Врангелю лично предпочитать создание в будущем федеративного государства, в которое они бы вошли.

Хорошо определяет отношение Врангеля к его западным „союзникам” следующее его официальное высказывание:

„Генерал Врангель полагает, что возглавляемое им правительство остается единственным хранителем идеи национального возрождения и восстановления единства России. В то же время он признает, что только правительство, установленное после разрешения национальным собранием вопроса о форме правления, сможет заключать договоры, затрагивающие суверенные права русского народа и распоряжаться национальным достоянием”²².

Стремясь добиться от западных держав материальной поддержки, ген. Врангель считал своим долгом и оберегать честь русского имени и следил за чрезмерными проявлениями угодничества к ино-

странцам. Таким образом, например, в секретной инструкции начальника военного управления представителю ген. Врангеля в Париже отмечается, что „в последнее время” представление иностранцев к награждению русскими орденами приняло „массовый характер”, и указывается, что „Главкомандующий считает, что представления иностранцев допустимы лишь за особо выдающиеся заслуги, каковые не могут быть явлением заурядным и при том с тем, чтобы, до окончательного решения Главкомандующего, самим достаиваемым не сообщалось о сделанных представлениях, в устранение возможных осложнений, имевших место за последнее время”²³.

„В совершенной полноте выражена точка зрения новой власти по отношению к внутренней политике”²⁴ в известном воззвании ген. Врангеля, опубликованном 20 мая:

„ВОЗЗВАНИЕ

Слушайте, русские люди, за что мы боремся:

За поруганную веру и оскорбленные ее святыни.

За освобождение русского народа от ига коммунистов, бродяг и каторжников, вконец разоривших Святую Русь.

За прекращение междоусобной брани.

За то, чтобы крестьянин, приобретая в собственность обрабатываемую им землю, занялся бы мирным трудом.

За то, чтобы истинная свобода и право царили на Руси.

За то, чтобы русский народ сам выбрал бы себе
Х о з я и н а.

Помогите мне, русские люди, спасти Родину.

Генерал Врангель”²⁵.

Вокруг смысла слова „хозяин” началась политическая борьба: и часть монархистов, и часть их противников поняли его как намек на желательность избрания единоличного монарха, а некоторые политические враги Врангеля приписывали ему даже лично желание стать этим „хозяином”. Ген. Врангелю пришлось сделать заявление в печати о том, что он сам себя „хозяином” русского народа нисколько не считает и что „Хозяин’ — это сам русский народ. Как он захочет, так и должна устроиться страна”²⁶.

Одновременно с воззванием ген. Врангель объявил приказ № 3226 от 20 мая, текст которого стал одной из наиболее широко распространяемых по ту и другую сторону фронта листовок:

„Русская Армия идет освобождать от красной нечисти Родную землю.

Я призываю на помощь мне Русский Народ.

Мною подписан закон о волостном земстве и восстанавливаются земские учреждения в занимаемых Армией областях.

Земля казенная и частновладельческая сельско-хозяйственного пользования распоряжением самих волостных земств будет передаваться обрабатывающим ее хозяевам.

Призываю к защите Родины и мирному труду русских людей и обещаю прощение заблудшим, которые вернутся к нам.

Народу — земля и воля в устройении государства.

Земле — Волею народа поставленный Хозяин.

Да благословит нас Бог!

Генерал Врангель”27.

На той же основе возник и еще один приказ (№ 3207 от 20 мая), также распространяемый в виде листовки, который гораздо более подробно объявлял о мероприятиях, уже проводимых или намеченных властью:

„С помощью Божией двигая вперед войска на борьбу с игом советской власти, почитаю долгом перед Родиной принять на себя особую заботу об устройении в занимаемых войсками местностях мирной жизни и правопорядка.

Неотложным считаю облегчить тяготу населения, измученного дороговизной и скудостью питания, и устранить стеснения для развития производительных сил народных в занятии земледелием, промыслами и торговлей.

Трудящемуся крестьянину-земледельцу нужна земля, торговцу — свобода торговли, передвижения и восстановление сообщений, ремесленнику и промышленнику — материалы для работы и рынок. Всем — питание и порядок.

Для восстановления разрушенных междуособицей необходимых условий общественной и государственной жизни в местностях, занимаемых русски-

ми войсками — призываю в помощь мне народное земское самоуправление.

Предоставляю самому народу в лице трудящегося на земле крестьянства устройство земельного правопорядка на началах принадлежности земли мелкому крепкому собственнику.

Тому же народу вверяется охрана жизни, свободы и имущества каждого русского гражданина, не признающего советских властей и порядков.

С этой целью, по мере занятия войсками новых местностей, в них будут вводиться в действие правила:

о передаче казенной и частновладельческой земли сельско-хозяйственного пользования — в частную собственность мелкими участками обрабатывающим землю хозяевам с уплатою ее стоимости государству;

о волостном земском самоуправлении и восстановлении земских учреждений.

Для охраны порядка и спокойствия в городе и деревне будут даны населению нужные военные силы.

Борьба с насильниками и угнетателями.

Мир с родным народом.

Строгая кара насилия и грабежа.

Прощение всем, кто извернется в обманах советских обещаний и готов бороться с нами за русскую государственность и свободу мирного труда.

Народу — земля и воля в устройении государства.

Земле — Волею Народа поставленный Хозяин.

Да поможет нам Бог в нашем святом деле.

Генерал Врангель”28.

Как мы уже видели выше, ближайшие сотрудники ген. Врангеля не были группой идейно спаянных консерваторов. Они все были непримиримыми врагами советской власти и сторонниками вооруженной борьбы с большевиками, но об условиях этой борьбы они высказывались довольно разнообразно. Наиболее „левые” настроения на верхах проявлялись в штабе главнокомандующего, у ген. Коновалова и, до его отъезда в Польшу, у начальника штаба ген. Махрова. Ярко выражает взгляды этих кругов доклад от 8 апреля, подготовленный ген. Махровым для нового главнокомандующего. Целью его было „подвести итог деникинскому периоду и указать новые пути, методы и средства к тому, чтобы продолжать борьбу с надеждой на успешное ее окончание”. Этот доклад — один из самых интересных программных документов белых за все время гражданской войны. Он был очень внимательно прочитан Врангелем, оставившим на полях многочисленные замечания, и, безусловно, наложил значительный отпечаток на государственные мероприятия в Крыму²⁹.

Ниже мы приводим несколько характерных отрывков из доклада Махрова*:

„/.../ Внутренняя политика должна опираться на здоровую массу населения.

Все данные указывают, что подавляющая часть русского народа почти исцелилась от большевистской заразы; ненавидит советскую власть и с радостью пойдет за той властью, которая, освобождая на-

* Доклад ген. Махрова напечатан полностью в журнале „Грани” № 124, 1982.

род от большевистского ига, осуществит ожидаемые народом чаяния.

Для привлечения народных масс на свою сторону необходимо твердо знать эти чаяния, навсегда вкоренившиеся в народную душу.

Они всем известны, это 1) земля, 2) народоправство, 3) лозунг „Долой гражданскую войну”, 4) рабочий вопрос, 5) восстановление гражданского порядка и законности. /.../

Сущность земельного вопроса понимается всеми, кроме крайних социалистических и крайних правых партий, одинаково.

Крестьяне должны быть наделены дополнительно землею; крупное землевладение должно прекратить свое существование.

Мы должны привлечь на свою сторону среднее крестьянство и мелкое землевладение, сохраняя неизблемым, в противовес социалистам, принцип собственности и укрепив его всеми мерами и столь ожидаемым крестьянином юридическим порядком (выкуп и „бумага с орлом”) /гербовая бумага. — Н. Р./ /.../

Идея участия всего народа в управлении страной настолько сильна в широких слоях населения, что убить ее можно было только опираясь на реальную силу, а получить эту силу от самого же народа, отвергая самый принцип народоправства, невозможно; поэтому необходимо стать на путь широкого, разумно понимаемого демократизма, отвергая все левые искажения этой идеи и продолжающиеся попытки крайних правых совершенно отвергнуть этот принцип.

Практически надлежит:

1) В декларации Верховной власти подтвердить, что задачей внутренней политики ставится созыв Всероссийского Учредительного Собрания.

2) Во исполнение сего объявить о выборах 30 членов этого Собрания положенных от Крыма и немедленно к этим выборам приступить.

Эти члены Учредительного Собрания должны быть привлечены к участию в работе Правительства, с предоставлением им совещательного голоса.

По мере очищения соседних областей от большевиков должны выбираться члены Учредительного Собрания от них.

Таким образом, постепенно была бы избрана большая часть Учредительного Собрания и, что самое главное, население теперь же увидело /бы/ реальное подтверждение и доказательства объявленного лозунга „За Учредительное Собрание”, чего до сих пор не дали ни большевики, ни прежняя Южно-Русская власть. /.../

Вопросом внутренней политики является и вопрос об отношении к различным областям Российского государства, заявляющим права на ту или другую степень самостоятельности.

В этом отношении в декларации должен быть смело поставлен лозунг федеративности и единства России³¹ (что совершенно не противоречит одно другому, как то мы и видим в Америке и Швейцарии).

Надлежит объявить, что области, в которых сконструировалась власть, будут входить в наше государственное объединение, борющееся с большевиками, как свободные и равные члены, но под знаменем федеративной России и единства; это будет, в настоя-

щий период, выражаться единой верховной властью Правительства в отношении единства командования армией и флотом, единства иностранных сношений. /.../

В вопросе внутренней частной политики в Крыму надлежит:

1) Возобновить деятельность органов земского и городского самоуправления, привлекая их к помощи в деле снабжения армии и упорядочения экономического и санитарного состояния тыла, а также для фактического хозяйственного контроля³².

2) Главнокомандующему показать свое сочувствие общественности, посетить Земский съезд, пополненный представителями от всех слоев крымского населения (крестьян, татар, немцев, профессионально кооперативов /так!/, сельских хозяев) в Симферополе³³, и, сказав программную речь на основах декларации, созвать специальный крестьянский съезд для обсуждения земельных нужд. /.../

Основой более или менее удовлетворительного разрешения рабочего вопроса явится необходимость известных гарантий, чисто конституционного характера, при которых рабочие могут быть уверенными, что их интересы будут защищаться при участии их представителей. /.../

К мероприятиям, подлежащим разрешению теперь же, должны быть отнесены:

1) Подтверждение восьмичасового рабочего дня.

2) Пересмотр существующих и издание нового закона об обеспечении и выдаче пенсии потерявшим трудоспособность и за выслугу лет за счет предприятий. /.../

3) Пересмотр законов об охране детского и женского труда.

4) Введение третейских судов и примирительных камер.

5) Открытие богаделен для инвалидов труда и приютов для сирот рабочих, содержание которых должно быть отнесено на счет казны.

6) Содействие и укрепление развития профессиональных организаций и культурно-просветительной работы среди рабочих.

7) Поручение Начальнику Управления Снабжений разработку вопроса о, хотя бы частичной, натурализации труда для крупных предприятий, так как иначе требование повышения заработной платы будет расти непрерывно³⁴. /.../

В основу /административной/ реформы должен быть положен принцип совместности работы органов администрации по назначению правительства с представительными от народа учреждениями. Только в таком случае народ может почувствовать уверенность в том, что возвещенные еще манифестом 17 октября 1905 года основные начала прав гражданской свободы будут введены в жизнь и станут действительно незыблемыми и реальными и что правительство серьезно вступило на путь обновления государственного строя.

Воссоздание этой уверенности и явится началом общественного и политического успокоения, т. к. утратится всякий смысл классовой борьбы. /.../

Дабы теперь нам, наученным горькими опытами прошлого, не пришлось повторять старых ошибок во внешней и окраинной политике — надо установить новые, здоровые принципы в этом отношении, а именно:

1) Политика должна быть вполне реальная, на-

правленная к защите национальных и исторических интересов России³⁵.

2) Она должна базировать/ся/ на идее обще-славянского объединения и всю работу вести в этом направлении³⁶.

3) Она должна использовать добрососедские отношения для развития нашего экономического благосостояния и для быстрого восстановления сельскохозяйственной жизни, промышленности, торговли и транспорта в стране³⁷.

Нам надлежит жить в мире со всеми Европейскими Странами.

Договоры заключать только те, которые дают определенные выгоды и не грозят нам непредвиденными случайностями. /.../”³⁸

Помощник главнокомандующего А. В. Кривошеин стоял на другом политическом полюсе, но, приняв предложение ген. Врангеля о сотрудничестве, он искренне помогал проводить в жизнь намеченные им мероприятия.

„Есть два пути государственного творчества, — говорил Кривошеин редакторам севастопольских газет. — Государственный Гений Великого Петра, строил государственное здание сверху, начинал с Академии, Сената, Синода. Великолепное здание Петра рухнуло.

Русскую революцию можно понимать, как попытку ликвидировать /здание/ Великого Петра.

Теперь другие условия, другое время. Жизнь указывает теперь на другие пути. Правитель и Главнокомандующий избрал государственное строительство снизу, с фундамента.

Все осажено к низам.

К интенсивному и свободному строительству призваны новые силы, широко поставлен вопрос о децентрализации всего управления.

Смело начертан план целого социального переворота, путем создания класса мелких собственников по нашему Земельному Закону.

Я имею сведения, что наряду с другими обстоятельствами этот Закон также имел влияние на постановку правительством Франции вопроса о нашем признании, чего не удавалось добиться ни генералу Деникину, войска которого доходили до Орла, ни владевшему всей Сибирью адмиралу Колчаку.

Земельный Закон обязывал сделать второй шаг. На очереди стал вопрос об организации управления и самоуправления на местах.

Мы без колебаний решили его так же смело и решительно. Мы передали мелкому собственнику и власть на местах. /.../

По нашему Закону вся деятельность уездного земства перенесена в волость. При пространствах русской жизни это одно уже само по себе колоссальное благо. Мы отдали мелким крестьянским собственникам не только власть земскую, но и власть административную.

Наш Закон идет дальше любого из Западных.

Будущее уездное земство получит право губернского. Мы последовательно пойдем дальше. /.../”³⁹

Вырвавшись из занятой большевиками Одессы в Крым летом 1920 года, В. В. Шульгин посетил и Кривошеина. Ниже приводятся, в пересказе Шульгина, выдержки из их беседы.

„— Когда меня призвали /начал беседу Кривошеин/, я думал об одном: хотя бы клочок сохранить, хотя бы чтобы кости мои закопали в русской земле,

а не где-то там... Ключок для того, чтобы спасти физическую жизнь, спасти всех тех, кого не до-резали /.../ Но чудо случилось... мы не только удержались, мы что-то делаем, куда-то наступаем... /.../

— Где же предел наступления?

— Необходимо держать хлебные районы, то есть северные уезды Таврии. /.../ Хлеб нам нужен... Рассматривайте это, как вылазку за хлебом... Ведь если большевики называют генерала Врангеля „Крымским Ханом”, то следует принять тактику крымского хана, который сидел в Крыму и делал набеги...

— Но зимовать в Крыму?

— Конечно... К этому надо быть готовым... надо ждать...

— Ждать чего?..

— Одно из двух... Или большевики после всевозможных эволюций перейдут на обыкновенный государственный строй, — тогда, досидевшись в Крыму до тех пор, пока они, если можно так выразиться, не опохмелятся, — можно будет с ними разговаривать. Это один конец... Весьма маловероятный... Другой конец, — это так несомненно и будет, — они вследствие внутренних причин ослабеют настолько, что можно будет вырвать у них из рук этот несчастный русский народ, который в их руках должен погибнуть от голода... Вот на этот случай мы должны быть, так сказать, наготове, чтобы броситься на помощь... Но для того, чтобы это сделать, прежде всего что надо?.. Надо „врачу, исцелися сам”. Это что значит? Это значит, что на этом клочочке земли, в этом Крыму, надо устроить человеческое житье. Так, чтобы ясно было, что там вот за чертой — крас-

ный кабак, а здесь по сю сторону – рай не рай, но так, чтобы люди могли жить. С этой точки зрения вопрос „о политике” приобретает огромное значение. /.../”⁴⁰

Глава 3

КРЫМ В 1920 ГОДУ

Территория, занятая войсками ген. Врангеля, в своем максимальном объеме в октябре 1920 года почти соответствовала территории бывшей Таврической губернии, а в наше время Крымской области, левобережной части Херсонской и восточной части Запорожской областей. Она простиралась на примерно 60 000 квадратных километров и насчитывала около трех миллионов населения, считая коренных жителей, беженцев и армию. Постоянно под контролем белого правительства находился лишь Крымский полуостров. Очищенный от красных еще весной 1919 года, он был зимой 1920/21 годов успешно защищен от них войсками ген. Слащева, что позволило остаткам белых армий, учреждений и беженцам найти в его пределах последнее свое прибежище на русской земле.

Северная Таврия, занятая в результате майского наступления 1920 года, находилась под властью белых до октября. К северу пределом продвижения белых был город Александровск (ныне Запорожье), занятый в начале осени; к востоку были заняты к тому же времени Бердянск и Мариуполь, на северо-западе, за исключением короткого военного эпизода, границей служил Днепр. Единственным настоящим городом северной Таврии, длительно находившимся в „государстве ген. Врангеля”, был Мелитополь,

административный и торговый уездный центр, насчитывавший (в 1923 г.) 15 000 жителей.

Северная Таврия — это сухая степь, покрытая там, где возможно, полями с зерновыми культурами, а в иных местах — пастбищами. Деревни, часто очень крупные, расположились в местах, где можно было добыть пресной воды, среди них было значительное число богатых колоний, начиная с времени Екатерины II созданных иностранцами (в основном — немцами). Было и несколько крупных имений, покрывающих тысячи десятин, в которых велось славившееся на всю Россию скотоводство — в основном овцеводство и коневодство. Ниже Александровска, берега Днепра расплывались в болота и многочисленные рукава реки, — в этих днепровских „плавнях”, в которых жило редкое и небогатое население, искали убежища партизанские атаманы различных мастей со своими отрядами.

Крымский полуостров, площадью в 23 600 кв. км, отделен от материка Перекопским перешейком, шириной в 4 км. На восток от перешейка, вплоть до Керченского полуострова, простирается мелководное озеро Сиваш, пересеченное примерно на середине своей железнодорожным путем, ведущим из Севастополя в Харьков. От Азовского моря Сиваш отделен Арабатской стрелкой, пропускающей его воды в море лишь на самом севере, у Геническа. Вся северная часть полуострова (большая его часть) — степная. Ее отделяют от южного побережья Крымские горы, достигающие 1500 метров высоты и местами покрытые густыми лесами — убежище „зеленых” и „красно-зеленых” банд. На юго-восточном берегу Крыма, под защитой гор от северного ветра, уже тогда существовали много-

численные курортные города и местечки, во время гражданской войны переполнившиеся беженцами из всей России; на этой узкой прибрежной полосе возделывались садоводческие культуры и было развито виноделие.

Промышленности в Крыму было мало: самым крупным предприятием был портовый завод в Севастополе, обслуживавший нужды русского военного флота. Из природных богатств эксплуатировались лишь соль и лес, хотя было известно о наличии угля в горной области, близ Бешуя.

Самым населенным до революции городом был Симферополь, административный центр Таврической губернии (71 000 жителей в 1923 г.). В 1920 году ему вряд ли уступал в населении Севастополь (63 000 в 1923 г.), переполненный беженцами. В Севастополе жил Врангель и находились учреждения его правительства. Население Евпатории, Ялты, Феодосии и Керчи, хотя и менее значительное, насчитывало также в 1920 году по несколько десятков тысяч человек.

Основная железнодорожная магистраль Таврической губернии из Севастополя шла через Симферополь, Джанкой и Мелитополь до Александровска. Из Керчи и Феодосии было железнодорожное сообщение с Джанкоем. Из Джанкоя строилась железнодорожная ветвь на Перекоп, которую так и не удалось довести до конечной цели. До Евпатории шла ветвь от станции Карача-Кангил, несколько севернее Симферополя. За исключением прямой связи между Севастополем и Симферополем, железнодорожное сообщение между крымскими городами было очень неудобным, а для Ялты и вообще отсутствовало. Сильно затрудняло транспорт и — на третьем году

гражданской войны — весьма плачевное состояние подвижного состава, а путешествие по дорогам, проходящим через горы или около них, не всегда было безопасным из-за набегов „зеленых”.

Северная Таврия земельного голода не знала, и захваченная у помещиков и состоятельных крестьян земля (помещичья, хуторская и надельная) обрабатывалась не полностью в 1919 году, чему, впрочем, способствовали военные действия, а также реквизиции и мобилизации красных и белых. Тем не менее в этой области, до революции широко экспортировавшей зерно, сохранились до 1920 года значительные запасы продовольствия. Бывшие крупные имения, которых было около пятнадцати, были теоретически превращены в совхозы, а на практике дотла разграблены войсками и соседними крестьянами. В самом Крыму хозяйство было разрушено в меньшей степени, хотя в его степной полосе незасеянных земель было также немало.

Несмотря на очень короткое господство красных на полуострове, старая крымская администрация расшаталась и была неспособна навести порядок в местных отношениях. Новые волостные земские учреждения, в теории созданные правительством ген. Деникина, на практике введены не были.

Глава 4

ВОЕННЫЕ ОПЕРАЦИИ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

(март – ноябрь 1920 г.)

Подробное описание военных действий ген. Врангеля не входит в нашу задачу, но для полноты картины исторического бытия белого Крыма в 1920 году представляется необходимым указать хотя бы основные моменты боевых операций и условия вооруженной борьбы¹.

В начале 1920 года из Новороссийска в Крым были переброшены почти все части Добровольческой армии (около 25 000 человек), значительное количество донцов (около 10 000), незначительное количество кубанцев и некоторые другие мелкие части. Люди прибыли без лошадей, бросив в Новороссийске обозы, артиллерию, большинство пулеметов и даже часть винтовок. Войска были деморализованы. Единственной боеспособной силой в Крыму были части ген. Слащева, упорно отстаивавшие северные приступы Крымского полуострова. Они состояли из 3500 штыков и 2000 шашек и дрались против противника значительно более многочисленного (в основном это были части 13-й советской армии).

Первые бои под верховным командованием ген. Врангеля разыгрались в конце марта—начале апреля. Белые войска отбили наступление красных частей 13-й армии и прочно укрепились на Перекопском перешейке².

Реорганизация и укрепление боеспособности белой армии развивались быстро и успешно. Ген. Врангель свел свои силы в четыре корпуса: 1-й корпус, под командованием ген. Кутепова, включил Марковскую, Корниловскую и Дроздовскую пехотные дивизии и две конные дивизии. 2-й корпус, под командованием ген. Слащева, состоял из двух пехотных дивизий и Терско-Астраханской конной бригады. Донской корпус, под командованием ген. Абрамова, состоял из донских частей (к началу операций у большинства казаков лошадей не было). Сводный корпус, под командой ген. Писарева, включал две кубанские и одну чеченскую дивизии. В июне был создан 5-й корпус, из двух кавалерийских дивизий, и поручен ген. Барбовичу.

По данным советского историка И. С. Короткова, боевой состав белых войск в апреле был в 9000 штыков и 3000 сабель, что примерно равнялось силам красных. У красных было более орудий и пулеметов, у белых — танков и самолетов. К концу мая ген. Врангелю удалось довести численность своих сил до 27 316 штыков и 4560 сабель и достичь перевеса сил над противником, располагавшим 12 176 штыками и 4630 саблями. Белые продолжали уступать красным в количестве орудий, имели меньше бронепоездов, но больше танков и самолетов³.

Военно-морской флот белых составлял потенциально значительную силу, но за отсутствием топлива был к весне 1920 года совершенно небоеспособным. Союзники (англичане и французы) продолжали помогать белым при транспорте войск и охране Крымского побережья.

25 мая на всем фронте армия перешла в наступление, которое было поддержано десантом ген. Сла-

щева у Кирилловки (на юге от Мелитополя). Вследствие тяжелых, но успешных боев, белые войска к концу мая продвинулись к северо-востоку более чем на сто километров, заняв г. Мелитополь и большую часть Северной Таврии. 20 июня был окружен и разгромлен к северо-востоку от Мелитополя красный сводный корпус, под командованием Жлобы, состоящий из 7500 шашек и 6000 штыков, пришедший на выручку советским войскам. Было захвачено, между прочим, свыше 40 орудий и 3000 коней.

В течение лета белые войска еще значительно продвинулись — на восток и на север, — заняв в сентябре г. Александровск и известную „столицу” батьки Махно — Гуляй-Поле. Но в конце июня ген. Слащев не смог отстоять от наступления противника занятую белыми Каховку, расположенную на левом берегу Днепра, которую красные затем превратили в неприступную крепость, постоянно угрожающую отрезать войска ген. Врангеля от перешейков.

Попытки ген. Врангеля перенести боевые действия на Дон и на Кубань не увенчались успехом. Высадившись 26 июня между Мариуполем и Таганрогом, небольшой отряд полк. Назарова не смог разжечь восстания на Дону и был уничтожен⁴. Не удался, в первой половине августа, и десант на Кубань: незначительные силы, высадившиеся у Новороссийска и на Тамани (1500 и 2900 бойцов), не могли победить численно превосходящего противника (9-я советская армия, 24 000 бойцов) без широкого восстания населения и установления связи с еще борющимися против красных на Кубани войсками ген. Фостикова. Ни то, ни другое

вспомнишь Любаву свою переманю!
Вспомнишь! Вспомнишь, сию пору, когда
с нами, дураками, земля, аз надиродом, маме, браню,
замыслию в земной, восток, и начал, и аз
зреть в свете, земной, восток, и начал, и аз
вспомнишь, сию пору, когда!

Не первый раз, восток, и начал, и аз
вспомнишь, сию пору, когда!

Воины! С любовью смотрит на Вас освобожденная русская земля, с надеждою наши братья,
томящиеся в застенках красных палачей и с верою в своих непобедимых орлов — я Ваш ста-
рый соратник!

Не первый раз поддерживать нам неравный бой! Не в силе Бог, а в правде!

Генерал Врангель

(Из воззвания к Русским воинам от 6 октября 1920 года.)

не удалось, но десант все же принес некоторую пользу белым, так как к эвакуировавшимся снова в Крым частям присоединилось около 10 000 кубанцев, желавших продолжать борьбу⁵.

После кубанской операции ген. Врангель реорганизовал свои войска, сведя их в две армии: Первую составили бывшие 1-й и Донской корпуса, Вторую — бывшие 2-й и 3-й корпуса и Терско-Астраханская бригада. Первая армия была поручена ген. Кутепову, Вторая — ген. Драценко⁶. Ген. Барбович стал во главе отдельного конного корпуса. В начале сентября у белых было 28 400 штыков и 15 500 сабель, у красных (в Северной Таврии) 38 400 штыков и 7 080 сабель. Артиллерии было больше у красных, пулеметов — у белых. У каждой стороны было столько же бронепоездов и около 40 самолетов. У белых было больше танков и бронеавтомобилей⁷.

Еще до начала мирных переговоров между Польшей и Советской Россией в Риге стали поступать известия о неминуемом скором усилении красных сил на Юге России, и Врангель решил перенести, пока возможно сохранять инициативу, военные действия на правый берег Днепра. Заднепровская операция, с 20 сентября по 1 октября, руководство которой было поручено ген. Драценко, окончилась полной неудачей.

После заключения советско-польского перемирия, назначенный командующим красными войсками Южного фронта М. В. Фрунзе получил в свое распоряжение 6-ю и 13-ю армии и 2-ю конармию. К ним вскоре присоединились, присланная с польского театра военных действий, 1-я конармия Буденного и части батьки Махно. В первой половине октября красные войска насчитывали 99 500 шты-

ков и 33 685 сабель, белые — 23 070 штыков и 11 795 сабель. Орудий у красных было 527, у белых — 213. Красные превосходили белых также по количеству пулеметов и бронепоездов⁸.

Посоветовавшись с генералами Кутеповым и Шатиловым, Врангель решил принять бой в Северной Таврии, а не на укрепленных позициях перешейков. План Фрунзе предусматривал захват в клещи противника, с целью отрезать его от Крыма. Этот план провалился, и большей части белых войск удалось отступить к перешейкам, хотя потери были очень большими и часть войск пала духом. Изнуренным войскам ген. Кутепова не удалось удержать недостаточно укрепленных перекопских позиций: они были оставлены 26 октября. На западе красные переправились и на Чонгарский полуостров.

Возможную эвакуацию своих войск ген. Врангель начал готовить еще с весны 1920 года: к осени был готов к плаванию большой русский тоннаж и обеспечена помощь Франции.

Белые части сохранили в основном дисциплину и боеспособность и могли задержать красных на время, необходимое для погрузки желающего эвакуироваться населения, а также обеспечить собственную посадку. Беспорядки были лишь в единичных случаях, и большинство желающих смогло погрузиться на судна в пяти крымских портах. 2 ноября 126 судов, под Андреевским и французским флагами, вывезли в Константинополь 145 693 человека⁹.

Боевое настроение войск ген. Врангеля было, как правило, очень высоким. Нужно учесть, что в Крым попали в основном те люди из сотысячного войска ген. Деникина, которые сознательно решили продолжать борьбу. Условия отступления и боев осенью и

зимой 1919/20 годов способствовали, в частности, отсеву из добровольческих „цветных” полков большинства случайных их членов, и некоторые части, как Дроздовская дивизия, превратились в почти полностью офицерские воинские соединения. У алексеевцев, по свидетельству одного из них — Б. Пылина, — осталась в основном патриотически настроенная молодежь¹⁰. В казачьих частях положение было несколько сложнее, но Врангелю удалось вернуть им боевой дух благодаря пресечению в них политической борьбы, стремления к партизанщине и вкосу к грабегам.

По мере численного роста армии в ней увеличивался процент взятых на службу мобилизованных крестьян и пленных красноармейцев. Есть свидетельство о том, что уже в июле пленные составляли 80% боевого солдатского состава¹¹. Пока войска наступали, они дрались хорошо, но неуспехи осенних боев отразились в первую очередь на их настроении, что значительно снизило боеспособность многих белых частей. Высокой боеспособности войск весной также сильно способствовало экономическое положение Крыма, ощущение, что при затянувшемся сидении за перешейками может начаться голод¹².

Ген. Врангель не смог полностью справиться с обычным недугом белых армий — разбуханием тыла. К сентябрю, по оценке военного представителя Врангеля в Константинополе, ген. Лукомского, „общий состав армии, по числу состоявших на довольствии, определялся в 50 000 офицеров и 270 000 солдат; из них на фронте было 19 000 офицеров и 152 000 солдат, причем, из последних, бойцов было — 6 000 офицеров и 52 000 солдат. /.../

На офицера бойца приходилось 7 офицеров в тылу и на одного солдата бойца — 4 солдата в тылу”¹³.

Не удалось ген. Врангелю искоренить в „цветных” полках старые „добровольческие” привычки. Как и встарь, корниловцы, дроздовцы и марковцы сочетали почти неправдоподобную доблесть в боях с традицией выгораживания, что бы ни произошло, своих однополчан, и выбора, по мере (частого) выбывания из строя раненых или убитых начальников, на низшие и высшие командные должности, кого им самим заблагорассудится. Таким образом, например, ген. Врангелю пришлось назначить командующим Дроздовской дивизией выбранного самими дроздовцами ген. Туркула¹⁴.

Ген. Деникин, а после него и ген. Врангель, считали неуместным награждать за подвиги в войне, ведущейся против своих же русских, старыми русскими военными орденами: награды заменялись повышениями в чине, что привело к чрезмерному размножению совсем молодых капитанов, полковников, а то и генералов. Чтобы найти выход из этого положения, Врангель учредил, 30 апреля, новый орден — Св. Николая. Он имел две степени, и „каждый воинский чин Белой армии, вне зависимости от своего ранга или должности, мог, за боевые отличия, быть удостоен награждением обеими степенями ордена”¹⁵. Крест ордена был железный.

Правильное снабжение армии ген. Врангель начал налаживать с самого начала. Существенной задачей было приведение в порядок „технических средств борьбы” — танков, броневиков и самолетов, — которые были в весьма плачевном состоянии, но могли иметь большое значение при численном превосходстве противника. Заграница с запасными частями не

помогала¹⁶, и приходилось кое-как перебиваться самим. Покупка бензина, угля и прочих необходимых для армии и флота припасов была налажена ген. Лукомским через Константинополь. Удалось также переправить в Крым из Франции, Америки, Румынии и с Дальнего Востока „значительное количество материалов и вещей, принадлежавших русскому правительству”, а также часть боеприпасов, захваченных турками у русских в последние месяцы войны¹⁷. Доставка припасов и материалов налаживалась все же медленно и с трудом, в частности из-за препятствий, чинимых Англией¹⁸. Некоторые проблемы приходилось решать на ходу в срочном порядке: из-за наступивших необыкновенно рано осенью холодов, например, Врангелю пришлось телеграммой заказать за границей 100 000 комплектов теплой одежды¹⁹. Доставлены они были лишь за несколько дней до эвакуации...

Намереваясь превратить Крым в неприступную крепость, ген. Врангель поручил укрепление перешейков своему бывшему начальнику штаба — ген. Юзефовичу, в конце мая передавшему заведование работами и постройку пути Джанкой—Юшунь ген. Макееву, также бывшему члену штаба Кавказской армии. Сам Врангель, надо думать, не успевал уделять надзору за состоянием работ достаточно времени. Если, по утверждению А. Валентинова, Сивашско-Таганашские позиции удалось хорошо укрепить, на Перекопе „добрая половина перекопских укреплений не могла быть сооружена вследствие недостатка технических материалов”, дорога к позиции в сентябре превратилась в непролазную грязь, а часть колючей проволоки, предназначенной для Перекопа, была опять вывезена за границу и там продавалась²⁰.

Есть свидетельства о том, что у Перекопа не было даже построено землянок для его защитников²¹.

Белый военный флот, совершенно негодный к ведению боевых действий в начале 1920 года, удалось, благодаря деятельности адмирала Саблина, привести в относительный порядок. Русские военные суда приняли активное участие в сторожевых и десантных операциях. Порученная адмиралу Кедрову и блестяще им проведенная эвакуация — лучшее свидетельство возрождения флота.

*

2 апреля 1920 года²² британское правительство послало ген. Деникину ноту, в которой требовало прекратить борьбу и вступить в переговоры с большевиками и предлагало ему и „его ближайшим сотрудникам” убежище в Англии. В случае отказа — извещалось о прекращении белым всякой помощи²³. Назначенный два дня спустя главнокомандующим ген. Врангель ответил на эту ноту просьбой продлить помощь еще в течение двух месяцев, что дало бы время ликвидировать гражданские и военные учреждения. Англия и Франция согласились продлить помощь и морскую защиту Крыма, пока не будет установлено с Советской Россией перемирие, обеспечивающее безопасность служащих в белых армиях. Британский министр иностранных дел лорд Керзон вступил в переговоры о перемирии с советским правительством.

В начале мая Врангель сообщил британскому правительству, что, по его мнению, спасение России немислимо без „сохранения в ней здорового ядра, которое могло бы объединить вокруг себя все

стихийные движения против тирании большевиков". Таким ядром следует признать территорию, занятую белыми, и казачьи земли на грани восстания. Прекращение помощи его армии будет означать капитуляцию Антанты перед коммунизмом, тогда как сам русский народ с ним не примиряется²⁴.

Ставши главным помощником Врангеля по иностранным делам, П. Б. Струве поднял широкую кампанию во французской и английской прессе, объясняя и пропагандируя его политику. Во Франции Струве нашел главную поддержку у товарища министра иностранных дел Мориса Палеолога, бывшего посла в Петрограде и искреннего друга белой России. Новый председатель Совета министров Франции (он же министр иностранных дел), вступивший в должность 20 января Александр Мильеран, был убежденным сторонником поддержки Польши в ее борьбе против Советской России и в этом вопросе сильно расходился с британским премьером Ллойд-Джорджем, примирительно настроенным к советской власти и желающим восстановить торговые связи с Россией.

Во второй половине апреля польские войска и украинские части Петлюры начали наступление на Украине. Для Мильерана армия ген. Врангеля, разумеется, была важным козырем в деле поддержки Польши. 8 мая, перед своим отъездом в Крым, А. В. Кривошеин получил от Палеолога конфиденциальное заверение в поддержке Врангеля в случае большевистского наступления на Крым. Со своей стороны, ген. Манжен, начальник французской миссии в Крыму, старался выяснить мнение ген. Врангеля о военном сотрудничестве с поляками и Петлюрой. Врангель встретил также сочувственное

отношение со стороны английских военных представителей в Константинополе и в Крыму; они, вопреки воле своего правительства, оказывали ему даже некоторую помощь в деле снабжения.

29 мая начальнику британской миссии в Севастополе пришлось все же передать Врангелю ноту, указывающую на намерение британского правительства достичь окончания военных действий на Юге России и сообщающую о принципиальном согласии советского правительства вступить в мирные переговоры и объявить белым амнистию.

5 июня адмирал де-Робек, британский представитель в Константинополе, сообщил Врангелю, что британские морские силы не могут принять участия в наступательных операциях, но будут продолжать оберегать побережья Крыма. Зато де-Робеку было приказано препятствовать подвозу в Крым военных припасов не только под британским, но и под русским флагом. 5-го же июня ген. Врангель написал письмо британскому представителю в Константинополе. Он в нем целиком перелagal ответственность за ведение переговоров с большевиками на британское правительство, не желая, как и прежде, в них участвовать, и сообщал, что предпринятое наступление в Северной Таврии, если оно увенчается успехом, сильно облегчит британскому правительству ведение переговоров с советским правительством²⁵. На следующий день после начала наступления белых войск, 8 июня, Струве был в Париже принят Мильераном. Ему была подтверждена поддержка Франции, но также рекомендовано не портить отношений с Англией: для достижения этого следовало открыто придерживаться мнения о том, что конец войны и мирные переговоры желательны, со-

храня за собой право отказаться от капитуляции без существенных территориальных гарантий.

В июне военное счастье покинуло поляков и союзных с ними украинцев Петлюры. Петлюре пришлось оставить Киев, а к середине месяца уже сама территория Польши была под угрозой красных сил. Несмотря на такое развитие польско-советской войны, Ллойд-Джордж продолжал выдвигать мысль о необходимости начать мирные переговоры, как между Врангелем и большевиками, так и между большевиками и поляками.

Тем временем в городе Спа состоялась конференция между Францией и Англией, одна из целей которой была координация политики в польском вопросе. Хотя французы и англичане сошлись насчет необходимости поддержки Польши в пределах „линии Керзона”²⁶, Мильеран, как и прежде, не захотел вступить в официальные переговоры с Советской Россией. Он посоветовал ген. Врангелю требовать, в случае открытия мирных переговоров, полноправного представительства и сохранения всей занятой им территории²⁷.

Критическое положение Польши толкнуло Францию на более открытую, чем раньше, поддержку ген. Врангеля. 20 июля 1920 года Мильеран публично поддержал правительство Врангеля во французском парламенте и предупредил Струве, что он согласен на его признание де-факто, при трех основных условиях:

- 1) признании всех долгов предыдущих русских правительств, соразмерно с территорией под эффективной властью Врангеля,
- 2) предоставлении в собственность крестьянам распределенной между ними земли и

3) официальном сообщении Врангеля о его намерении созвать избранное населением учредительное собрание.

Ген. Врангель сообщил о своем согласии с этими условиями.

В июле Франция помогла ген. Врангелю получить от румынского правительства разрешение на возвращение ему русского военного имущества, находящегося в Румынии, а в августе — разрешила ему установить свою собственную радиосвязь через Константинополь.

10 августа государственный секретарь Колби объявил, что США и против расчленения России, и против признания большевиков, соглашениям с которыми доверять невозможно, выводя, таким образом, Францию из ее изоляции в вопросе об отношении к власти ген. Врангеля. В тот же день Франция официально признала де-факто правительство ген. Врангеля. Маршалу Фош была дана (тайная) инструкция о помощи военным снабжением войскам Врангеля²⁸.

В начале августа охладело к Советской России и английское правительство: требования советского правительства по отношению к Польше показались ему чрезмерными. Торговые переговоры с советской делегацией в Англии были также прерваны.

Тем временем польские войска снова начали теснить красных: в результате своего контрнаступления поляки опять заняли всю территорию до линии Керзона и продолжали наступать на востоке от нее. 1 сентября Струве, по указанию ген. Врангеля, передал ноту начальнику французской миссии в Крыму, в которой, ввиду успехов польской армии, предлагалось „путем согласованных действий поль-

ской и русской армий, под высшим руководством французского командования, нанести советской власти решительный удар и обеспечить миру всеобщее успокоение и социальный мир”²⁹.

Французская помощь ген. Врангелю оставалась в основном в области благих намерений, и Струве неоднократно приходилось напоминать о ее необходимости. Быстро выяснилось, что речь идет отнюдь не о бескорыстной поддержке. 30 августа в английских газетах был опубликован текст договора между Францией и ген. Врангелем³⁰. Текст этот содержал признание финансовых обязательств русских правительств по отношению к Франции в полном объеме и выплату долгов с рассрочкой на 35 лет и с годовым процентом в 6,5%. Выплата эта должна была гарантироваться, в частности, предоставлением Франции эксплуатации всех русских железных дорог, предоставлением всего экспортируемого с Украины и Кубани зерна, правом 3/4 русской продукции нефти и 1/4 продукции угля Донецкого бассейна... К чести правительства ген. Врангеля, нет достоверных сведений не только о том, что такой договор был подписан, но даже о том, что он был предметом переговоров³¹.

В конечном итоге помощь Франции ген. Врангелю оказалась далеко не покрывающей его действительные нужды. Не без оснований считает К. А. Кривошеин, что, „в сущности, французская помощь сводилась, в финансовом плане, к тактическому ходу, позволившему бы Франции получить с Врангеля выплату долгов его предшественника (т. е. ген. Деникина) и продать ему в рассрочку чужое, ненужное ей имущество”³².

Ген. Махров, посланный Врангелем в Варшаву с заданием выяснить возможности сотрудничества с Польшей, приехал туда лишь в середине сентября. В то время самой заметной русской фигурой в Польше был Борис Савинков³³, который пользовался доверием главы Польского государства — маршала Пилсудского, и поддерживал одно из русских военных формирований в Польше — Русскую Народную Добровольческую армию ген. С. Н. Булак-Булаховича. Ген. Махрову пришлось считаться с особым значением Савинкова в Польше. За исключением ген. Бредова, переправившегося в Крым с несколькими тысячами человек, которые туда прибыли „в лохмотьях, босые, некоторые в одном грязном нижнем белье”³⁴, начальники различных русских воинских частей не хотели двигаться на юг России. Ген. Махрову удалось добиться от Савинкова, от польского правительства и от ген. Врангеля согласия на создание в Польше „Третьей Русской Армии” и не без труда найти для нее приемлемого для всех сторон начальника — ген. Пермыкина³⁵.

13 октября Пилсудский вызвал ген. Махрова и сообщил ему о подписании с красными перемирия. Он предложил ему позаботиться о том, чтобы русские войска покинули польскую территорию до дня вступления в силу договора — 18 октября: в противном случае, по условиям договора, русские войска будут разоружены и интернированы. После поездки в Париж, где он получил на это разрешение Струве, Махров вошел в контакт с украинцами Петлюры, и часть русских частей была выдвинута к польско-советской границе, в район расположения украинских частей³⁶.

Несмотря на польско-советское перемирие, Франция официально продолжала поддерживать правительство Врангеля. 19 октября прибыла в Крым французская миссия во главе с графом де Мартель, назначенным „верховным комиссаром” Франции при ген. Врангеле. 22 октября Струве даже сообщил из Парижа, что у него большие надежды на благоприятное разрешение вопроса о займе во Франции... Но тогда уже наступали последние дни белого Крыма.

Глава 5

АРМИЯ И НАСЕЛЕНИЕ

К концу весны 1920 года на занятой белыми территории Крыма и Северной Таврии было более 300 000 военных. Неудивительно, что одной из первых задач ген. Врангеля было установление приемлемых для обеих сторон отношений между этой огромной массой военных и населением. Задача эта была не проста, тем более, что во время правления ген. Деникина белые войска частично приобрели весьма плачевные привычки. По суждению анонимного сподвижника Врангеля в деле водворения в армии правосудия,

„грабежи, разбои и другие имущественные преступления не подвергались надлежащему преследованию, стали в войсках обыденным явлением. Честный солдат обращался в гнусного мародера, исчезала всякая идейность и даже простая порядочность и на смену им приходили низкие корыстные мотивы и грубый произвол.

Население, восторженно встречавшее войска, вскоре с ужасом отшатывалось от грубых пришельцев, менее всего считавшихся с его интересами и заботившихся о его благе. Между тем никаких действительных и энергичных мер борьбы с этим злом, разлагавшим армию, не принималось”¹.

Ген. Врангель еще в 1919 году стремился водворить в своей Кавказской армии, состоящей в основном из казаков, нужный порядок. По его соб-

ственному свидетельству ему удалось достичь „полного уважения со стороны войск к частной собственности населения”². Врангель болезненно переживал ситуацию в большинстве других частей, а после своего назначения командующим Добровольческой армии в конце 1919 года, он писал ген. Деникину, в рапорте от 9 декабря, что из-за того, что штаб сложил с себя „все заботы о довольствии войск”: „Война обратилась в средство наживы, а довольствие местными средствами — в грабеж и спекуляцию. /.../ Армия развращалась, обращаясь в торгашей и спекулянтов”. У многих появились „бешеные деньги, неизбежным следствием чего явились разврат, игра и пьянство”³.

Придя к власти, Врангель решил порвать с отрицательными явлениями эпохи „добровольчества”, вылечить армию от ее основных недугов. Само понятие „добровольческой армии” ему представлялось устарелым, как это явствует из ниже приведенного приказа № 3049 от 28 апреля:

„Армия перестраивается на новых началах.

Основания комплектования армии изменены — части войск комплектуются не добровольцами, а лицами, призванными на военную службу по мобилизации.

Новая организационная схема ничего общего со старой, построенной на добровольческих началах, не имеет.

Необходимо теперь же отказаться и от старых, неприложимых к новым организационным соединениям, терминов — Добровольцы и Добровольческий.

Корпуса должны иметь наименования — армейские по номерам и казачьи по соответствующему войску.

Соответственно с этой номенклатурой, приказываю теперь же заменить все старые печати и служебные бланки новыми, как в Штабах, так и в строевых частях до рот включительно”⁴.

Одной из самых срочных задач было пресечение в армии привычки к „самоснабжению” и насилиям над населением. Первая мера Врангеля в этом направлении, приказ № 2994 от 6 апреля, отняла у военного начальства исключительное право на возбуждение уголовного дела против подчиненного. Предание суду теперь должно было производиться „не по усмотрению начальства, а путем непосредственного внесения военно-прокурорским надзором обвинительного акта в суд, с сообщением о том начальству обвиняемого для отдания в приказе” Исключение из этого правила было сделано лишь для высших начальников (например, начальников корпусов): для их привлечения к ответственности требовалось согласие их собственного начальства или главного военного прокурора⁵.

Приказами № 3023 от 14 апреля и № 3134 от 5 мая были созданы при начальниках гарнизонов и комендантах крепостей, при штабах корпусов, дивизий и отдельных бригад „военно-судные комиссии”, независимые от местного строевого начальства и подчиненные непосредственно главному военному прокурору. Они должны были рассматривать, в частности, все дела о краже, о незаконных реквизициях и о действиях, причиняющих стеснения местным жителям.

Первоначально военно-судные комиссии состояли из председателя, пяти членов и делопроизводителя. Офицеры, их составляющие, подбирались, по мере возможности, с юридическим образованием. Дела комиссия могла принимать по собственному усмотрению, по сообщениям должностных лиц или по жалобам частных лиц. Ее суду подлежали как военно-служащие, так и „гражданские” лица. Приговор военно-судных комиссий подлежал утверждению со стороны соответствующих военных начальников: в случае несогласия они должны были передать дело на рассмотрение в корпусной или, апелляционный, военно-окружной суд⁶.

В дополнение к принятым мерам 3 июня был подписан следующий приказ главнокомандующего:

„Дабы полнее обеспечить интересы местного населения, потерпевшего от краж, грабежей и разбоев, **ПРИКАЗЫВАЮ**:

Включить в состав Военно-Судных Комиссий, образованных приказами моими сего года №№ 3023 и 3134, по два представителя крестьян от волостного земства, с тем, чтобы они при разборе в Комиссиях дел пользовались правом совещательного голоса, не участвуя, однако, в постановлении приговора. Упомянутые представители, не производя самостоятельных расследований, могут как по предложению Председателя Комиссии, так и по заявленному ими желанию присутствовать при производстве Членами Комиссии расследований, высказывая свои пожелания по существу таковых расследований. Производящий расследование обязан отмечать в соответствующих протоколах и актах о всяком пожелании представителей и удовлетворять его, если только

оно не противоречит закону и может быть выполнено без ущерба для дела”⁷.

К тому же вопросу относилось постановление Совета при главнокомандующем от 18 июня:

„Установить выдачу представителям от крестьян в военно-судных комиссиях суточное довольствие в размере кормового оклада младшего офицера за время участия их в заседаниях военно-судных комиссий вне места жительства указанных представителей от крестьян”⁸.

Комиссии начали формироваться „в самом срочном порядке” и быстро приступили к делу. Комиссиям предписывалось широко оповещать местное население о начале своей деятельности и указывать свое местонахождение флагом и особой надписью. Так как военно-судные комиссии были единственными органами суда и закона в прифронтовой полосе, на них была возложена и обязанность возмещать населению стоимость причиненных ему войсками убытков (вследствие как незаконных, так и законных реквизиций), а также давать всем желающим нужные им разъяснения по любым делам судебного или административного порядка. Заседания комиссий, первоначально проходившие при закрытых дверях, стали вскоре проводиться публично и гласно⁹.

Работа комиссий происходила зачастую в очень трудных условиях: в грязи, в опасности, с частыми переездами при недостаточных транспортных средствах, при мало сочувственном отношении некоторых военных начальников.

Ген. Врангель подытожил деятельность военно-судных комиссий в приказе от 14 сентября:

„Приказами моими от 14 апреля за № 3023 и от 5 мая за № 3134 были учреждены при штабах корпусов, дивизиях и при начальниках гарнизонов военно-судные комиссии для защиты населения от грабежей и разбоев, кем бы таковые чинимы не были.

В кратчайший срок комиссии, число которых достигает теперь 28, были образованы и, отправившись на места, приступили к делу.

Не мало трудностей пришлось преодолеть комиссиям, как новому начинанию, прежде чем удалось наладить порученную им работу. Подчас не легко работать им и теперь, особенно в прифронтовой полосе, при постоянных передвижениях войск, вызываемых боевой обстановкой.

Пять месяцев существования комиссий дают основание сейчас судить о результатах их деятельности. Во многих случаях, даже переобремененные делами, комиссии рассмотрели значительное количество дел и, защитив нарушенные права частных лиц, наказали виновных. Все население занятой Русской Армией территории с уважением и доверием относится к работам комиссий, а жители прифронтовой полосы, где еще не налажен аппарат гражданской власти, видят в комиссиях единственную защиту и обращаются к ним со всеми своими жалобами и претензиями.

Такое положение вещей создано лишь потому, что комиссии правильно поняли, что им поручено не бумажное, а живое дело, требующее прежде всего участливого, сердечного отношения. Успеху работ комиссий способствовало также отзывчивое отношение к их нуждам со стороны военных начальников, которые, в большинстве случаев, оказывали им

полное содействие к достижению поставленной комиссии цели. /.../”¹⁰

В первые же дни своего правления ген. Врангель начал принимать меры против грабителей и насильников в армейских частях. Сообщая в приказе от 27 марта о расстреле солдата-грабителя, Врангель прибавил: „Ходатайство о помиловании мною отклонено. Впредь осужденным за грабежи и их родственникам с таковыми ходатайствами ко мне не обращаться”¹¹. Суровые приговоры касались не одних солдат: 22 сентября, например, за похищение лошадей у извозчика, с нанесением ему ран, был в Симферополе расстрелян полковник¹².

В апреле было издано несколько приказов, запрещающих самочинные реквизиции лошадей и перевозочных средств¹³.

Приказ главнокомандующего № 17 (по гражданскому управлению) от 10 мая установил правила снабжения войск у местного населения:

„В изменение приказа Главнокомандующего В. С. Ю. Р. 1919 г. № 1238 категорически запрещаю всякие реквизиции продуктов, скота, лошадей, перевозочных средств и т. д. у местного населения, как вызывающие постоянные нарекания и жалобы.

Реквизиции в порядке указанного выше приказа могут быть допущены только в случае особой крайности, как исключение, с разрешения Начальника Управления Снабжений и особыми Комиссиями с участием чинов Интендантского Ведомства и Представителя Государственного Контроля.

Для обеспечения войск продовольствием, необходимыми предметами, а также перевозочными средствами, ПРИКАЗЫВАЮ:

1. В случае невозможности достать для части продукты, предметы первой необходимости войскового обихода, перевозочных средств и т. д. путем покупки или найма, войсковые части должны обращаться к местной администрации (городской или сельской), которая и обязана, по разверстке между населением, поставить необходимое к назначенному времени.

2. За все полученное войсковые части обязаны немедленно уплачивать владельцам или администрации — в зависимости от того, кто будет уполномочен жителями сдавать продукты и пр. войсковой части — наличными деньгами или чеками на Государственное Казначейство, производя расчет по ценам, объявленным в приказах, а если цены на некоторые предметы в приказах не объявлены, то таковые устанавливаются смешанной Комиссией из лиц местной администрации, Председателя Городского или Сельского Самоуправления, Представителя хозяйственной части данной войсковой единицы и, если возможно, при участии Представителя Государственного или Полевого Контроля.

3. Чеки выдаются на предъявителя и оплачиваются в течение шести месяцев любым казначейством — местным или полевым — по предъявлении чека держателем его. /.../”¹⁴

Приказом от 20 июня, в дополнение к остальным мерам, оберегался от каких-либо реквизиций племенной скот¹⁵. Все же нижеприведенный приказ от

27 июля красноречиво показывает, что к этому времени было достигнуто не все желаемое:

„По донесениям — войсковые части, занимая целый ряд бывших Советских имений, до приема их в казенное Управление соответствующими органами земледелия и землеустройства, реквизируют все запасы хлеба, фуража, скота (даже племенного) и т. д. для собственного потребления, а также распродают захваченное.

Такие действия со стороны войск, причиняя неисчислимый ущерб хозяйству и казне, вызывают справедливое негодование со стороны людей, обслуживавших эти имения и являются преступными.

Приказываю всем принять решительные меры к прекращению подобных расхищений и уничтожений богатства страны и предавать виновных Военно-Полевому Суду”¹⁶.

В повествовательных источниках мера успешности принятых ген. Врангелем распоряжений оценивается по-разному, в зависимости от общего отношения свидетеля к его политике. И. М. Калинин, бывший начальник военно-судной части Донского корпуса, издавший свои записки в Ленинграде в 1925 году, настаивает на недружелюбном отношении многих начальников к деятельности военно-судных комиссий, на несоблюдении, во время весеннего наступления, безлошадными казаками мер, оберегающих население от реквизиций: „Не прошло и недели с начала наступления, как ходоки из деревень „завоеванной” Северной Таврии запрудили все учреждения Крыма с жалобами на самочинные реквизиции лошадей, упряжи и „тачанок” (телег), а иногда и на грабежи”¹⁷.

От военно-судных комиссий, считает Калинин, получилось „не много проку”.

„Организация их была чересчур сложна и нецелесообразна. Председателями для большего весу и авторитета назначались заслуженные строевые генералы; членами комиссий, в числе шести, — строевые штаб- и обер-офицеры, юристы и не юристы. Только делопроизводителем комиссии назначался офицер или чиновник обязательно с юридическим образованием. /.../ В председатели комиссий попадали или робкие люди, совершенно не понимавшие своей роли, или громовержцы, возомнившие о себе свыше меры. Одни бездействовали, другие проявляли усердие не по разуму. Одни распустили своих подчиненных, другие гнули их в бараний рог, рассматривая свою комиссию, как строевую часть.

Члены комиссий, строевщина по преимуществу, никак представить не могли, как это им придется хватать своих старых товарищей и судить их за те деяния, в которых каждый из них был сам грешен тысячи раз. /.../ Намерение вождя создать белую чеку для искоренения преступности потерпело крах”¹⁸.

Калинин пишет также о незначительном количестве вынесенных приговоров, о перегруженности комиссий чисто административной работой, об активном или пассивном сопротивлении комиссиям всей донской „войсковой организации”. На фоне всего им высказанного несколько парадоксально звучит его утверждение, что „самый факт существования военно-судебных /так!/ комиссий, конечно, действовал оздоравлиюще на войска”¹⁹.

Есть и другие свидетельства о несоблюдении казаками, в мае/июне постановлений из ставки, а также

о выгораживании своих в „цветных” полках, с которыми был бессилён справиться даже ген. Кутепов²⁰.

Следует, однако, указать, что есть много иных положительных оценок военно-судебных мероприятий Врангеля. По свидетельству доктора Аитова, ездившего осенью в Крым для передачи от французов санитарного снабжения и вообще весьма критически оценившего увиденное и услышанное им, „войско Врангеля дисциплинировано, не грабит, не бесчинствует, солдаты накормлены”²¹. Земский деятель В. А. Оболенский, также далеко не безоговорочный поклонник Врангеля, считает, что армию удалось взять в руки, и что жалобы населения на её бесчинства почти прекратились. „У нас на глазах совершилось чудо”, — удивляется он²².

Встречаются объективные свидетельства о тяжелых наказаниях, понесенных офицерами-грабителями. Б. Пылин, например, рассказывает о том, что в первые дни правления Врангеля, к большому удивлению их соратников, несколько офицеров Алексеевского полка было разжаловано в солдаты за дебош в пьяном виде²³. Свидетельствует о достигнутых успехах, наконец, рассказ западной журналистки, побывавшей в Джанкое в начале ноября (по н. с.) и увидевшей там стадо гусей, спокойно сопровождаемое маленькой девочкой среди толпящихся голодных солдат²⁴.

Законные (или незаконные) реквизиции лошадей, мобилизации и подводная повинность ложились, несмотря на все усилия власти, тяжелым бременем на крестьянство. Учитывая эти обстоятельства, ген. Врангель издал и предал широкой огласке, 8 июня, следующий приказ:

„Наступает время снятия посевов и их обмолачения.

Я понимаю, как нужны в это время в хозяйстве каждый лишний работник и каждая лошадь.

Однако обстановка требует пополнения армии людьми и лошадьми, почему я вынужден был отдать распоряжение о мобилизации в Северной Таврии пяти сроков и о реквизиции лошадей. Это я делаю, учитывая всю полноту обстановки и считая себя ответственным за обеспечение крестьянину его урожая и вновь нарезаемой земли от нового нашествия коммунистов.

Вместе с тем, с целью облегчения положения сельского населения, ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Начальнику Управления Снабжения в самом спешном порядке отправить в деревни кузнечного угля, железа и прочих материалов, необходимых для починки земледельческих орудий, а также эти последние в возможном количестве.

2. Начальникам всех степеней на местах помочь населению по сбору урожая как лошадьми обозов, батарей, так и людьми.

Помощь эта должна быть безвозмездная.

Я уверен, что русские офицер и солдат проникнутся государственной важностью помощи крестьянину по уборке необходимого всем нам хлеба.

Убежден, что русский крестьянин поделится всем с родной ему армией”²⁵.

„Начальники гражданских частей при корпусах, — пишет ген. Врангель, — обязаны были собирать сведения по волостям о числе требуемых для уборки лошадей и повозок. Командиры корпусов делали соответствующие наряды. Ответственность за испол-

нение приказов возлагалась на командиров частей, наблюдение лежало на начальниках дивизий и командирах корпусов. О сделанных нарядах корпуса доносили мне каждую неделю. Я предупреждал войска, что, ежели при объездах буду видеть вблизи расположения воинских частей необузданные поля, взыскивать буду с начальника части”²⁶.

23 сентября, дополнительно к этим распоряжениям, было приказано воинским частям оказывать помощь населению по вспашке и засеву полей²⁷.

Марковец В. Е. Павлов свидетельствует, что войска охотно помогали крестьянам. Особенное удовлетворение эта работа приносила марковцам — бывшим пленным красноармейцам. Помощь подавалась всем, в ней нуждающимся, без разбора, даже семьям, члены которых ушли с большевиками²⁸.

6 мая были призваны в армию все военнообязанные с 18 до 34 лет²⁹, но большинство свидетельств указывает на малое желание населения подчиниться приказу о мобилизации. В некоторых группах населения уклонение было фактически всеобщим, — например, у крымских татар. Уклоняющиеся от мобилизации нередко переходили к скитающимся по горам и плавням „зеленым”, составляя чуть ли не основной источник их пополнений. Г. Раковский приводит пример 207 мобилизованных крестьян, попавших в июне в Донскую отдельную учебную бригаду, из которых за три дня разбежалось больше половины³⁰. В августе Врангель принял ряд суровых мер по борьбе с уклонениями от мобилизации. Приказом от 22 августа он велел „взамен уклоняющихся от призывов брать на службу членов той же семьи мужского пола в возрасте от 17 до 43 лет, а за от-

сутствием таковых в семье призываемого, брать недостающих от общества, в котором имеет место недочет, возрастов еще не призванных”³¹. Было также приказано, по свидетельству Калинина, брать под стражу родителей и жен уклоняющихся и конфисковать их имущество³². Но эти меры, не всегда поддержанные на местах исполнительными органами — воинскими командами, мало склонными „воевать” против своих же крестьян³³, не принесли ожидаемых от них результатов.

Следует, впрочем, отметить, что вопрос заключался не столько в увеличении общего количества военнослужащих, которых, как мы видели, было и при малоуспешных мобилизациях очень много, сколько в пополнении строевых частей качественными бойцами. Сам ген. Врангель, приказом от 15 октября, освободил от службы всех солдат старше 43 лет, а еще в сентябре приказал всех подростков вернуть из армии на школьные скамьи³⁴.

За первые месяцы своего правления ген. Врангель, по собственному свидетельству, расформировал множество тыловых учреждений, полученных им в наследие от предшествующих властей, и приказал отчислить в строй всех их боеспособных служащих. Меры ему иногда приходилось принимать решительные, как свидетельствует его приказ № 2991 от 8 апреля:

„Я приказал расформировать несколько сот тыловых учреждений и отправить чинов этих учреждений на фронт, освободив занимаемые ими помещения. Ничего не сделано, город забит, улицы полны военнослужащими, которым место на фронте. Невозможного никогда не требую, но не допускаю,

чтобы мною отданное приказание не исполнялось. Коменданту крепости Севастополь ген. Турбину и коменданту города генералу Терекову сдать должности—первому генералу Писареву, второму полковнику Толмачеву”³⁵.

Несмотря на все старания власти, значительное количество офицеров продолжало всеми правдами и неправдами уклоняться от службы на фронте. Для наглядной иллюстрации можно привести следующий „оригинальный инцидент”, описанный А. Валентиновым, происшедший в Мелитополе 5 июня:

„Главкомандующий, прогуливаясь, увидел на платформе ставки бравого полковника одного из кавалерийских полков. Поздоровался. Спросил, где он служит.

— Состою в распоряжении ген. Слащева, ваше высокоп-во, — отвечал тот. Главком нахмурился, обернулся к вагону генерала-квартирмейстера и, заметив в окне фигуру ген. Шатилова, крикнул громко:

— Павлуша! Есть такая должность? — состоять в распоряжении Слащева?..

— Конечно, нет... — отозвался Шатилов, не посмотрев даже, кажется, хорошенько, о ком идет речь. И добавил: — На фронт надо!..

— Кроме того, ваше высокоп-во... — начал оторопевший, перепуганный полковник... — кроме того, я... я еще состою также в распоряжении епископа Вениамина...

— Что-о?.. — весь вспыхнул сразу ген. Врангель... — епископа Вениамина? Да я вам кадило тогда прикажу в руки дать!.. Будете ходить и кадить... От фронта уклоняетесь? Да как вы смеее!..

Дальнейшие выражения записать не берусь, так как платформа мгновенно опустела. Попрятались в вагоны все — до ординарцев включительно.

Только со стороны вокзала собралась на почти-тельном расстоянии толпа публики, до которой прекрасно долетали громовые раскаты голоса главкома. Говорят, были слова весьма и весьма сильные.

Результат. В 12 часов дня полковник отправлен под караулом в Севастополь под арест³⁶.

Материальное положение военнослужащих в Крыму было отнюдь не блестящим. Оклады солдат и офицеров были сильно повышены приказом от 1 мая³⁷. Рядовой, получавший до этого 75 рублей в месяц, стал получать 800 рублей (на фронте — 2000), оклад фельдшера повысился от 150 до 2000 рублей (на фронте — 4000).

Нижеприведенная таблица позволит составить себе приблизительное впечатление о соотношении роста офицерских окладов и цен:

	Апрель	Май	Октябрь
Обер-офицеры	700/ 900	8 000/ 13 000	24 000/ 64 000
Штаб-офицеры	1 000/ 2 000	14 000/ 21 000	84 000/ 132 000
Генералы	2 400/ 4 500	24 000/ 37 000	144 000/ 240 000
Фунт пш. хлеба	35	108	500
Фунт говядины	350	750	1 800

К окладу прибавлялось кормовое довольствие („кому таковое положено”) и семейное пособие. Офицеры, занимающие должность ниже той, которая им полагалась бы по чину, получали значительное дополнительное вознаграждение³⁸. На оклад обер-офицера прожить было нелегко, но все же рост офицерского жалованья значительно превышал рост цен на основные пищевые продукты: из таблицы, например, видно, что обер-офицерский оклад с апреля по октябрь возрос в 34 раза, цена хлеба — в 14 раз, цена говядины — в 6 раз. Тем не менее, по отношению к некоторым другим категориям населения, офицеры зарабатывали немного (не говоря уже о рядовых и унтер-офицерах). В октябре рабочий-металлист зарабатывал от 165 000 до 262 000 рублей, а печатник даже от 250 000 до 471 920!³⁹

26 августа члены офицерских семей получили право на ежемесячный продовольственный паек, на две выдачи в год материала для шитья одежды и кожи для обуви (первая выдача — не позже 1 октября), а также на бесплатное обучение детей⁴⁰. 12 октября правительство Юга России постановило сохранить призванным или добровольно поступающим на военную службу солдатам их прежнее гражданское содержание в размерах, не превышающих содержания младшего офицера (семейным солдатам — семейного офицера)⁴¹.

Одной из основных забот военнослужащих (как, впрочем, и многих гражданских лиц) было пребывание многих семей за пределами России, главным образом в пределах бывшей Турецкой империи, где они нередко жили в трудных условиях и откуда, в большинстве своем, стремились в Крым. Несмотря на наличие в Крыму уже чрезмерного ко-

личества населения, Врангель, после настойчивых просьб и некоторых колебаний, разрешил возвращение в Крым семей служащих, эвакуированных за границу. Проезд им был разрешен „на казенный счет на всех коммерческих пароходах и транспортах Морского ведомства”⁴².

30 мая Совет при главнокомандующем постановил предоставить военным инвалидам определенное количество мест в гражданских учреждениях⁴³.

Особенно тяжелыми были жилищные условия. В переполненных крымских городах жило много офицеров и их семей: они ютились где приходилось, вплоть до старых товарных вагонов, причем даже высокий чин или должность мужа-офицера особых преимуществ его семье не давали⁴⁴. Неудовлетворительным было часто и положение раненых бойцов, уход был плохой, а пища — скудная⁴⁵. С большим трудом удавалось доставлять в Крым нужные больным и раненым лекарства.

После ожесточенной (взаимной) резни первых месяцев гражданской войны, одним из основных источников пополнения белых армий стали пленные красноармейцы: их вводили в состав уже существующих частей или даже создавали из них новые белые части, которые, пока военное счастье было на стороне белых, исправно дрались в их рядах. Ген. Врангель осенью 1918 года, например, создал целый стрелковый полк из захваченных в плен красноармейцев⁴⁶.

Отношение к пленным офицерам при ген. Деникине было, как правило, отрицательным. Если, по свидетельству В. Павлова, в Марковском полку „всегда ставили в свои ряды взятых в плен офицеров”⁴⁷, к ним, в общем по большей части, относи-

лись как к предателям, иногда расстреливали или же выматывали душу прохождением через бесконечные „реабилитационные комиссии”. Даже к добровольно пробиравшимся на юг офицерам при Деникине относились с большим подозрением.

Ген. Врангель по этому вопросу 29 апреля объявил приказ:

„Главная масса населения и чинов красной армии далеки от варварской идеи, проповедуемой коммунистами.

Много солдат и офицеров советских войск, не будучи большевиками, сражаются против нас, вынужденные к тому репрессиями и террором. Эти лица являются нашими врагами лишь на поле сражения, сдавшиеся же и перешедшие на нашу сторону без оружия в руках достойны сожаления и прощения.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Безжалостно расстреливать всех комиссаров и других активных коммунистов, захваченных во время сражения.

2. Всех остальных офицеров и солдат красной армии, раз они сдались или перешли на нашу сторону, безразлично до сражений или во время боев, а равно и всех служивших ранее в советской армии и, по добровольном прибытии в войска Вооруженных Сил Юга России, подвергшихся наказаниям или ограничениям по службе, освободить от всяких кар и ограничений и восстановить в правах и преимуществах, выслуженных до 1 Декабря 1917 года и по вступлении в войска Вооруженных Сил Юга России”⁴⁸.

8 июня ген. Врангель приказал „освободить от ответственности всех граждан вновь занимаемых вооруженными силами областей, кои во время господства там советской власти состояли на службе в различных советских учреждениях и вообще принимали участие в работе советских властей, за исключением лиц, занимавших ответственные руководящие должности в советском управлении и сознательно осуществлявших или содействовавших осуществлению основных задач советской власти”⁴⁹.

Соответственно с духом этих приказов издавались и, по мере возможности, распространялись в рядах противника различные воззвания, обращенные к солдатам и командирам Красной армии, призывающие их перейти в ряды белых. Таким образом в двадцатых числах мая Врангель, в обращении к „красным офицерам”, призывал их встать „вновь в ряды Русской, настоящей армии” и обещал им „забвение прошлого” и „возможность искупить свой грех”⁵⁰.

Некоторые воззвания писались от имени самих перешедших к Врангелю красных солдат и „офицеров”, иногда от имени бойцов отдельных частей, как, например, воззвание 20 июня к своим соотечественникам в красных рядах „бывших красноармейцев 5-го особого латышского полка охраны штаба Троцкого”, добровольно перешедших к белым после отказа советской власти отпустить их на родину, вопреки подписанному между Советской Россией и Латвией договору, который от них скрывали⁵¹.

В октябре были также выработаны обращения к бойцам 1-й красной Конной армии и даже, за подли-

сю ген. Шатилова, к ее командующему — Буденному. В воззвании Буденному стояло: „Всем переходящим на сторону Русской Армии гарантируется: 1) личная и имущественная безопасность, 2) всему командному составу: остаются занимаемые должности с присвоением соответствующих чинов и званий, 3) лично Вам присваиваются права и соответствующий чин Командующего Армией, 4) все прошлое будет забыто; законному преследованию будут подвергнуты лишь лица, согласно Вашего указания”⁵².

Буденный, разумеется, к белым не перешел и во время всей борьбы белого Крыма случаи перехода офицеров остались единичными. К лету, признает Павлов, „надежды на переход офицеров со стороны красных определенно рухнули”⁵³. Не наблюдалось также массового перехода рядовых красноармейцев, хотя, взятые в плен, они продолжали становиться в ряды белых частей и дрались хорошо. Постоянные, иногда неумелые, призывы к красноармейцам не были голой пропагандой и выражали действительное стремление Врангеля несколько изменить психологический климат гражданской войны. Уже 8 апреля, например, был восстановлен в чине генерал-майора рядовой Котельников, в свое время несший ответственную службу в рядах красных; об изменении климата свидетельствует и телеграмма Врангелю ген. Абрамова, опубликованная 16 октября, — на которой главнокомандующий написал „Согласен”, — извещающая о том, что восемь военнопленных, присужденных военно-полевым судом Донского корпуса к тяжелым наказаниям (четверо — к смертной казни, четверо — к каторге) за „принадлежность к большевизму”, были освобождены набегом конницы красных, но не захоте-

ли с ними бежать и явились к коменданту; ген. Абрамов ходатайствовал об их помиловании⁵⁴. Гражданская война, конечно, не лишилась своего жестокого характера, бесспорно, однако, что Врангель стремился лишить ее хотя бы отчасти прежнего ожесточения и беспощадности.

Большое значение в жизни армии и соприкасающегося с ней населения имели военно-полевые суды. Гражданское правосудие в Крыму и особенно в Северной Таврии восстанавливалось медленно, и его необходимые осмотрительность и медлительность часто не отвечали желанию власть имущих на местах.

„Не осталось, кажется, ни одного тяжкого, с точки зрения государственных и частных интересов, деликта, который не был бы обращен к военной подсудности. Сюда относились преступления имущественные (грабежи, разбои, кражи и покупка краденного казенного оружия, обмундирования и вообще предметов воинского снабжения и довольствия и пр.), вымогательство, лихоимство и другие должностные преступления, спекуляция, уклонение от явки для отбывания воинской повинности и укрывательство дезертиров /.../ и многое другое, вплоть до торговли в неуказанные дни мясом и несдачи частными лицами находившихся у них автомобилей”⁵⁵.

Некоторые начальники особенно были склонны прибегать к военно-полевой юстиции. Таким образом, в первые месяцы 1920 года по приказанию ген. Слащева военно-полевые суды весьма активно приговаривали к расстрелу всех ему подозрительных лиц (порой их расстреливали без всяких приго-

воров). Ген. Кутепов также усердно предавал военно-полевым судам подозреваемых в тяжелых преступлениях лиц в Симферополе. Тела казненных в назидание вешали на фонарных столбах города. Эти меры возбуждали ужас в населении и принудили симферопольского городского голову обратиться в начале апреля к Врангелю с жалобой на ген. Кутепова⁵⁶. Хотя ген. Врангель и отклонил жалобу городского головы Усова, им был именно в эти дни (6 апреля) издан приказ, отменяющий внесение в военно-полевые суды дел по одному лишь усмотрению местного военного начальства⁵⁷.

К началу 1920 года организация военной юстиции в Крыму была следующая. Во главе военно-судебного ведомства стоял „Главный Военно-Морской Прокурор, он же начальник Военного и Морского Судного Отдела Военного Управления”. Он, таким образом, совмещал судебную и административную должность и, следовательно, не был независимым от военной власти в лице начальника Военного управления. В подчинении главного военного прокурора находилось два следователя по особо важным делам, но такой же следователь существовал и при штабе главнокомандующего. Существовал и Главный Военный и Военно-Морской суд, который должен был следить „за охранением точной силы закона и за единообразным применением его военными и военно-морскими судами”. В суть разбираемых дел он не вникал. В Севастополе был особый Военно-Морской суд, разбирающий все местные дела, относящиеся к военной юрисдикции. Имелись свои суды и при каждом армейском корпусе⁵⁸. Эта организация была неудовлетворительной и работала плохо: главный военный прокурор был лишен

каких-либо возможностей обеспечить надлежащую работу правосудия на большей части занятой территории.

В июле и августе были созданы отделения Военно-Морского суда в Симферополе и в Феодосии. Часть камер военных следователей была также выведена из Севастополя и распределена по всей территории. 18 августа главный военный прокурор получил право назначать на местах определенное количество „Помощников Военного Прокурора”, уполномоченных возбуждать дела и контролировать военно-судебную деятельность на местах. Помощники главного военного прокурора были независимы от местного военного начальства и подчинялись лишь ему⁵⁹.

Более всего необходимость контроля военной юстиции ощущалась на фронте. В боевой обстановке военно-полевые суды нередко выносили поспешные и недостаточно обоснованные приговоры. Приказом № 3268 от 31 мая ген. Врангель создал при управлении каждого армейского корпуса должности „начальников военно-судной части”. Им поручался надзор за деятельностью военно-полевых судов, и, в вопросах юридического характера, они подчинялись лишь главному военному прокурору. В случае несогласия с приговором военно-полевого суда, им следовало обращаться для его отмены в главный военный суд. Все дела, касающиеся невоенных, было приказано рассматривать при штабах корпусов, дабы начальникам военно-судных частей было легче контролировать деятельность судов⁶⁰.

Реформа военного правосудия была увенчана приказом № 3718 от 9 октября⁶¹, который вывел начальника военно-судебного ведомства из подчине-

ния начальнику военного управления: „Главный Прокурор Армии и Флота” стал независимым начальником особого ведомства, подчиненным лишь главе государства.

Наряду с установлением контроля над военно-полевыми судами, были приняты меры для ограничения круга их деятельности. Таким образом, 26 апреля было запрещено вносить в военно-полевые суды дела о несовершеннолетних до 17-летнего возраста (даже военнослужащих). 2 мая было запрещено публичное исполнение смертных казней⁶². Приказ № 3602 от 4 сентября запретил вносить в военно-полевые суды дела о гражданских лицах, за исключением „государственных преступлений” и „уклонения от явки на мобилизацию”⁶³.

Трудно составить себе достаточно полное впечатление об успешности вышеуказанных мер. Свидетельства обычно сходятся на констатации нехватки людей в военно-судебной области, перегруженности судов делами. К тому же на начальников военно-судных частей при корпусах была возложена ответственность не только за правильное ведение дел в военно-полевых судах, но и за деятельность военно-судных комиссий, где количество дел доходило иногда до нескольких сот в месяц. По справедливому замечанию ответственного деятеля в военно-судебной области, „несомненно требовалось учреждение должностей начальников военно-судных частей не только при корпусах, но и при дивизиях, и даже полках, требовались значительные изменения и в организации военно-полевых судов, но на все это нужно было время и, главное, честные и просвещенные работники, а последних было недостаточно даже для вновь созданных должностей и учреждений”⁶⁴.

Отношение местных жителей к армии было неоднородным, зависело и от местности, и от поведения различных частей. Население Мелитополя, занятого летом войсками ген. Врангеля, боялось роста дороговизны и развития спекуляции в городе, и эти опасения, по сведениям белой разведки, в значительной мере были обоснованы⁶⁵. В отношении сельского населения подполк. Павлов свидетельствует, что даже после мобилизации лошадей крестьяне с доверием относились к власти, „но на незаконные отвечали огромным возмущением”: доверие к власти было основано на том, что действительно „с мародерством, грабежами велась беспощадная борьба”⁶⁶. В целом доброжелательное отношение к армии населения подтверждает и документ, основанный на письмах частных лиц, просмотренных в августе военной цензурой: „Постоянно подтверждаются сведения о дисциплинированности армии и ее порядочном поведении и обращении с населением. Дисциплинированность наших солдат и полный порядок, который наблюдается при распределении квартир, сразу завоевали нам симпатию всех жителей” /города Мелитополя. — Н. Р./ „...и они говорили, что теперешняя обновленная Русская Армия и бывшая Добровольческая — это небо и земля... Что же касается крестьянского населения, отношение к нашей армии неровное, в некоторых местах неблагоприятное, в других равнодушное, но в большинстве местностей хорошее, благодаря вежливому обращению и отсутствию насильственных реквизиций”⁶⁷.

Небезынтересно, в заключение этой главы, привести документ, — приказ от 25 августа, — наглядно выражающий точку зрения самого Врангеля на свою армию и должное к ней отношение населения:

„Армия носительница права и чести.

Суровыми, а подчас и жестокими мерами беспощадно вырывается преступный элемент из рядов войск и ныне Русская Армия в жестоких боях доблестно отстаивает последнюю пядь родной земли и ее мирное население, не вызывая никаких нареканий в грабежах и насилиях.

Стремясь залить кровью и эту последнюю пядь, враг бросает против нас свои лучшие силы.

Но Божьей помощью с неизменным успехом мы каждый раз с честью и победой выходим из этих испытаний.

И ни с чем несравнима эта борьба.

Днем и ночью, в жару и в холод, имея всегда перед собой превосходного числом врага, войска делают шестидесятиверстные переходы, мокнут под дождем, ночуют в поле, в бесконечных боях теряя тысячи своих лучших сынов. Но в этой борьбе должна участвовать не одна только армия. Население, жизнь и кров которого обеспечены грудью армии, должно также иметь по отношению к ней нравственные и материальные обязанности.

Бесчисленные жертвы, приносимые армией, обязывают население братски идти к ней на помощь и делиться с ней в ее нуждах. Между тем я знаю ряд случаев, из которых с полной наглядностью видно, что не везде и не все отдают себе в этом ясный отчет. Встречается недружелюбное отношение к законным требованиям войск, отказы в продаже за плату продуктов при достаточном их запасе, нежелание поступиться своими удобствами при расквартировании войск и т.д.

В виду этого считаю необходимым объявить, что, ограждая права населения и сурово карая судом

всякое беззаконие со стороны какого бы то ни было чина армии, я буду также внимательно следить за случаями недружелюбного отношения к армии и беспощадно карать виновных”⁶⁸.

Глава 6

УПРАВЛЕНИЕ И САМОУПРАВЛЕНИЕ

Центральная власть на Юге России получила впервые четкую организацию в секретном приложении к приказу № 1 Верховного руководителя Добровольческой армии ген. Алексеева от 20 августа 1918 года. Главным создателем этой первой формы верховной власти был известный политический деятель В. В. Шульгин. Было создано „Особое Совещание при Верховном Руководителе“, состоящее из 11 отделов (фактически – министерств). Председателем Особого совещания был ген. Алексеев, его заместителем – ген. Деникин. У Особого совещания были законодательные, дипломатические и административные функции, заседания его имели лишь совещательный характер и принятые им решения были необязательными для верховной власти¹.

Ген. Алексеев вскоре умер, его заменил ген. Деникин, который в декабре 1918 года с согласия Донской и Кубанской местных властей принял звание „Главного Командующего Вооруженными Силами Юга России“. Новая организация верховной власти была зафиксирована в „Положении об Особом Совещании при Главном Командующем Вооруженными Силами Юга России“ от 2 февраля 1919 года². Главным автором этого нового „положения“ был известный кадетский деятель К. Н. Соколов.

Особое совещание было создано при главном командующем „для содействия в делах законодатель-

ных и административных”. Оно состояло из 14 управлений: Военное, Морское, Внутренних дел, Земледелия, Иностранных дел, Исповеданий, Народного просвещения, Почты и телеграфов, Продовольствия, Путей сообщения, Торговли и Промышленности, Финансов, Юстиции и Государственного контроля. При нем состояло два „отдела” — Законов и Пропаганды — и Канцелярия. Начальники управлений и отделов назначались главнокомандующим. Он мог пригласить к участию в заседаниях Особого совещания лиц по своему усмотрению. В случае своего отсутствия он назначал иного председателя Особого совещания. Особое совещание было „совещательным органом” при главнокомандующем „в области законодательства и верховного управления”. Его постановления принимали силу закона лишь после утверждения главнокомандующим. Главной функцией Отдела законов была подготовка, проверка „точности” и обнародование законов. Сам К. Н. Соколов, один из его виднейших участников, пишет, что Особое совещание „сравнивали с машиной, работающей без приводных ремней. /.../ Теоретически все у нас было построено на началах единства власти. На практике было бесформенное единство безволия”³.

Такому положению способствовал ряд факторов: плохая работа исполнительных органов, вынужденное подчинение всей системы управления генералам из окружения Деникина, конфликты с казачьими правительствами и, может быть в первую очередь, политические трения и интриги.

17 декабря 1919 года, под влиянием военных неудач белых войск, ген. Деникин (приказом № 176 по Общему Управлению) упразднил Особое совеща-

ние и заменил его „Правительством при Главнокомандующем” в составе председателя правительства и начальников семи управлений: Военного и Морского, Внутренних дел, Финансов, Сообщений, Снабжений, Торговли и Промышленности, Юстиции. При правительстве образовалось „Совещание по законодательным предположениям”⁴.

Во второй половине февраля 1920 года, после соглашения с Верховным Казачьим Кругом, ген. Деникин создал „Южно-русскую власть”, которая должна была возглавляться им самим и осуществляться при содействии „Совета министров”. Но уже 17 марта, вынужденный развитием военных событий переехать в Крым, Деникин упразднил Совет министров и поручил М. В. Бернацкому „организовать упрощенное и сокращенное численно деловое учреждение, ведающее делами общегосударственными и руководством местных органов”⁵.

К тому же в Крыму, помимо местной губернаторской власти, весной 1919 года было создано особое „Крымское Краевое Правительство”, руководимое „Советом министров”, председателем которого был С. С. Крым.

В приказе главнокомандующего ВСЮР № 2925 от 29 марта 1920 года ген. Врангель установил новые условия управления Юга России:

„Объявляю положение об управлении областями, занимаемыми Вооруженными Силами Юга России:

Правитель и Главнокомандующий Вооруженными Силами на Юге России обнимает всю полноту военной и гражданской власти без всяких ограничений. Земли казачьих войск независимы в отношении

самоуправления, однако, с полным подчинением казачьих вооруженных сил Главнокомандующему.

Непосредственно Главнокомандующему подчиняются:

Помощник Главнокомандующего;

Начальник его Штаба;

Начальник Военного Управления;

Начальник Морского Управления — он же Командующий флотом;

Государственный Контролер;

Начальник Гражданского Управления, ведающий: внутренними делами, земледелием и землеустройством, юстицией и народным просвещением.

Начальник Хозяйственного Управления, ведающий: финансами, продовольствием, торговлей и промышленностью и путями сообщения.

Начальник Управления Иностранных Сношений.

Все эти лица составляют при Главнокомандующем Совет, имеющий характер органа совещательного”⁶.

Уже три дня спустя, приказом от 1 апреля, эта первоначальная схема была изменена: „в целях скорейшего разрешения остроты продовольственного вопроса в Крыму” ген. Врангель находил „необходимым объединить снабжение армии и населения в одних руках” и приказывал:

„1) Упразднить должность Начальника Хозяйственного Управления;

2) Ввести должность Начальника Управления Снабжения, ведающего: торговлей и промышленностью, продовольствием и снабжением как населения, так и армии;

3) Ввести должность Начальника Финансового Управления;

4) Пути сообщения передать в ведение Начальника Гражданского Управления;

5) Сформировать Канцелярию Совета при Главнокомандующем. / ../'”7

Первое заседание Совета при главнокомандующем ВСЮР состоялось в Севастополе 6 апреля, под председательством Врангеля. Помимо помощника главнокомандующего, начальника штаба и начальников управлений, на нем присутствовали управляющий делами Совета, начальник Севастопольского завода, начальник Военных сообщений и начальник Отдела путей сообщения⁸: как и при ген. Деникине, на заседания Совета приглашались, по мере надобности, те или иные ответственные гражданские или духовные лица, или военные начальники.

За весь период правления ген. Врангеля заседаний Совета (позже — Правительства) было 54, то есть в среднем он собирался восемь раз в месяц. Врангель часто на заседаниях не присутствовал и поручал председательство своему помощнику.

Первым помощником ген. Врангеля был ген. Шатилов. 6 июня он был заменен прибывшим в Крым А. В. Кривошеиным, а Шатилов назначен начальником штаба, взамен посланного в Польшу ген. Махрова. Таким образом верховная власть в Крыму приняла свое окончательное лицо. Помимо Шатилова и Кривошеина, наибольший вес в правительстве имел начальник Управления иностранных сношений — П. Б. Струве.

15 июня ген. Врангель учредил два новых управления: „Управление Торговли и Промышленности” и „Управление Земледелия и Землеустройства”.

После подписания соглашения с атаманами четырех южно-русских казачьих войск⁹, 6 августа ген. Врангель принял новое звание: „Правитель Юга России и Главнокомандующий Русской Армией”, а Совет при главнокомандующем был переименован в „Правительство Юга России”. В правительство вошли представители от Донского, Кубанского, Терского и Астраханского казачьих войск.

Работа высших органов правления порой очень огорчала Врангеля, об этом свидетельствует достаточно красочно приводимый ниже приказ от 9 августа:

„Я указывал уже на неосновательность докладов, получаемых мною по Управлению Снабжением, где на бумаге все обстоит блестяще, а на деле далеко не так. Из произведенного состоящим при мне Генералом для поручений расследования установлено, что работа ведомства происходила во многом небрежно.

Наряды не соответствуют количеству материалов и выдаются не в те склады, куда нужно. Материалы переводятся из склада в склад помимо Главного Интенданта, без его ведома и разрешения, наконец, важные решения комиссии об увеличении цен на продукты являются каким-то секретом от другого ведомства, коему надо было дать знать об этом в первую очередь.

Доклады Начальника Ведомства показывали мне всегда лицевую сторону деятельности ведомства, имея в виду только произвести хорошее впечатление.

Польза дела требует совершенно другого и, прежде всего, правильности доклада.

Все изложенное ставлю Начальнику Управления Г.-Л. Вильчевскому на вид"¹⁰.

12 августа Врангель упразднил должность начальника Управления снабжением. На место, прежде занимаемое ген. Вильчевским, он назначил нового „Начальника Снабжений“, подчиненного начальнику Военного управления¹¹.

Работа „Совета“ (и „Правительства“) ген. Врангеля, судя по протоколам его заседаний, определенно отличается от деятельности „Особого совещания“ ген. Деникина. Она носила, как правило, очень деловой, обращенный на потребности момента характер. За исключением редких обзорных докладов Врангеля, ни малой, ни большой политики в протоколах не встречается. На возникающие перед ним вопросы крымское белое правительство обычно давало ясные ответы и принимало быстрые решения. Лишь в экономической области и, в частности, в вопросах внешней торговли иногда ощущается некоторое безволие и расплывчатость.

Во время правления Деникина при занятии какой-либо местности белыми войсками, в ней восстанавливалась по мере возможности местная администрация дореволюционного времени. Весной 1919 года, после изгнания красных, она была восстановлена и в Крыму. В районе военных действий фактически единственными представителями власти были военные.

11 мая 1920 года местная администрация во вновь занятых местностях Северной Таврии была

организована согласно нижеприведенному „Временному Положению”:

„1. В Корпусных войсковых районах, в местностях, освобожденных при продвижении Вооруженных Сил на Юге России, гражданское Управление вверяется Командирам Корпусов по принадлежности, через состоящих при них Начальников Гражданской Части, с наименованием последних „Начальник Гражданской Части при Командире такого-то Корпуса”.

2. Начальник Гражданской Части, в отношении принадлежащих ему прав и обязанностей, круга деятельности и порядка обжалования его действий, приравнивается к Губернатору. /.../

3. Начальник Гражданской Части, в порядке управления занятого района, подчиняется непосредственно Командиру Корпуса, получая в то же время общие руководящие указания от Начальника Гражданского Управления.

4. Начальнику Гражданской части подчиняются:

а) Помощник Начальника Гражданской Части, пользующийся всеми правами Вице-Губернатора и несущий его обязанности. /.../

б) Канцелярия и чины для поручений.

в) Начальники Уездов в пределах корпусных районов с подчиненными им классными чинами Сельской и Городской стражи. /.../

г) Команда стражников Государственной Стражи для несения службы связи.

5. Сверх того состоят в ведении Начальника Гражданской Части уполномоченные управления: 1) Финансов, 2) Юстиции, 3) Снабжения и 4) Отдела Земледелия, исполняющие его задания в пределах

своего ведомства, на основании руководящих указаний, получаемых от Начальников подлежащих Управлений. /.../”¹²

О качестве работы новых органов местной администрации сведения противоречивы. Ген. Врангель, в своих воспоминаниях, пишет, что новое местное управление „оказалось весьма удачным и в дальнейшем в полной мере оправдало себя”, хотя в другом месте признает, что представители власти на местах, „не исключая подчас и наиболее крупных лиц”, не всегда были на высоте и что имели место „случаи сведения личных счетов администраторов из помещиков с крестьянами”¹³. По другому авторитетному свидетельству, „хорошо слаженного административного аппарата /.../ на территории Крыма почти не было”¹⁴.

От своего предшественника ген. Врангель „унаследовал” огромное количество различных военных и гражданских (а порой и неясно каких) учреждений. Дело в том, что при Деникине не только стремились восстанавливать администрацию в занятых белыми войсками областях, но восстанавливали ее также авансом в еще не занятых. Утверждались верховной властью различные „временные штаты”, позволяющие ничего не делающим чиновникам обеспечить себе (впрочем, достаточно скудный) заработок. Таким образом, например, был утвержден ген. Деникиным, в ожидании взятия города, „Временный штат Астраханского Уголовно-Розыскного Управления”, состоящий из 177 чиновников, которым в течение нескольких месяцев, начиная с июля 1919 года, выдавалось жалованье¹⁵. Значительная часть подобных учреждений, как и менее фиктив-

ных, разумеется, перебралась в Крым, после оставления белыми занятой при Деникине территории. Через два месяца после начала своего управления ген. Врангель считал, что он уже расформировал более 360 учреждений и что предстоит расформировать еще не менее 150...¹⁶

Из неблагополучия работы государственной администрации отнюдь не делали секрета. Не один раз этой теме посвящал ген. Врангель свои приказы, ее часто касались и крымские газеты.

Уже 8 апреля был объявлен приказ, бичующий „междуведомственные трения” и „пустую формалистику” „многих” учреждений. „Формалистам, тормозящим живое дело, выполнение срочных заданий стратегического значения, теперь не место”, — заключался он¹⁷.

13 мая ген. Врангель снова вернулся в приказе к работе своей администрации:

„Заметил, что в гражданских учреждениях сильно развит бюрократизм, работа идет по шаблону, лишь в известные часы, творчества вкладывается мало, нужды населения встречают мало отзывчивости.

Приказываю это прекратить и помнить, что мы живем в эпоху, когда лихорадочная работа должна вестись всеми и что, если меня будят в ТРИ часа ночи, то в ПЯТЬ часов той же ночи мой Начальник Штаба уже выполнил все, что касается поднятого вопроса.

Вообще должен подчеркнуть, что военные учреждения в отношении работы далеко оставили позади гражданские органы, почему требую от последних наибольших усилий в своей деятельности.

Высшим Начальникам гражданских учреждений беспощадно удалять лиц, которые не могут возвы-

ситься над простым пониманием старых бюрократических приемов и перейти к живой работе”¹⁸.

В „Великой России” от 8 июля можно было прочитать следующие строки из-под пера Н. Ч., то есть, вероятно, Н. Чебышева:

„...все приезжие, особенно имеющие дела в правительственных установлениях, отмечают затруднения, на которые приходится наталкиваться по самым пустяшным делам. На верхах предупредительность, доступность, отзывчивость. В какое время вы бы ни пришли, вы будете приняты без всяких формальностей. Двери кабинетов открыты для каждого просителя, как бы ни было ничтожно его дело. То же самое замечается у глав отдельных ведомств. Многие поэтому предпочитают прямо обращаться к верхам.

Ниже дело обстоит гораздо хуже. Там по-прежнему больше пьют чай и курят. Пристрастие к чаепитию и курению у нашей бюрократии всегда поражало иностранцев. „Сановники” третьего и четвертого разрядов заставляют просителей ждать по целым часам, принимают их, развалясь в непринужденных позах, и рассматривают каждого человека, явившегося по делу, как злоумышленника, покушающегося на государственные интересы. Чиновников много больше, чем нужно, и всякое дело отстаивается точно баржа, путешествующая по шлюзам. Полежим здесь без движения, полежим там. /.../”¹⁹.

А в номере от 5 августа Н. Толпыго пишет:

„Взяточничество, например, на железных дорогах стало обычным явлением и приняло огромные размеры. „Не подмажешь, — не поедешь” — сейчас нужно понимать в буквальном смысле. Мне самому не один раз приходилось участвовать в коллективных

взятках пассажиров железнодорожной администрации для того, чтобы ускорить отправление поезда, получить паровоз, быть прицепленным и т. д.»²⁰.

В приказе ген. Врангеля от 16 мая принимались меры, для прекращения беспредметных для государства поездок за границу должностных лиц²¹, а еще 30 сентября был объявлен приказ, содержащий следующие строки: „В то время, как Армия и Флот ведут на фронте свою славную борьбу, многие, забыв совесть и стыд, занимаются своими темными делами: взяточничество и вымогательство продолжают процветать, подтачивая, с таким трудом налаживаемые, устои разрушенной Русской Государственности”²²; взяточникам в этом приказе грозились каторжными работами, сроком до десяти лет.

Для более эффективной борьбы против злоупотреблений окопавшихся в его администрации бессмертных гоголевских чиновников, ген. Врангель, 12 сентября, учредил „Высшую Комиссию Правительственного Надзора”. Она была составлена из надежных сановников и должна была рассматривать жалобы и сообщения о всех „особо важных преступных деяниях по службе государственной или общественной и серьезных непорядах в отдельных отраслях управления”²³, а также все прошения, приносимые на имя ген. Врангеля. На основе имеющейся документации трудно определить меру успеха деятельности этой комиссии.

Любопытно отметить, что с целью упрощения деловой переписки, и особенно с заграницей, в 1920 году в Крыму возник вопрос о введении нового — григорианского — стиля. 10 июля ген. Врангель приказал „всем Правительственным и общественным учреждениям впредь обозначать в служебной

переписке числа месяца по обоим стилям”²⁴, а на заседании правительства 14 августа А. В. Кривошеин предложил полный переход на новый стиль. Было решено: „Представить вопрос о введении нового стиля на разрешение Главнокомандующего, доведя до его сведения, что единогласного решения по настоящему вопросу Правительства не состоялось”²⁵. Дальше, по-видимому, это дело не продвинулось.

*

В дореволюционной России, помимо администрации государственной, было широко развито и успешно работало и местное самоуправление — земское и городское. Несмотря на шаги, предпринятые Столыпиным, чтобы ввести волостное земство, до 1917 года местное самоуправление существовало лишь на уровне уезда и губернии, а выборы в городские думы не были всеобщими и производились по сложной ступенчатой системе. После февральской революции Временное правительство учредило земское самоуправление и на уровне волости, а выборы стали по закону равными и всеобщими.

Ген. Деникин на Юге России упразднил нововведенное волостное земство, но ничем его не заменил. В различных местах деятельность уездного и губернского земства проходила более или менее успешно и редко где совершенно заглохла. Когда председатель Таврической губернской земской управы, кн. В. А. Оболенский, в самом начале правления ген. Врангеля, подал ему записку от имени земских управ и городских голов Крыма с просьбой об официальном восстановлении местного управления, Врангель на ней написал „Согласен”, но встретил

возражения со стороны председателя комиссии по земельному вопросу — сенатора Глинки, который опасался, что в земстве будут играть решающую роль социалистически настроенные элементы. Вопрос о земстве Врангель на время отложил²⁶.

16 мая Совет при главнокомандующем постановил „при продвижении Вооруженных Сил на Юге России и освобождении селений, волостей и уездов от большевиков, установить, по мере введения в сих местностях Гражданского Управления, Сельское общественное Управление, и Волостное и Уездное Земское Управление”²⁷, но восстанавливать местное самоуправление ген. Врангель уже решил по-новому и прогрессивно, начиная с волостного земства.

15 июля волостное земство было введено приказом № 94 по гражданскому управлению и организовано соответственно „*Временному Положению о Волостных Земских Учреждениях*”, объявленному в тот же день. Активное участие в разработке этих мер принял А. В. Кривошеин²⁸.

Следующим образом обосновывал новое учреждение приказ о земстве:

„Переход земли в собственность обрабатывающих ее хозяев и раздробление крупных имений на мелкие участки предreshают изменение прежнего строя земского самоуправления.

К трудной и ответственной работе по восстановлению разрушенной земской жизни необходимо привлечь новый многочисленный класс мелких земельных собственников, из числа трудящегося на земле населения.

Кому земля, тому и распоряжение земским делом, на том и ответ за это дело и за порядок его ведения.

Только на этом начале построенное земское самоуправление я считаю в настоящее время прочною опорю дальнейшего государственного строительства. /.../”²⁹

Н. Львов, близкий по взглядам к Врангелю и Кривошеину сотрудник „Великой России”, комментирует приказ о волостном земстве следующим образом:

„Вся шаткость старого порядка в том и заключалась, что великая держава с ее могущественной армией, с государственным центром, с европейским просвещением и промышленностью была построена на общинном сословном быте, на трехполье и темноте народных масс.

Внешний гранитный фасад центра и соломенная деревня.

Вот почему, когда рухнул Петербург, вся страна тотчас же опустилась в состояние первобытной дикости.

В сущности русская деревня всегда жила в условиях хронической анархии.

Деревня никогда не знала правового уклада.

Общинный строй с его господством толпы над человеком приводил к полному беспорядку, к самому низкому уровню земледельческой культуры и к тем первобытным формам общежития, при которых невозможно никакое гражданское развитие и никакой прогресс.

Тому, кто хотя бы сколько-нибудь знаком с порядками деревенской России, хорошо известно,

как все культурные начинания земства обрывались, наталкиваясь на деревенское неустройство, и как все управление сводилось в сущности не к организации в государственной дисциплине народных масс, а к самым грубым формам полицейской расправы.

Воровство, поджоги, потравы, лесные порубки, аграрные беспорядки и сопротивление властям были обычными явлениями деревенской жизни.

В деревенских непорядках кроется корень всей современной разрухи.

Вот почему дело восстановления России должно начаться с самых низов, с организации волостного самоуправления.

Из анархического состоянья можно было бы, конечно, выйти и другим путем.

Наполеон вывел Францию из такого же революционного хаоса путем создания строго централизованной системы административной власти, задавив все начала общественного самоуправления и все подчинив управлению префектов.

Такой прием, имевший успех во Франции, вряд ли был бы применим к русским условиям.

Огромные пространства нашего отечества, не говоря о всем прочем, уже сами по себе представляли бы непреодолимое препятствие для установления системы наполеоновской централизации.

Для нас неизбежно опираться на самостоятельность самого населения, необходимо привлечь его самого к деятельному участию в строительстве своей жизни.

Два акта — земельный приказ, направленный на утверждение частной собственности в сельской России и теперь правила о волостном устройстве, это два

краеугольных камня, на которых должна быть восстановлена разрушенная русская хранина”³⁰.

Главные распоряжения положения о волостных земских учреждениях следующие:

На волостных земских сходах избираются гласные, в количестве от 20 до 40, всеми крестьянами-домохозяевами и прочими землевладельцами волости старше 25 лет, по принципу равного голосования. Голосуют также арендаторы, при условии трехлетней оседлости в волости.

Волостные земские собрания состояются из волостных земских гласных, выбранных на год. На первом своем заседании они избирают волостную земскую управу из лиц, имеющих право участия на избирательных сходах. Земские управы — лишь исполнительные органы, они находятся под надзором земских собраний, которым одним принадлежит „распорядительная власть”.

Волостные земские собрания избирают (также из числа избирателей) „волостные земельные советы”, ответственные за проведение земельной реформы; из их членов они выбирают и представителя на местный уездный земельный совет.

Волостные земства ведут свои дела самостоятельно, за исключением дел об отчуждении недвижимых имуществ, крупных займов и договоров с частными предпринимателями: для этих дел требуется санкция губернаторов. Местная административная власть, в лице „начальника уезда”, может остановить постановления волостного земского собрания, „когда усмотрит, что оно а) не согласно с законом или постановлено с нарушением круга ведомства, пределов власти, либо порядка действий Волостных

Земских Учреждений, или б) не отвечает общим задачам борьбы за восстановление государственности”³¹. Остановленное решение рассматривает либо „общее присутствие уездного управления”, либо местные судебные инстанции.

20 сентября были объявлены „*Временное Положение об Уездных Земских Учреждениях*”, „*Правила о порядке введения в действие Временного Положения об Уездных Земских Учреждениях*”³² и приказ № 150 по гражданскому управлению, оповещающий население о введении уездного земства³³.

Уездные земские собрания составлялись из гласных, избираемых волостными земскими собраниями и городскими думами городов, входящих в уезд, а также из всего состава уездной земской управы и одного представителя каждой волостной управы, городских голов городов, не имеющих собственного самоуправления, представителей от православного духовенства и от населения иного вероисповедания, преобладающего в уезде, представителя Управления земледелия и землеустройства (в некоторых случаях).

Уездные земства, как и волостные, выбирали управу и ее председателя и ведали теми делами, которые и раньше находились в традиционном ведении земств и затрагивали интересы двух или нескольких волостей уезда.

Их деятельность подлежала контролю губернатора по тем же принципам, как деятельность волостного земства — контролю уездной административной власти.

К предметам ведения уездного земства относились:

— Заведование денежными делами уездного земства.

— „Попечение о народном образовании и воспитании и об удовлетворении религиозных и нравственных нужд населения”.

— Развитие местного земледелия, торговли и промышленности.

— Заведование земскими кредитными учреждениями.

— „Попечение о снабжении населения продовольствием и иными предметами первой необходимости”.

— „Заботы о народном здравии, об улучшении местных санитарных условий и о медицинской и ветеринарной помощи населению”.

— „Общественное призрение”.

— „Юридическая помощь населению”.

— Заведование земским „взаимным страхованием”, меры против пожаров и других стихийных бедствий.

— „Заботы о сбережении и правильном использовании народных лесных богатств и об облесении и укреплении песков и оврагов, дела водоснабжения и водопользования и всякого рода мелиорации”.

— Местная статистика.

— Содержание и улучшение местных путей сообщения.

— Земская почта, телеграфная и телефонная связь³⁴.

Местная охранная и полицейская служба оставались вне ведения местного земского самоуправления.

Выбор членов уездного земского собрания производился на год.

„Уездным Земским Собраниям поручается в срок, устанавливаемый Начальником Гражданского Управления, представить Губернатору свои соображения о желательном порядке удовлетворения земских потребностей, превышающих силы и средства отдельных земств, путем передачи дел этого рода непосредственно Областному Земству, сохранения Земства Губернского или объединения уездных земств в особые для определенных целей Союзы и, в связи с сим, о назначении имуществ и учреждений Губернских Земств”³⁵. (Слово „область” следует понимать как более крупную, чем губерния, территориальную единицу³⁶).

Принцип, положенный Врангелем и Кривошеиным в основу нового земства — преимущественная опора на крестьян-домохозяев, вызвал нареkania в некоторых кругах либеральной интеллигенции, характерным выразителем настроений которых был В. А. Оболенский. Он упрекал Кривошеина в намеренном желании устранить от участия в земстве „всю сельскую интеллигенцию” и „более культурное молодое поколение деревни”. Осуждал он также чрезмерную зависимость председателей управ от государственной власти. Это, впрочем, не мешало Оболенскому высоко оценивать качество работы земских и городских деятелей при Врангеле³⁷.

В отношении городского самоуправления ген. Врангель не предпринимал фактически ничего до осени 1920 года. 19 мая, например, он отложил выборы в Керченскую городскую думу, основываясь на том, что „подготовка к выборам нарушает нормальный ход работ”, а „по условиям военного времени и исключительного положения Крыма от городских са-

моуправлений требуется интенсивная и напряженная работа и всякое нарушение ее нежелательно”³⁸.

23 сентября начальник Гражданского управления С. Д. Тверской созвал совещание, посвященное рассмотрению вопроса об изменении правил о выборах городских гласных. По его предложению, „система выборов, основанная на началах всеобщности, равенства и тайны голосования, а также прямой подачи голосов” должна была быть сохранена, но следовало пересмотреть предусмотренное законом „заявление списков кандидатов в гласные определенным числом избирателей”, так как эта система не допускала „избрания в гласные иных, кроме указанных в кандидатских списках лиц”.

„Совещание признало необходимым в целях достижения большей свободы в выявлении воли избирателей, не связывать их обязательными кандидатурами, для чего совершенно устранить заявления кандидатских списков. Кроме того признано обязательным деление более значительных по населенности городов на избирательные округа, в целях приближения гласных к избирателям, при чем пассивное избирательное право в этом случае должно распространяться на весь город. Таким образом лицо, имеющее право участия в выборах, будет иметь возможность быть избранным по любому округу”.

На совещании было решено „спешно” составить соответствующий законопроект³⁹.

16 октября было опубликовано в прессе сообщение о том, что на 26 октября созывается съезд городов Крыма в Симферополе, для рассмотрения финансового положения и текущих вопросов городской жизни, а также для избрания „исполнительного органа союза” городов Крыма⁴⁰. В. А. Оболенский

указывает, что этот съезд должен был, помимо прочего, оказать „моральную поддержку” правительству ген. Врангеля и обратиться к иностранным государствам с заявлением о том, что Врангеля поддерживает демократическое самоуправление Крыма⁴¹.

Как и в дореволюционной России, земское и городское самоуправление могло рассчитывать на некоторую финансовую поддержку со стороны государства. Таким образом, например, 24 мая Совет при главнокомандующем постановил выдать Симферопольскому губернекому земству ссуду в 20 миллионов рублей „на покрытие дефицитов по его смете на 1920 год”. Симферопольское уездное земство, на том же заседании, получило 18 250 000 рублей. Но постановление о выдаче денег сопровождалось следующим комментарием:

„Указать Симферопольскому Губернскому и Уездным Земствам, что им надлежит принять меры к изысканию способов к удовлетворению своих нужд путем привлечения к участию в расходах на местные нужды самого населения, снабженного в настоящее время в изобилии денежными знаками, временно отказавшись, например, от принципа бесплатного лечения и обучения, так как постоянное субсидирование городских и земских учреждений многомиллионными ссудами, при современном состоянии Государственного Казначейства, ложится тяжким бременем на счет Казны”⁴².

Эта мысль была развита во „Временных правилах о земских раскладочных сметах и о порядке выдачи ссуд земствам и городам”, утвержденных ген. Врангелем 1 августа. Эти „правила” усматривали возможность выдачи земствам (и городам) ссуд „в

чрезвычайном порядке” „на расходы по участию Земств в Правительственных расходах, а равно на расходы по медицинской и ветеринарной частям, по общественному призрению, по народному образованию, по содействию экономическому благосостоянию населения, по отопительным операциям и по выдаче содержания земским служащим /.../”. Но земствам предлагалось взимать с населения плату за медицинскую и ветеринарную помощь, причем лекарства должны были выдаваться „по заготовительной цене”. От платы совершенно освобождались лишь лица, „находящиеся в несомненно бедственном положении”. Население должно было также оплачивать расходы по содержанию школьных зданий и по покупке нужных для школ учебников и письменных принадлежностей⁴³. Одновременно с утверждением „Временных правил...” Совет при главнокомандующем постановил выдать земствам и городам 125 миллионов рублей „на неотложные расходы”⁴⁴.

16 октября было опубликовано в прессе следующее заявление:

„Согласно утвержденным Главнокомандующим 12 сентября правилам о реорганизации управления начальными народными школами, эти последние всецело переданы в ведение земств и городов. Должность директора народных училищ упраздняется. Полномочия бывших губ. училищных советов передаются губернскому земству и уездных — уездным земствам и городским самоуправлениям, в отношении последних при условии, что они имеют не менее 30 школьных комплектов. Таким образом по новым правилам на уездные земства и городские самоуправления возлагается заведование начальным

образованием в городе или уезде во всей полноте. В частности им принадлежит исключительное право приглашения на службу, перемещения и увольнения всего учительского персонала. /.../”⁴⁵

Глава 7

ПОДГОТОВКА И УЧРЕЖДЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ

В исторической и мемуарной литературе часто встречается утверждение, что главной причиной неудачи белой борьбы в 1918/1919 годах было нежелание ген. Деникина разрешить, до освобождения страны от красных, главный вопрос русской общественной жизни — крестьянский вопрос.

В действительности Деникин прекрасно понимал все значение крестьянского вопроса и лично был сторонником передачи большей части земли в собственность крестьянам. В приказе, оглашенном на заседании Особого совещания при главнокомандующем 26 марта 1919 года, он указал следующие руководящие начала для неотложных мер в области землеустройства:

„— Создание и укрепление прочных мелких и средних хозяйств за счет казенных и частновладельческих земель.

— Сохранение за собственниками их прав на земли. При этом в каждой отдельной местности должен быть определен размер земли, которая может быть сохранена в руках прежних владельцев и установлен порядок перехода остальной частновладельческой земли малоземельным. Переходы эти могут совершаться путем добровольных соглашений или путем принудительного отчуждения, но обязательно

за плату. За новыми владельцами, земля, не превышающая установленных размеров, укрепляется на правах незыблемой собственности”¹.

Сознавая необходимость что-то предпринять сразу же, ген. Деникин все же считал, что „полное разрешение земельного вопроса для всей страны и составление общего для всей необъятной России земельного закона будет принадлежать законодательным учреждениям, через которые русский народ выразит свою волю”².

10 июня 1919 года Деникин утвердил „Временное положение об Управлении Земледелия и Землеустройства”, но внимания земельной реформе оно почти не уделяло: лишь один пункт последней части этого пространного документа указывал, что, помимо пяти прочих своих обязанностей, „Землеустроительная Часть” управления (одна из семи его „частей”!) должна была ведать „организацией и постановкой землеустроительного дела на местах главным образом в связи с аграрной реформой и переходом земли к малоземельному населению, как по добровольному соглашению, так и путем принудительного, за плату, отчуждения”³.

Во второй половине июня 1919 года правительством Деникина было указано, что фактические держатели земель должны засеивать и обрабатывать захваченные ими земли. Из урожая трав они обязаны были выдавать половину бывшим хозяевам земель, из урожая хлебов — одну треть (знаменитый „третий сноп”), а из урожая корнеплодов — одну шестую. Осенью того же года помещичья доля была снижена до одной пятой для зерновых культур и до одной десятой для корнеплодов; установившееся в дерев-

нях фактическое распределение земель было продлено еще на один сельскохозяйственный сезон⁴.

В июне были также учреждены, „для разрешения споров по распределению и уборке урожая”, мировые комиссии, под председательством мировых судей и с участием землевладельцев и крестьян⁵. На практике нередко были на местах попытки помещиков вернуть себе отобранные у них земли. Местные военные и гражданские власти не всегда препятствовали их произволу, а порой и помогали им.

Таким образом, несмотря на бесспорно благие намерения ген. Деникина, земельная реформа им проведена не была. Некоторые лица из окружения главнокомандующего предлагали ему проекты радикальной земельной реформы. Одним из наиболее упорных „реформаторов” был полковник Б. А. Энгельгардт, в декабре 1919 года обратившийся к Деникину с очередным проектом: характерно, что и в конце своего командования Деникин, принципиально соглашаясь с Энгельгардтом о необходимости закрепления за крестьянами захваченной ими земли, считал тем не менее, „что нет такой общественной группы, на которую можно было бы опереться при проведении такой прямолинейной и практической политики”⁶.

Сменивший ген. Деникина ген. Врангель был убежден, что, несмотря на всю трудность проведения земельной реформы, на невозможность в данных исторических условиях ее провести „в полном объеме”, „условия этой жизни не позволяли дальше ждать”. Хотя оно и не могло быть вполне удовлетворительным для всех, ген. Врангель считал, что решение земельного вопроса „должно было выбить из рук наших врагов главное орудие политической

борьбы, ударить по воображению населения и армии, произвести соответствующее впечатление в иностранных кругах”⁷.

Местные условия были благоприятны для проведения реформы. Таврическая губерния фактически не знала крепостного права, и крестьянские наделы были в ней в среднем значительно крупнее, чем во многих других областях России. Столыпинская реформа была встречена в Северной Таврии весьма сочувственно: со времени указа 9 ноября 1906 года, установившего правила выхода из крестьянской общины, „76 % общинников обратилось с требованием укрепить свои наделы в единоличную собственность”, что составило „рекордный процент для всей России”⁸. С другой стороны, наличие в Северной Таврии значительного количества земель, принадлежащих очень крупным именьям, составляло фонд, который мог сильно помочь государству обеспечить землей малоземельных крестьян.

В двадцатых числах марта 1920 года ген. Врангель обратился к начальнику Гражданского управления, сенатору Г. В. Глинке, со следующим письмом, излагающим его основные взгляды на земельный вопрос:

„Милостивый Государь!

Обеспечение трудящемуся населению возможности спокойно заниматься всякого рода производительным трудом — является одною из важнейших задач гражданского управления. Наибольшее значение принадлежит основному роду занятий населения — сельскохозяйственному.

События последних лет внесли в земельный вопрос огромные осложнения и затруднения. Вследст-

вие ряда разных причин перемешались понятия о праве собственности и о праве фактического владения. Происходит разрушение крупных хозяйств, затрудняется создание прочных мелких хозяйств, вследствие отсутствия права собственности.

Полное и окончательное разрешение этих вопросов невозможно в короткий срок, в виду огромной сложности связанных с ними правовых последствий.

Между тем жизнь требует немедленного выхода из создавшегося тупика на более правильную и верную дорогу. Возможно прочное положение сельскохозяйственного труда и земельного вопроса необходимо, дабы ни одна пядь годной земли не осталась бы необработанною за отсутствием хозяина.

На основании сего признаю необходимым в срочном порядке приступить к упорядочению вопроса о землепользовании на территории Вооруженных Сил Юга России, для чего поручаю Вам как Начальнику Гражданского Управления немедленно образовать Центральную Земельную Комиссию, из представителей земских управлений, выбранных от земледельческого населения волостей и сведущих лиц, последних по Вашему выбору. Комиссии этой в месячный срок разработать план земельной реформы и порядок осуществления ее на местах через посредство уездных земельных комиссий, образуемых, на тех же основаниях как и Центральная, в каждом уезде.

При разработке положения о земельном вопросе комиссии руководствоваться нижеследующими основными началами:

- 1) Земля должна принадлежать на праве частной собственности по крепостному акту только тому, кто ее обрабатывает, поэтому она не может быть

предметом торговли или эксплуатации посредством аренды.

2) Государство обязано охранять народное достоинство и блюсти, чтобы земля использовалась правильно, не истощалась и не лежала необработанной.

3) В зависимости от запаса земли, густоты населения, и рода хозяйства величины наделов должны быть определяемы особо для каждой данной местности (уезда, губернии).

4) Все земли: удельные, государственные, монастырские, церковные и частновладельческие, превышающие установленный для данной местности (уезда, губернии) надел, подлежат отчуждению в земельный фонд для распределения за особо устанавливаемую плату между малоземельным и безземельным земледельческим населением.

5) Высококультурные и показательные хозяйства должны быть сохранены, с установлением для них особых, высших размеров наделов, в соответствии с особенностями каждой местности (уезда, губернии).

6) Право владения наделами должно быть закрепляемо крепостными актами и составлением закладных на общем основании.

7) Получающий надел обязуется уплатить стоимость надела государству по особо составляемой для каждой данной местности (уезда, губернии) расценке.

8) Кроме того каждый, получающий надел, обязуется вносить ежегодно в пользу государства (земельный налог) часть своего урожая, в размере, определяемом Земельными Комиссиями.

9) Из вносимых за наделы денег образуется государственный фонд, из которого государство

производит расчет с владельцами отчуждаемых земель.

10) Величины наделов, стоимость их, количество ежегодно отчисляемого в пользу государства урожая определяется Уездными Земельными Комиссиями и по рассмотрении и одобрении Главной Земельной Комиссии /так!/ представляется на утверждение.

Утвержденные правила передаются Уездным Земельным Комиссиям для проведения в жизнь на местах под общим руководством Главной Земельной Комиссии и по общим Вашим указаниям”⁹.

Вопреки указаниям ген. Врангеля, сенатор Глинка наспех собрал комиссию из одних лишь „сведущих лиц”, которые к тому же, за исключением лишь кн. В. А. Оболенского и К. И. Зайцева, были настроены скорее консервативно. Комиссия собралась в начале апреля и заседала три дня подряд в Ялте (в номере гостиницы „Россия”). Большая часть ее членов не сочувствовала государственной санкции захвата земель крестьянами после революции. В результате своих заседаний комиссия заявила, что основная задача момента — „избавить земледельческое население от нынешней непосильной тяготы произвольных реквизиций и грабительского отнятия орудий производства /.../ и урожая”. Без этого „ни самые щедрые обещания земельных реформ, ни действительные расширения и укрепления прав на землю трудящихся на ней хозяев не улучшат общего положения дела”. „Поэтому, по мнению совещания, настоящая минута не является удобной для какой либо правительственной декларации по земельному вопросу. Мероприятия, которые могла бы обещать и выполнить правительственная власть на Крымском

полуострове, едва ли могут служить показательным примером разрешения земельного вопроса во всем его общегосударственном значении...”

Хотя совещание утверждало, что „земля должна находится в руках трудящегося на ней собственника и не служить только средством извлечения дохода от сдачи ее в арендное пользование”, оно не допускало, „чтобы совесть русского народа мирилась с огульным узаконением разбойничьих захватов и кровавых приобретений”. Оно предлагало лишь воздержаться „от всяких мер возмездия” против захватчиков и „продлить пользование захваченными землями для трудящихся над нею земледельцев впредь до установления порядка и законности, но восстановить немедленно права на землю всех хозяев-крестьян, согнанных с их хозяйств насильниками”.

В проекте декларации, выработанном ялтинским совещанием, но подписанном лишь наиболее консервативными его членами, можно было прочесть, что „земельный вопрос в России может быть разрешен не в условиях гражданской войны, а лишь после установления твердого правопорядка общероссийской властью, признанной всем народом и авторитетной потому для всех классов населения”¹⁰.

Ген. Врангель прочитал журнал ялтинского совещания 8 апреля (он оставил на тексте собственноручные пометки). В тот же день ему был подан секретный доклад ген. Махрова, который уже частично приводился выше. Махров предлагал „объявить в декларации максимум земельной единоличной собственности, обратив теперь же все остальное в государственный земельный фонд”, из которого бы наделали крестьян дополнительной землей. Кре-

стьяне должны были стать земельными собственниками обрабатываемой ими земли и их права должны были быть укреплены в юридическом порядке — „бумагой с орлом”. Объявленный максимум земли, считал Махров, нужно „назначить такой, чтобы привлечь „середняка”, хуторян и мелких землевладельцев, имея в виду, что многие крестьяне владеют по 50 десятин, что средний размер частновладельческого и крестьянского владения во всей Европейской России — 27 десятин”/.../„это дает цифру максимума единоличного владения — 100 десятин, не более”. Приступить к земельному переделу ген. Махров предлагал „теперь же”. На полях процитированного места доклада Махрова, ген. Врангель написал следующее: „Это верно, но сейчас невозможно, ибо отчуждение связано с расценкой, каковую фактически сделать нельзя. Нет и средств для оплаты отчужденной земли. 1-й шаг — облегчения земельных сделок, парцеляция казенных земель и обязательная обработка всей годной площади, чем достигается переход ее трудящимся”¹¹. На приложенном к докладу проекте декларации Врангель написал: „Всякая декларация излишняя, их было слишком много. Пусть судят о власти по действиям ее”¹².

Доводы ялтинского совещания не убедили ген. Врангеля, о чем свидетельствует следующий его приказ, от 11 апреля:

„Приказываю временно исполняющему должность Начальника Гражданского Управления немедленно образовать при Гражданском Управлении Особую Комиссию, под председательством Сенатора Г. В. Глинки, для выработки и проведения в срочном порядке наиболее настоятельных мер по

разрешению земельного вопроса применительно к местным условиям Крыма. В состав Комиссии, кроме сведущих лиц, по выбору Председателя, должны войти представители Земских Учреждений и Волостей.

В основу работ Комиссии должны быть положены следующие руководящие начала:

1) Вся годная к обработке земельная площадь должна быть надлежащим образом и полностью использована,

2) Землей должно владеть, на правах прочно укрепленной частной собственности, возможно большее число лиц, могущих вкладывать в нее свой труд,

3) Посредником между крупным и мелким землевладением должно быть Государство.

Комиссии надлежит разработать нижеследующие меры:

1) Раздробление земель, числящихся за Государственным Земельным Банком, государственных и т. дал., на мелкие участки для передачи их, на правах частной собственности, лицам, трудящимся на земле,

2) Учет и обмер необрабатываемых /.../¹³ в первую голову передаче в руки мелких земледельцев,

3) Выработка начал, коим должны удовлетворять добровольные земельные сделки, с полным устранением земельной спекуляции, и образование посреднических губернской и уездных комиссий, коих главной задачей будет облегчение и упорядочение земельных сделок на основе выработанных начал,

4) Надлежащее упорядочение арендных отношений, с целью возможного превращения временного

землепользования мелких земледельцев в прочное владение на праве частной собственности, при чем должно быть обращено особое внимание на то, чтобы намечаемые мероприятия отнюдь не нанесли ущерба продовольствию и снабжению Края,

5) Определение оснований сохранения за городами и другими юридическими лицами и учреждениями принадлежащих им земель,

6) Восстановление в правах тех землевладельцев-колонистов, кои исключительными мероприятиями лишены были своих земельных прав”¹⁴.

„Особая Комиссия по земельному вопросу” заседала в Симферополе с 21 по 25 и 27 апреля под председательством Глинки. В комиссию вошли члены бывшего ялтинского совещания. В ее составе, помимо председателя, было 32 человека: среди них были различные представители органов местной или центральной государственной администрации, таврический Губернский землемер, 2 представителя Госуд. Земельного банка, старший нотариус, товарищ председателя „Съезда Сельских Хозяев”, председатель Таврической губернской земской управы (В. А. Оболенский), председатели Симферопольской, Перекопской, Евпаторийской и член Феодосийской уездных земских управ и 5 представителей волостей четырех крымских уездов (т.е. крестьян), а также иные, „особо приглашенные” лица.

Г. В. Глинка объявил членам комиссии, что от них ожидается „не решение аграрного вопроса во всей его широте для всего Российского Государства, а лишь выработка практических мер к наилучшему осуществлению в пределах Крыма намеченных приказом (от 11 апреля) задач”¹⁵. Члены

комиссии сразу же разделились на две группы. Одна была за проведение реформы в ближайшем будущем, с передачей крестьянам, за плату, обрабатываемой ими земли; она считала, что для проведения реформы не нужно „сложного землеустроительного аппарата”. Другая группа „решительно отвергла мысль о немедленном принудительном отчуждении частновладельческих земель”. Для ее членов было лишь желательно поощрять добровольные сделки между крестьянами и землевладельцами.

Обсуждение почти каждого пункта вырабатываемых комиссией мер сопровождалось дискуссиями, иногда бурными: образовывалось две, а порой и три, более или менее либеральные группы.

Много времени комиссия уделила вопросу об условиях передачи арендованных частновладельческих земель в собственность крестьянам: было в конечном счете предложено дать преимущественное право покупки земли уже арендующему ее крестьянину. Было решено поощрять частное, а не коллективное приобретение земель. Пришлось долго убеждать представителей Земельного банка, противников передачи дела распределения земель, принадлежащих банку, земледельческим комиссиям. Немало внимания было уделено определению размеров земель, не подлежащих отчуждению, и выяснению вопроса о том, какие категории земель не должны отчуждаться.

В особом документе, „во исполнение полученной от Штаба Главнокомандующего телеграммы”, был на заседании 23 апреля рассмотрен законопроект о возвращении „австрийским, венгерским и германским подданным и выходцам” их земель, приобре-

тенных Земельным банком „в порядке ограничительных законов” 1916 года¹⁶.

На последнем заседании Особой Комиссии, 27 апреля, был оглашен „Проект мероприятий по земельному вопросу в Крыму”. Ниже приводятся его наиболее важные пункты:

„1. Пахотные и сенокосные угодья частновладельческих имений, в количестве, в среднем за последние шесть лет, обычно сдававшимся в аренду, предназначаются для продажи в собственность земледельцев.

2. Площадь упомянутых в ст. 1 пахотных и сенокосных угодий в каждом имении определяется учреждаемыми одновременно с сим /.../ Посредническими по земельным делам Комиссиями на основании местных обследований, которые должны быть закончены и окончательно рассмотрены названными Комиссиями к 1 февраля 1921 года.

3. Владельцам подлежащих отчуждению /.../ земель предоставляется до 15 апреля 1921 года продавать их земледельцам по добровольным сделкам /.../, по истечении же означенного срока земли этого рода, о продаже коих не состоялось добровольных соглашений, одобренных Посредническими по земельным делам Комиссиями, поступают в распоряжение Правительства.

4. За каждым из собственников арендуемых земель, в случае их о том заявления, сохраняются из состава пахотных и сенокосных угодий имения участки не свыше 200 десятин, хотя бы все эти угодья, полностью или в части, обычно сдавались в аренду и подходили под действие настоящих правил. Означен-

ные участки отводятся по возможности к одним местам по указаниям владельцев.

5. Действие настоящих правил не распространяется на такие имения, в которых сдача в аренду пахотных и сенокосных угодий за последние шесть лет вызывалась несовершеннолетием или неизвестным, по случаю войны, отсутствием владельцев.

6. Владельцам имений, хотя бы и сдававшим их в течение указанного в ст. 1 срока в аренду, но приступившим до 1 апреля 1921 года к ведению имеющего государственное или краевое значение собственного хозяйства, предоставляется право оставить за собой до 400 десятин пахотных и сенокосных земель, причем приступ к хозяйству и наличие достаточных для сего средств должны быть удостоверены Посреднической по земельным делам Комиссией.

/.../

18. Действие настоящих правил не распространяется на земли: 1) надельные, 2) приобретенные с содействием Крестьянского Поземельного Банка, 3) принадлежащие городам, если они входят в черту города или необходимы для его расширения, 4) принадлежащие казне, земствам и городам, если они признаются необходимыми для устройства на них культурных, просветительных и хозяйственных учреждений, 5) принадлежащие ученым, просветительным и благотворительным обществам и учреждениям, 6) земли церковей и причтов всех вероисповеданий и 7) монастырские и вакуфные”.

Проведение реформы предлагалось поручить губернскому и уездным „Посредникам по земельным делам” и губернской и уездным „Посредническим

по земельным делам Комиссиям". Губернский посредник и председатели уездных комиссий должны были назначаться главнокомандующим, уездные посредники, по несколько на уезд, — начальником Гражданского управления. В состав уездных комиссий должны были войти — председатель, уездные посредники, председатель уездной земской управы и мировой судья, в состав губернской — губернский посредник (председатель), его помощник, член окружного суда, председатель губернской земской управы, губернский землемер, а также вызванные или находящиеся в губернском городе уездные посредники¹⁷.

Несколько членов Особой комиссии с этим проектом не согласились и подали особые мнения. В некоторых этих „мнениях” отвергалась сама идея необходимости проведения общей земельной реформы. Подал особое мнение и В. А. Оболенский¹⁸. Он указывал, что откладывать проведение реформы значит непременно лишиться поддержки крестьян, которые уже не верят голословным обещаниям неоднократно сменявшихся властей. Пока фронт недалеко, крестьяне покупать земли не будут, считал он, боясь непризнания покупок в случае смены власти. Если же фронт удалится, помещики не захотят продавать земель, при нынешней низкой стоимости денег. Оболенский не верил в возможность добровольных соглашений и предлагал немедленно передать крестьянам не только сдаваемую в аренду землю, но и всю неиспользованную в течение трех последних лет площадь. Владельцы не должны были иметь права сохранить за собой более 100 десятин.

В целом работой Особой комиссии ген. Врангель остался недоволен. Он ее упрекает в том, что

она „в сущности не указала общего решения земельного вопроса, недостаточно широко пошла навстречу сложившимся в крестьянской среде представлениям о действительных потребностях земельного устройства”. Зато к более радикальным взглядам Оболенского он отнесся с видимым одобрением¹⁹.

Разочаровавшись в возможности проведения земельной реформы обычным административным путем, ген. Врангель непосредственно обратился за советом к главным заинтересованным в его проекте лицам — крестьянам. Он, например, вызывал к себе для беседы крестьян, пробравшихся через фронт из Северной Таврии, и „долго и подробно говорил с ними сам, поручив сенатору Глинке записать и формулировать их соображения и желания”. Крестьяне говорили, что они тяготеют к советской власти, желают водворения в деревне „порядка и государственности”, „ждут закона о земле и земском управлении, но хотят сами взять в свои руки заведывание земским хозяйством и распоряжение землей”. Именно на этой основе, утверждает Врангель, он „поручил сенатору Г. В. Глинке приготовить в самый кратчайший срок земельный законопроект”²⁰.

В это же время крымские общественные круги оживленно обсуждали работу земельной комиссии, о которой был опубликован ряд подробных статей в различных крымских газетах. Создавался, таким образом, в крымском обществе благоприятный принятию реформы психологический климат.

Подгоняемый „решительными требованиями и указаниями” ген. Врангеля, Глинка быстро и добросовестно справился с возложенной на него задачей. К середине мая был готов и одобрен Вранге-

лем проект „закона о земле” (а также и о новом волостном земстве).

18 мая Глинка ознакомил с обоими проектами членов Совета при главнокомандующем. Большинство из них отнеслось к проектам отрицательно: помимо самого Врангеля и Глинки, их поддержало лишь два человека. Несмотря на оппозицию своего „правительства”, ген. Врангель утвердил оба проекта „по закрытии заседания совета...”²¹

Любопытно отметить, что сам автор проекта земельного закона — сенатор Глинка — так сильно сомневался в своем творчестве, что еще 11 мая выслал Врангелю телеграмму, в которой „умолял” его „ради успеха дела” не решать окончательно утверждение земельного закона до приезда А. В. Кривошеина²².

25 мая были опубликованы четыре текста, излагающие и объясняющие земельную реформу:

1. „Приказ о земле”.

2. „Правила о передаче распоряжением Правительства казенных Государственного Земельного Банка и частновладельческих земель сельскохозяйственного пользования в собственность обрабатывающих землю хозяев”.

3. „Временное положение о земельных учреждениях”.

4. „Правительственное сообщение по земельному вопросу”²³.

Прибывший до опубликования этих распоряжений Кривошеин настоял лишь „на придаче закону особой формы „Приказа о земле””, и предложил переименование „посреднических земельных комиссий” в „земельные советы”²⁴.

„Приказ о земле” излагал три руководящих принципа реформы (уже изложенные в приказе от 11 марта) и сообщал о „введении в действие” „Правил о передаче...” и „Временного положения...”.

Ниже приводятся основные распоряжения этих документов:

Правила о передаче земель...

„Ст. 1. В местностях, на которые распространяется власть Главного Командования Вооруженными Силами на Юге России, всякое владение землею сельско-хозяйственного пользования независимо от того, на каком праве оно основано, и в чьих руках оно находится, подлежит охране Правительственной Власти от всякого захвата и насилия. Все земельные угодья остаются во владении обрабатывающих их или пользующихся ими хозяев. Изменения этого владения допускаются лишь в порядке, установленном настоящими правилами. /.../

Ст. 2. Охрана владения, не основанного на актах о праве собственности, не распространяется на захваты, произведенные из земель: 1) наделных, 2) купленных при содействии Крестьянского Банка /.../, 3) выделенных в хутора и отруба /.../, 4) отведенных в надел церквам и причтам, а также монастырских и вакуфных, 5) принадлежащих сельско-хозяйственным опытным, ученым и учебным учреждениям и училищам, 6) усадебных, огородных, равно как занятых искусственными насаждениями, поливными посевами и особо ценными культурами (виноградниками, хмельниками, табачными плантациями и т.п.) или садами /.../.

7) под мельницами, фабриками и заводами и другими постройками, промышленного характера /.../,
8) частновладельческих сельско-хозяйственного пользования, подлежащих сохранению за владельцами в том предельном размере, который будет для сего установлен. /.../

Ст. 3. Все, за исключением упомянутых в предшедшей статье, пахотные, сенокосные и выпасные угодья казенных, Государственного Земельного Банка и частновладельческих имений, и в первую очередь не обрабатываемые самими собственниками или оставленные ими без надлежащего использования, либо сдаваемые обычно в аренду за деньги или из части урожая, подлежат передаче трудящимся на земле хозяевам в собственность мелкими участками, с обложением новых владельцев этих земель, впредь до оплаты Государству их стоимости, особыми государственными сборами хлебом или деньгами. /.../

Ст. 4. Забота о сохранении в руках трудящихся хозяев обрабатываемых ими земель, мероприятия, необходимые для прочного укрепления за ними этих земель, во всех случаях, когда не последует об их покупке добровольных соглашений с законными собственниками, и обязанности по установлению и охране земельного правопорядка и передаче земель мелкими участками в собственность трудящихся на земле хозяев — возлагаются, впредь до прочного устройства и упорядочения земской жизни на местах, на учрежденные временно, на один год, Волостные и Уездные Земельные Советы. /.../

Ст. 5. Все казенные леса сохраняются в распоряжении заведующих ими правительственных учреждений, а частновладельческие принимаются под наблю-

дение тех же учреждений. Волостным Земельным Советам предоставляется выяснение потребностей местного населения в топливе и строительных материалах и в расширении сельско-хозяйственного пользования за счет лесных площадей, а также интересов этого населения в способах разработки леса.

/.../

Ст. 7. Советские хозяйства, устроенные в пределах волости, а также имения, в которых ведется культурное или промышленное хозяйство, имеющее государственное или краевое значение, переходят всецело в распоряжение Правительства и могут быть им передаваемы для заведывания либо особым казенным управлением, либо Волостным Земельным Советам, с обязательством сохранения в них инвентаря, правильного хозяйства и всех хозяйственных обзаведений. /.../

Ст. 8. Впредь до укрепления за новыми владельцами земельных участков, о покупке которых у прежних собственников не последовало взаимного соглашения, а по укреплении — до уплаты Государству за укрепляемые участки полной их стоимости деньгами или натурою (зерном), — хозяева, в пользовании которых находятся эти земли, облагаются сборами в деньгах или зерном в средства Государства. Сборы эти предназначаются на покрытие лежащих в земле долгов кредитным учреждениям и частным лицам и в Государственный фонд для вознаграждения бывших собственников этих земель.

Ст. 9. Размер упомянутых в предшедшей статье сборов хлебом или деньгами с новых собственников отчуждаемых земель определяется на следующих основаниях:

1. полною оплатою Государству стоимости каждой десятины удобной земли, без различия — пахотной, сенокосной и выпасной, — признается сдача в государственный запас хлеба в зерне преобладающего в данной местности посева (ржи или пшеницы) в количестве пятикратного, среднего за последние 10 лет, урожая этого хлеба с казенной десятины;

/.../

3. причитающееся в оплату отчуждаемых участков количество хлеба вносится новыми собственниками в течение 25 лет ежегодно, равными частями, составляющими на каждую десятину одну пятую часть среднего урожая;

/.../

5. плательщику предоставляется во всякое время досрочно произвести полную оплату стоимости всего или части укрепляемого за ним участка земли взносом хлеба или денежной стоимости его по рыночным местным ценам времени уплаты;

/.../

Ст. 10. Разверстка между плательщиками (отдельными хозяевами, товариществами и обществами) установленных сборов, взыскание, хранение и сдача их по назначению возлагаются на Волостные Управления, под наблюдением податной инспекции. /.../

Ст. 11. Волостные Земельные Советы, немедленно по их открытии, производят по каждому казенному и частновладельческому имению обследования для выяснения: 1) какие угодья, в каком размере, на каком основании и в чем именно пользовании состоят, причем составляются опись имения и перечень обрабатывающих в нем землю хозяев и прежних владельцев; 2) сколько у кого из обрабатываю-

щих землю хозяев имеется сверх сего надельной или купленной земли; сколько и каких угодий в имении остается без обработки или без хозяев; 4) сколько и каких угодий может быть немедленно закреплено за новыми владельцами по добровольным соглашениям о покупке их у законных собственников; 5) какие земли состоят в пользовании постоянных их арендаторов, имеющих на них оседлость и хозяйственное обзаведение, и 6) какие и в каком количестве угодья подлежат возврату или сохранению за собственниками на основании ст. 2 настоящих Правил, как неподлежащие отчуждению.

Ст. 12. На основании упомянутых в предшедшей статье обследований /.../ Волостные Земельные Советы составляют и представляют на утверждение Уездных Земельных Советов свои предположения о распределении земель каждого имения между обрабатывающими их хозяевами для укрепления за ними этих участков.

Ст. 13. По утверждении упомянутых в предшедшей статье проектов укрепления Уездным Земельным Советом, постановления последнего служат бесспорными актами владения землею новых собственников до замены этих документов по уплате Государству полной стоимости отчужденных земель, основанными на упомянутых актах крепостными данными. /.../

Ст. 14. На Волостные Земельные Советы возлагается: 1) представление через Уездные Земельные Советы на утверждение Высшей Правительственной Власти предположений о предельном размере владения сельско-хозяйственными угодьями, менее которого не может быть оставлено у всякого земельного собственника при отчуждении его земель /.../;

4) утверждение добровольных соглашений между хозяевами об обмене и разверстании угодий /.../.

Ст. 15. При определении условий и размера укрепления действительного землепользования за обрабатывающими землю хозяевами, Волостные Земельные Советы обязаны руководствоваться нижеследующими требованиями: 1) преимущественное право на укрепление за ними обрабатываемых участков предоставляется хозяевам, имеющим на них усадебную оседлость и хозяйственное обзаведение и обычно снимавшим эти земли в аренду за деньги или из части урожая, а между этими хозяевами — прежде всего воинам, участвовавшим в борьбе за государственность, или их семьям, 2) земли каждой волости должны служить в первую очередь обеспечением устройства на них постоянных жителей волости из числа хозяев-землевладельцев, и лишь за удовлетворением их, могут быть обращаемы на устройство пришлого земледельческого населения, и, 3) установление предельного размера, до которого фактическое землевладение может быть закрепляемо за отдельными обрабатывающими землю хозяевами, должно сообразоваться с возможностью вести на этой земле прочное хозяйство /.../.

/.../”

Временное положение о земельных учреждениях

„1. Для осуществления на местах Земельных предприятий, впредь до устройства и упорядочения земской жизни, учреждаются временно на один год: 1) Волостные и уездные Земельные Советы, и 2) должности Губернских Посредников по земельным делам и их Помощников.

2. Избрание Волостных Земельных Советов производится на особых Волостных Земельных Сходах, созываемых под председательством Волостного Старшины, из следующих лиц в возрасте не менее 25 лет: 1) всех сельских старост волости; 2) выбранных от сельских и других земельных обществ и товариществ, избираемых для сего по одному от каждого десяти хозяев, имеющих земельную собственность и ведущих самостоятельное полевое или приусадебное хозяйство; 3) не принадлежащих к сельским и другим земельным обществам и товариществам землевладельцев, без различия сословия и независимо от размера их земельного имущества, по одному представителю от каждого входящего в состав волости владения, составляющего особое хозяйство; 4) старших представителей от церковных причтов и приходских обществ всех вероисповеданий и учебных заведений, владеющих в пределах волости земельными участками сельско-хозяйственного пользования, по одному от каждого причта, общества и учебного заведения и 5) представителей от казны, Государственного Земельного Банка, городов, земств и ученых, благотворительных и других обществ, по одному от каждого учреждения или общества, если в пределах волости находятся принадлежащие им земли сельско-хозяйственного пользования.

/.../

5. Созванный на указанных выше основаниях Волостной Земельный Сход избирает из своей среды Членов Волостного Земельного Совета на один год в количестве не менее пяти и не более десяти. /.../

/.../

10. Уездный Земельный Совет состоит, под председательством Уездного Посредника по земельным делам, из заменяющего Председателя, в случае его отсутствия, Председателя Уездной Земской Управы, или его заместителя, Мирового Судьи по назначению Мирового Съезда, представителя от ведомства Финансов и представителей от волостей, избираемых на один год, по одному от волости. /.../

/.../

12. На Уездные Земельные Советы возлагается: 1) содействие успешному выполнению Волостными Земельными Советами возложенных на них обязанностей и наблюдение за тем, чтобы, при осуществлении земельных мероприятий на местах, соблюдались постановления и распоряжения Правительственной Власти; 2) разрешение жалоб на постановления и распоряжения Волостных Земельных Советов и на действия по земельным делам отдельных должностных лиц; /.../.

/.../

14. Постановления Уездных Земельных Советов почитаются окончательными и могут быть отменяемы высшей губернской властью лишь в случае нарушения общих узаконений и постановлений Правительственной Власти, либо законных прав частных лиц и интересов общественных и государственных.

15. Должности Губернского Посредника по земельным делам и его Помощника учреждаются при Управлениях Земледелия и Землеустройства в губерниях. На Губернского Посредника по земельным делам возлагается объединение деятельности Уездных и Волостных земельных учреждений и содейст-

вие успешному выполнению ими возложенных на них обязанностей.

/.../”²⁵

Правительственное сообщение по земельному вопросу объясняло и обосновывало положения трех первых текстов. Таким образом, например, предоставление волостным земельным советам права решать самим о количестве не подлежащей отчуждению частновладельческой земли обосновывалось лучшим знанием этими учреждениями, чем центральными, местных хозяйственных условий²⁶. Закрепление распределенной между крестьянами земли „бумагой с орлом”, гарантирующей „вечное” и наследственное владение землей, представлялось, как отвечающее желанию большей части русского „домовитого” крестьянства.

Введение платы за получаемую землю объяснялось желанием добиться ее закрепления за „настоящими, прочными хозяевами”, а не за „всяким падким на даровщину и чуждым земле человеком”. Указывалось, что ежегодная выплата государству значительно ниже обычной арендной цены земли и обеспечивает, после истечения положенного срока, полную собственность на нее. Пояснялось также, что, какие бы ни были решения земельных советов, „каждому посевицу непременно обеспечивается право снять урожай, а каждому обрабатывающему землю — оплата его труда”.

Волостные и уездные советы — учреждались лишь на год, для немедленного осуществления земельной реформы: их должны были вскоре сменить волостные и уездные земства, положение о которых „уже подготовлено”²⁷.

Оставался нерешенным вопрос о возмещении убытка собственникам отчуждаемых земель (то есть в основном крупным землевладельцам — помещикам). На начальника Управления финансов была возложена задача составить „предположения об основаниях, порядке и сроках окончательного расчета государства” с ними. „Предположения” предложили возместить стоимость отчуждаемой земли, оцененной в три урожая, в виде ежегодной выдачи этой цены в течение 25 лет. Приступить к осуществлению этой меры до эвакуации не удалось²⁸.

Земельная реформа была дополнена рядом других мер. 15 июня было создано „Управление Земледелия и Землеустройства”, дабы „сосредоточить правительственную деятельность по скорейшему устройству на местах волостных земельных учреждений и по оказанию содействия успешной их работе”²⁹. Начальником Управления был назначен сенатор Глинка.

26 июня ген. Врангель приказал приравнять плату за арендованную землю к пятой части урожая, если она по заключенному договору превышала это количество. Все взносы посеивщиков за обрабатываемые ими земли, кому бы они первоначально ни предназначались, было приказано им зачитывать „первым платежом Государству в счет выкупной стоимости отчуждаемой земли”³⁰.

10 июля был определен порядок сбора и хранения пятой части урожая, вносимой за землю крестьянами в казну. До открытия земельных советов и волостных земских управ за „ссыпку и хранение” зерна были ответственны волостные сельские правления. Сразу же после их учреж-

дения, эта ответственность переходила к волостным советам³¹.

26 июля было разрешено крестьянам в 1920 году внести не одну пятую часть среднего урожая всей местности за 10 лет, а пятую часть действительно уродившегося на их земле урожая. Эта мера, конечно, облегчала определение выплаты за землю при тяжелых условиях времени³².

3 октября были уточнены условия укрепления за хозяевами и арендаторами „их усадебной оседлости и хозяйственного обзаведения” на землях, подлежащих отчуждению: жилые и хозяйственные постройки сохранялись за новыми собственниками, если они были построены ими самими или за их счет, без особого вознаграждения бывшим хозяевам. Если постройки произведены были бывшими владельцами земли, приобретающие их крестьяне должны были выплатить им сумму, установленную по взаимному соглашению³³. Другим приказом, объявленным в тот же день, был разъяснен вопрос о некоторых разрядах земель, не подлежащих отчуждению (городских, нужных для культурно-просветительных целей или для поселения воинов из действующей армии): причисление земель к этим категориям возлагалось на уездные земельные советы³⁴.

Глава 8

ПРОВЕДЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ. КРЕСТЬЯНЕ И ВЛАСТЬ

Для успеха земельной реформы необходимо было широкое оповещение населения о ее содержании. Первые шаги в этом направлении оказались довольно неуспешными: текст земельного закона был издан платной брошюрой и распространялся медленно, и еще в июне население некоторых районов ничего не знало о нем¹. Но уже с лета, не без личного вмешательства ген. Врангеля, дело пропагандирования земельного закона быстро пошло вперед: текст закона раздавался бесплатно, были выпущены и широко распространялись листовки, излагающие на простом языке основные положения земельной реформы². Была также издана брошюра, озаглавленная „*Вся земля – народу в собственность. (Общедоступное изложение земельного закона 25 мая 1920 года)*”.

„Большевики-коммунисты, — писалось в этой брошюре, — и другие социалисты говорят, что они отдают землю народу, но, не признавая вовсе права собственности на землю, они считают, что вся земля должна принадлежать либо казне, либо коммунам, а отдельные хозяева могут землю пользоваться только временно с дозволения комиссаров, комбедов и коммун; по их законам и понятиям во всякое время каждого хозяина можно удалить с зем-

ли и отдать его землю коммуне или другому лицу.

Новый Земельный Закон тоже отдает землю народу, но не всему народу вообще, а передает и закрепляет ее за каждым отдельным хозяином и при том в вечную, наследственную, нерушимую собственность.

Потому в собственность, что только хозяин-собственник, твердо знающий, что земля будет всегда принадлежать ему, не пожалеет на нее труда, хорошо ее обработает, удобрит и улучшит, чего не сделают ни арендатор, ни съемщик. /.../

Представляется, по мнению некоторых революционеров, простым как будто делом, разделить всю землю поровну между *всем решительно народом*. Да что из этого выйдет?

Много в каждом Государстве, да и в России не мало, таких людей, которые либо давно от земли отстали, либо никогда до нее дела не имели, которые вовсе земли и не хотят, а если бы им дать, то ее побросают, либо будут сдавать в аренду крестьянам же.

Землю надо дать, и Закон ее дает *настоящему трудящемуся на ней хозяину*, у которого еще от сохи да косы пот не обсох”³.

После общих обоснований реформы, брошюра излагает отдельные ее положения. Следующим образом обосновывается выдача земли не даром, а за выкуп:

„Ни в одной стране на свете нет и не может быть такого Закона, чтобы земля давалась в собственность даром. Большевики не требуют с крестьян выкупа за землю, зато и не считают землю собственно-

стью крестьян, а Государства, и с такой „даровой” земли любой честный трудящийся хозяин, по той или иной причине, может быть во всякое время согнан”⁴.

В последнем разделе брошюры указывается, куда можно обращаться за дополнительными справками о законе: к уездным земельным посредникам, которые обязаны „во всякое время растолковывать и разъяснять Закон и объяснять, как его лучше исполнить”. В случае отъезда посредника можно обратиться к любому члену уездного земельного совета или к представителям Управления земледелия и землеустройства, находящимся при армии. Справки можно также получить каждый день, от 11 до 1 часа, в Управлении земледелия и землеустройства в Севастополе (дается адрес)⁵.

Помимо брошюр и листовок, печатались также плакаты, разъясняющие Закон. В начале июля Севастопольский Высший Юридический Институт учредил пятидневные „курсы крестьянского права и хозяйства” для подготовки деятелей земельной реформы. Программа курсов включала ознакомление с юридическими, историческими и экономическими вопросами, относящимися к землеустройству и крестьянскому хозяйству, а также подробное изучение земельного закона. На проведение курсов правительство отпустило Юридическому институту 200 000 рублей⁶.

В прессе публиковались призывы к интеллигенции включиться в работу по разъяснению и проведению в жизнь земельного закона; „в деревню должны быть посланы люди дела, знающие и толко-

вые, умеющие говорить и действовать в крестьянской среде', — писала газета „Великая Россия”⁷.

Были приняты меры, чтобы доставлять информацию о земельной реформе и на ту сторону фронта. Листовки и брошюры распространялись земным или воздушным путем. Ниже приводится, для иллюстрации, секретный доклад начальника разведывательного отделения штаба главнокомандующего от 13 октября:

„В местности, которая занималась нашей Армией, а также в ближайшем тылу красных прифронтовой полосы — нами разбрасывался „Земельный закон”.

Советские власти принимают все меры, чтобы эти листовки не попадали в руки населения и, наконец, за последнее время, по имеющимся сведениям, советские власти фальсифицируют наш закон о земле; ему придается явно провокационное содержание: совершенно искажены пункты обязательств крестьян, определенно указывается на всю выгоду помещиков.

Полагаю, что в этом отношении необходимо усилить нашу пропаганду; надо населению указать и предупредить его, что советские власти провоцируют; надо после изложения самого приказа отпечатать предупреждение вышеуказанного смысла.

Конечно, по истечении некоторого времени Советские власти вновь применятся, а поэтому необходимо следить за ходом этого вопроса и вариировать разъяснения”⁸.

Есть данные о том, что за каждый доставленный экземпляр закона о земле красные выдавали 1 000 рублей, а укрывателей расстреливали, но что, не-

смотря на все меры, у пленных красноармейцев нередко находили экземпляры земельного закона и „прочих воззваний”⁹.

Итог мер по ознакомлению населения с законом о земле подводится в документе, присланном Г. В. Глинкой в „Отделение для сношений с иностранными представителями” 16 сентября и составленного по просьбе американского представителя в Крыму:

„1) Земельный закон со всеми к нему дополнительными приказами главнокомандующего издан в достаточном количестве экземпляров (было два официальных издания, не считая частных и опубликования в газетах) и широко распространен как среди населения, так и в войсковых частях. Кроме того, значительное количество экземпляров переправлено разными способами и разбросано летчиками за линией фронта для ознакомления красноармейцев и прифронтового населения.

2) Выпущено два официальных издания популярного изложения закона и несколько воззваний агитационного характера.

3) Назначенные во все уезды уездные по земельным делам посредники и их помощники землемеры, снабженные всем необходимым литературным материалом, по нескольку раз объехали волости и сельские общества и разъясняли закон о земле на волостных и сельских сходах и в частных беседах с крестьянами.

4) В некоторых уездах уездными посредниками были созваны съезды волостных старшин и сельских старост для ознакомления с законом о земле и порядком выборов.

5) В газете „Крестьянский Путь” помещается обширный, систематически сообщаемый управлением земледелия редакционный материал по разъяснению земельного закона, причем ведомство, со своей стороны, оказывает всяческое содействие распространению этой полезной газеты в крестьянских массах.

6) На фронте при начальнике гражданской части штаба главнокомандующего организована партия агитаторов, которая, разъезжая по фронту, ознакомляет с законом путем беседования /и/ раздачи литературы войсковые части и жителей прифронтной полосы, проникая иногда за фронт /.../.

7) С целью подготовки кадра работников по проведению в жизнь аграрной реформы, группа профессоров высшего юридического института открыла краткосрочные курсы крестьянского права и хозяйства. При всемерной поддержке управления земледелия курсантам подробно разъяснен земельный закон в связи с историей крестьянского законодательства в России и современным положением, и выпущено до 40 человек вполне подготовленных слушателей. В настоящее время открылась вторая сессия курсов, на которую уже записалось до 80 человек.

В результате все население достаточно ознакомлено с содержанием земельного закона, за исключением разве самых захолустных поселков, но и эти поселки с открытием действий волостных земельных советов не могут уже не знать о земельном законе”¹⁰.

Для успешного проведения земельной реформы недостаточно было хорошо осведомить о ней кре-

стьянство — надо было также заручиться его сочувствием. Это было дело не простое, по разным причинам. Во-первых, многие места были сильно разорены, в деревнях не хватало инвентаря, людей (находились в той или иной армии), рабочего скота. Количество же земли оставалось прежним: часто крестьянину было важнее найти возможность вспахать землю, уже находящуюся в его распоряжении, чем тратить время на закрепление ее за собой официально или на увеличение ее количества. У крестьян жажда к приобретению земли в определенной степени ослабла. Кроме того, нередко у них были значительные запасы зерна, позволявшие им неспеша приглядываться к распоряжениям новой власти.

Частая смена власти уже сама по себе не могла побуждать крестьян с доверием относиться к новому земельному порядку, тем более, что политическое устройство времен ген. Деникина не оставило о себе в Таврической губернии особенно хорошей памяти. Сам ген. Врангель указывает также, что „вопрос о выкупе” возбуждал „сомнения” у населения¹¹.

Но главная причина возможного недоверия крестьян к земельным мероприятиям власти была иная: как писал в отчете начальству таврический губернский посредник, крестьяне поверят власти лишь при условии „непрерывного, достаточно быстрого и, главное, прочного продвижения фронта вперед”. Он указывал, что по мере удаления фронта увеличивается и количество требований закрепления земли¹². Как пишет в своих воспоминаниях Н. Н. Чебышев, „все /было/ в зависимости от военных успехов. Пока шли бои в Мелитопольском

уезде, крестьяне ходили *около* земельного закона. Как взяли Александровск – хвосты у земельного совета”¹³. Эти опасения иногда приводили к тому, что в земельные советы выбирали самый „серый” элемент деревни. Более „яркие” личности боялись выставлять свою кандидатуру из-за неясности общей обстановки и опасения репрессий со стороны вернувшихся красных¹⁴.

На отношение крестьян к распоряжениям власти могло влиять и малодостойное поведение ее местных представителей: так, в западной части Северной Таврии „во время наступления красных от Каховки наша администрация слишком поспешно сбежала и внесла большую сумятицу в жизнь населения”, – констатируется в докладе начальника Разведывательного отделения от 15 сентября¹⁵.

Наконец, еще одна причина могла лишить крестьян доверия к земельной реформе – поведение некоторых помещиков, мало считавшихся с намерениями власти. В некоторых областях управляющие и приказчики помещиков обращались к крестьянам со следующими словами: „...Э, что земельный закон, его и большевики пишут; землю Вам все обещали, Вы лучше покупайте землю, крепче будет”. Население, не зная о законах, запрещающих подобные земельные сделки, покупало землю. Разумеется, эти сделки подрывали веру „в силу и авторитет власти”¹⁶. 24 июня начальник политического отдела 1-го корпуса телеграфировал, что „землевладелец Шнейдер, Булганакской волости, распустил слух, что закона не было”, а другой помещик „выражал крестьянам селения Аджи-Ибрам сомнение в прочности правительства”¹⁷.

Ген. Врангель, разумеется, такому поведению не сочувствовал. Уже 17 июня, по его просьбе, Совет при главнокомандующем „принял к исполнению” распоряжение „о немедленном отозвании от должностей назначенных по гражданским ведомствам в освобожденных от большевиков районах местных помещиков и о недопустимости такого рода назначений в будущем”¹⁸.

В областях, уже некоторое время занятых белыми, население постепенно начало менять свое первоначально недоверчивое отношение к реформе, убедившись, что власть к ней относится серьезно, видя, что проводятся выборы в земельные советы и что действительно приступают к земельному переделу. Таким образом, например, „крестьяне Екатеринославской губернии, приезжавшие за солью к Уклучскому лиману и в Атманай, не хотели верить, что здесь уже передается „панская земля” крестьянам, пока не увидели в поле землемеров, прокладывавших борозды по границам укрепляемых участков”¹⁹.

Постепенно рассеивались опасения, что земельный закон лишь „повесят на стенках, как висело уже многое, и тем дело кончится”²⁰. Правда, до самого конца белой власти, положение осталось неоднородным. Уходящим из Северной Таврии марковцам, например, крестьяне в октябре „говорили, как налаживалась их жизнь, как довольны были они новыми порядками ... И что теперь будет?”²¹, а кое-где к этому же времени, по свидетельству газеты „Великая Россия”²², отношение продолжало быть лишь выжидательным.

Хотя необходимо было подчеркнуть и местные различия в восприятии земельной реформы кре-

стьянством, большинство надежных свидетелей считало, вместе с В. А. Оболенским, что „в общем земельная реформа была встречена крестьянами сочувственно”²³. Если можно нередко встретить сведения об осторожности и выжидании крестьян, нам не приходилось встречать надежные данные об их определенно отрицательном отношении к реформе. Недоверие крестьян, по-видимому, относилось не к положениям закона, а к способности власти провести его в жизнь и удержаться на юге России.

Придавая, как мы видели, решающее значение земельной реформе, ген. Врангель очень пристально следил за действительным ее проведением в жизнь. Ему нередко приходилось напоминать своим сотрудникам о срочности того или иного мероприятия: так, например, 13 июня А. В. Кривошеин получил из Джанкоя следующую телеграмму:

„Главком считает совершенно необходимым теперь же подготовить для отправки на фронт землемеров для нарезки земель, дабы тотчас же по создании земельных советов можно было бы приступить к наделению земель. Это необходимо ввиду начинающейся провокации — распространения слухов о решении командования земельный закон не проводить в жизнь. Шатилов”²⁴.

В июне „уездные посредники, с необходимым для них штатом помощников, землеустроителей и землемеров уже были на местах и приступили к работе”. К концу июля — началу августа, большая часть выборов в земельные советы была окончена²⁵.

Проведение выборов и распределительных работ наталкивалось на ряд трудностей. Пространство, на

котором должна была проводиться реформа, было немалое (8 уездов и 6 000 000 десятин) и требовало большого количества хороших администраторов. Не все из тех, что удалось подобрать, отличались надлежащими деловыми качествами. На успех проведения мер по землеустройству сильно влияли местные условия: отдаленность от фронта, степень разорения хозяйств, проблемы, связанные с особыми категориями земель (например, с землями, принадлежащими городам), состояние дорожной сети и трудность устройства новых путей, водоснабжение, и пр. Не всегда также выбранные волостные советы могли справиться с чрезмерно сложной для многих их членов задачей, и им необходима была во многих случаях усиленная посторонняя помощь. Возникали проблемы, связанные с отказом крестьян некоторых областей от единоличного приобретения земли и предпочтения ее приобретения миром, целыми массивами²⁶.

Как и отношение к ней крестьян, быстрота и успех проведения реформы были различными. К концу лета, например, в „забытой и брошенной” западной части Днепровского уезда, дело продвигалось „туго”, зато в Перекопском уезде, „несмотря на страдную пору, крестьяне принимали в выборах деятельное участие. Большинство сходов прошло в присутствии не менее двух третей домохозяев, имеющих право участия на сходах”²⁷.

„В число лиц, избранных в волостные земельные советы, — повествует газета „Великая Россия”, — во многих случаях вошли местные интеллигенты, нередко с высшим образованием.

Председателем совета Ново-Васильевской волости Бердянского уезда избран местный учитель зем-

ской школы. Состав совета Колымтайской волости складывается следующим образом: из 7 членов — 4 татар, в том числе Волостной Старшина, и 3 русских, из которых один крестьянин, один садовладелец и один крупный собственник с высшим образованием. Секретарем земельного совета избран и утвержден бывший мировой судья, при чем ему положено жалование в размере 120 тысяч в месяц. В одной из волостей выбранной оказалась интеллигентная женщина, владеющая небольшим участком земли, лично ею обрабатываемым”²⁸.

Вот как, по свидетельству „Великой России” от 27 сентября, проводилась земельная реформа в Евпаторийском уезде:

„Евпаторийский уезд занимает одно из первых мест в Таврической губернии по количеству взятых в армию лошадей. /.../ Выехать в уезд почти невозможно. В случае экстренной надобности уездному посреднику приходилось платить 40—50 тысяч за перегон в 15—20 верст.

Продолжающийся упадок крестьянского хозяйства, уменьшение живого и мертвого инвентаря и рабочей силы, уходящей из деревни по мобилизации, или в бега, уклоняясь от призыва, все это губительно отражается на проведении земельного закона в уезде.

Дезертиры, которым нечего терять, составляя незначительное меньшинство, все же терроризируют благомыслящее, но совершенно беззащитное большинство крестьянства. Члены волостных земельных советов опасаются лишать дезертиров земли, не желая рисковать своей жизнью и имуществом в случае мести.

К тому же почва Евпаторийского уезда мало пригодна для ведения сельского хозяйства.

Тем не менее, несмотря на все трудности и препятствия, многое уже сделано.

Выборы волостных земельных советов состоялись между 1—11 августа и прошли организованно и стройно.

Интересно, что во многих волостях была принята своего рода куриальная система, в земельные советы вошли представители от всех категорий земледельцев и землевладельцев уезда, от арендаторов до крупных помещиков включительно. /.../

Крестьяне всячески идут навстречу земельным советам, стремясь обеспечить их в материальном отношении и всячески облегчить их работу. /.../

Работа волостных земельных советов в Евпаторийском уезде уже дала ощутительные результаты.

По всем волостям намечены частновладельческие имения, в которых земля сдавалась в обычную аренду, обследования этих имений почти закончены, арендный фонд будет в первую очередь передан в собственность крестьянам.

Параллельно с этим земельные советы готовят материал для определения нормы закрепления и окончательного установления состава будущих собственников. В некоторых случаях выработка норм землевладения уже закончена, при чем максимум крестьянского участка очень высок в связи с плохим качеством почвы и определяется в 40, 60, 100 десятин в зависимости от привходящих условий. Минимум помещичьего землевладения дает по всем волостям, представившим нормы, 100 десятин. /.../”²⁹

Легче всего было приступить к разделу крупных имений, уже обрабатываемых арендаторами. Таким образом уже приступили к разверстке имения Рогачевское великого князя Николая Михайловича и имения в 9 000 десятин, принадлежавшего графине Апраксиной. В некоторых случаях крупные имения переходили в государственное управление; огромное имение Фальц-Фейна „Аскания Нова” было передано Таврическому университету³⁰.

Особый интерес представляет описание земельной реформы в Атмане (Мелитопольский уезд), так как это единственный случай землеустройства, фактически полностью доведенного до конца до осенней катастрофы. Землеустроительные работы в Атмане подробно описаны в докладе таврического губернского посредника — Шлейфера — начальнику Управления земледелия и землеустройства. Ниже приводится обширная выдержка из этого документа:

„Фактическая сторона Атманайского дела, в дополнение к телеграмме вашему превосходительству, посланной инженером Рудиным из Мелитополя за № 454, представляется в следующем виде. После неудачного начала работ, когда под влиянием военных событий настроение крестьян резко изменилось, а находившиеся там чины вынуждены были уехать, дело и по возвращении землемеров не ладилось. Неясно было положение на фронте, и волостной земельный совет если и работал, то под неслабым давлением посредника и его помощника, а на укрепление записывались лишь смельчаки, „отчаянные головы”, как называли их крестьяне. Потребность в земле таких смельчаков не покрывала и обычной аренды (2 500 десятин), и начинать

работы по отводу в натуре не было смысла, тем более, что выяснение собственного земельного обеспечения заявивших об укреплении требовало времени. Однако уже 2 сентября, по настоянию посредника, Ефремовский земельный совет утвердил списки ходатайствующих об укреплении, причем, едва ли не на другой день начались требования об изменении списков, их дополнении и различных исправлениях. К этому времени отодвинулся и фронт, и сразу увеличились требования на землю, что вело к дальнейшим изменениям списков. Была начертана площадь обычной аренды. Заполнен весь фонд, установленный при первой поездке в Атманай инженера Рудина, а требования росли, менялась цель работ, — устроить только арендаторов, — и крестьяне, ободренные податливостью посредника, понявши, что не только им, а и ведомству нужна эта работа, требовали раздела всего имения, и при этом „по душам”. Огромных усилий стоило старшему землемеру Александрову уговорить их отказаться от этого требования и остановиться на площади в 6 000 десятин, каковая площадь была разрешена посредником к отчуждению, включая сюда и Новый Хутор, что сделано также под влиянием требований крестьян. В результате длительных переговоров, частых опасений, что дело вовсе прекратится, только к половине сентября списки будущих собственников вылились в определенную форму, потребовавшую, впрочем, новых изменений при исключении дезертиров, и землемеры смогли приступить к составлению проекта отвода участков, так как закрепление фактической аренды было невозможно и вследствие отказа крестьян, заявивших о желании поселиться в имении, и вследствие значительного превы-

шения окончательно отчуждаемой площади над площадью обычной аренды. Получилось весьма сложное, с 5 поселками и общинами выпасами, землеустройство для 394 хозяев на площади свыше 5 000 десятин. Необходимость учета разбросанной в разных местах неудобной земли очень усложняла проектирование, и без того затрудняемое неправильными фигурами общей площади каждого поселка, и дробным (в десятинах и квадр. саженьях) количеством отводимой земли. И, тем не менее, за чрезвычайно короткий срок, в 15-20 дней, партия землемеров /приводятся фамилии 8 человек. — Н. Р./ составила превосходный землеустроительный проект с удачной сетью дорог, правильным, в смысле обеспечения водой и удобства возведения построек планированием поселков и соответствующим направлению обычных ветров и топографическому характеру местности расположением пахотных участков. Проект этот, в большей части составленный и частью проложенный в натуру, будет вполне закончен к 12 октября, после чего и может состояться заседание уездного земельного совета для утверждения его. А по утверждении будут пропаханы борозды там, где это окажется нужным, и подготовлены к выдаче документы, написание которых придется вести в Симферополе, так как ни в Мелитополе, ни тем более в деревне, для этого нет подходящих условий. Во всяком случае теперь можно вполне уверенно сказать, что дело будет закончено вполне благополучно. /.../”³¹

Итог проведения земельной реформы был подведен в документе, озаглавленном „Сведения об осуществлении земельного закона генерала Врангеля

25 Мая 1920 года к 15 Октября". Ниже приводится та его часть, которая описывает проведение выборов в земельные советы и подводит итоги их деятельности:

„К подготовке выборов и содействию скорейшей организации Волостных Земельных Советов Уездные Посредники приступили немедленно по прибытии на места, т.е. с начала июля месяца.

Все предвыборные действия были произведены при ближайшем участии Уездных Посредников и их помощников, благодаря чему, несмотря на страдное время и крайне обременительные воинские повинности (подводная, окопная и др.), уже в конце июля было образовано несколько волостных советов, а во второй половине августа волостные земельные советы функционировали во всех волостях, за исключением лишь тех, где выборы не могли состояться, вследствие военных действий.

Некоторая задержка выборов в Днепровском, Мелитопольском и Бердянском уездах произошла в связи с натиском большевиков в Августе.

К 15 Октября выбрано и функционировало 90 Волостных Земельных Советов, как видно из прилагаемой таблицы:

Уезды	Колич. волостей	Кол. избр. Вол. Зем. Советов
Симферопольский	7	7
Евпаторийский	7	7
Феодосийский	8	8
Перекопский	9	9
Мелитопольский	35	26
Днепровский	20	19
Бердянский	48	13
Ялтинский	6	1
	<hr/>	<hr/>
	140	90

В Мелитопольском, Бердянском и Днепровском уездах волости, в которых Волостные Земельные Советы еще не избраны, находились в районе военных действий, а в 5-ти волостях Ялтинского уезда не предполагается образовывать волостных Земельных Советов.

Одновременно с избранием членов Волостных Земельных Советов были также избраны и члены уездных земельных советов, которые образованы во всех уездах, кроме Ялтинского, где вследствие преобладания мелкого землевладения земельный закон почти не находит себе применения. Только в одной Байдарской волости образован земельный совет, присоединенный к Симферопольскому уезду.

Волостные Земельные Советы немедленно по избрании приступили к работе: 1) обследованию земельного фонда волости, подлежащего передаче земледельцам, 2) выяснению земельной нужды населения, 3) установлению норм крестьянского и помещичьего землевладения, 4) собиранию сведений о средней урожайности для определения выкупной стоимости земли, 5) выяснению прав каждого данного лица на получение того или иного участка земли, 6) обеспечению интересов воинов, сражающихся за восстановление Русской государственности и др. Работы эти производились при ближайшем содействии чинов ведомства Земледелия. В настоящее время обследование земельного фонда почти везде закончено, большинством волостных земельных советов уже составлены предположения о нормах крестьянского и помещичьего землевладения, которые и представлены в Уездные Советы.

До сего времени получены сведения о нормах крестьянского и помещичьего землевладения, выра-

ботанных Волостными Советами Симферопольского, Евпаторийского, Перекопского и Днепровского уездов.

Отдельными волостными Земельными Советами намечены следующие нормы крестьянского и помещичьего землевладения:

Уезды	Максимум крестьянского землевладения (в десятинах)	Минимум помещичьего землевладения (в десятинах)
Перекопский	35,65,75,100 и 150	150,200,300,400, 500 с правом увеличения до 600
Симферопольский	10,35,45,65,75	
Евпаторийский	40,60,100	100
Днепровский	70	100
Бердянский	20,30,65	

Разнообразие норм объясняется тем, что при выработке их Волостные Земельные Советы принимали во внимание качество почвы и многосемейность для крестьянского землевладения, и культурность имения для землевладельцев.

Вместе с тем намечены планы выполнения на местах земельных работ по распределению участков между трудящимися и порядок производства этих работ по отдельным имениям.

Фактически в некоторых имениях к этим работам приступлено, а в имении „Атманай” Фелибера-Шатилова, Мелитопольского уезда, Ефремовской волости, эти работы уже заканчиваются. В этом имении числится около 9 000 десятин, из которых 1 500 десятин, находящихся под соляными промыс-

лами, переданы для эксплуатации владельцу, 1 700 десятин оставлено для ведения хозяйства, 500 десятин оставлены в запас для наделения воинов, а остальные 5 300 десятин укрепляются за 385 земледельцами.

Мелитопольский Уездный Совет утвердил предположения Ефремовского Волостного Земельного Совета, после чего новым собственникам предполагалось выдать владенные акты. /.../

В Днепровском уезде приступлено к отчуждению и распределению между трудящимися арендного фонда 8-ми крупных имений, площадью до 72 000 десятин. 10 Сентября Земельный Совет Чаплынской волости вынес постановление о закреплении 1 775 десятин за 56 арендаторами имения Агаркова, причем 40 десятин оставлены при усадьбе владельцу, а из 3 470 десятин образован запасный земельный фонд.

Громовский Волостной Совет постановил 27 Сентября закрепить за 67 арендаторами 1 820 десятин имения Фалыц-Фейна, владельцу оставить 100 десятин, а из 7 207 десятин образовать земельный фонд.

Четыре Волостных Земельных Совета Перекопского уезда представили проект распределения земель между 87 домохозяевами на площади в 4 311 десятин.

В наиболее богатых волостях хлеборобы проявляют стремление к немедленному получению земли в полную собственность путем добровольных сделок с владельцами. Ряд таких сделок был одобрен Волостными Земельными Советами Симферопольского и Перекопского уездов.

Покупная стоимость отчуждаемой из имения земли может быть определена только по установлении

средней урожайности. Эта сложная работа не могла быть выполнена ко времени сбора урожая. Поэтому приказом Главнокомандующего от 26-го Июля № 3 367 на текущий год установлен сбор хлеба и арендных платежей с арендаторов и скопщиков в размере 1/5 действительного урожая. Сбор этот в пределах Таврического полуострова в большинстве случаев уже внесен непосредственно владельцам, в северных уездах поступление этого сбора в казну ожидалось после обмолота хлеба.

Все эти сборы, как поступившие непосредственно владельцам, так и в казну, будут зачтены в счет выкупных платежей за укрепленную в собственность земледельцев землю”³².

Прислушаемся в заключение этих двух глав о земельных делах к некоторым общим суждениям о земельной реформе ген. Врангеля. Обычную точку зрения советской исторической науки хорошо выражает, в недавно опубликованной книге о гражданской войне, Г. З. Иоффе. Он считает, что Врангель сделал „попытку возрождения несколько модернизированной столыпинской, третьеиюньской политики”, „но если столыпинская политика оказалась бессильной предотвратить новую буржуазно-демократическую революцию, могла ли она конкурировать с уже победившей социалистической революцией? Только чувство отчаяния толкнуло белогвардейщину на повторение уже провалившегося эксперимента”. „В большинстве своем, — продолжает Иоффе, — крестьяне не верили закону, не желали брать предлагаемую им землю и фактически из-под палки шли во врангелевские ‚земельные советы’ ”, а „уже к осени со всей очевидностью выяснилось,

что аграрная политика провалилась: крестьяне не пошли за черным бароном”³³.

Близкой точки зрения придерживается американский историк Питер Кинез. Он считает, что в 1920 году русские крестьяне уже выбрали советскую сторону и что „нерешительной земельной реформы было недостаточно, чтобы изменить мнение большинства из них”. Успешная борьба с беззаконием в деревне действительно несколько увеличила популярность белых у крестьян, но вряд ли „неудавшаяся земельная реформа” („abortive land reform“) ³⁴.

Некоторые другие западные историки положительно оценивают земельную реформу ген. Врангеля, но считают, что ее проведение запоздало и уже не могло изменить курса исторических событий³⁵.

В своей книге, посвященной отцу, К. А. Кривошеин пишет, что земельная реформа Врангеля была „самой интересной попыткой если не решить, так решать земельный вопрос после революции, учитывая интересы как помещиков, так и крестьянства, но прежде всего крестьянства./.../ В главном она соединяет принципы столыпинской реформы с принципом передачи крестьянству большей части помещичьей земли”. Не обещая „превратить в собственников весь деревенский пролетариат”, земельная реформа Врангеля, как и реформа Столыпина, была „ставкой на сильных”³⁶.

В письме представителю ген. Врангеля В. А. Махлакову от 16 сентября Г. В. Глинка так характеризует земельную реформу:

„Земельный закон генерала Врангеля имеет две основы:

1) идею частной земельной собственности, но собственности мелкой, связанной с близостью личности хозяина к его земле и

2) свободы и права сельскохозяйственного населения (по преимуществу мелких хозяев) устраивать земельный порядок, согласный с местными правовыми воззрениями на собственность и местными экономическими условиями”³⁷.

„В противовес большевистской гольтыбе, — читаем в анонимной статье „Великой России” от 21 июня, — власть стремится опереться на лучший деревенский элемент — среднего хозяина, собственника и арендатора. Но эта часть крестьянства слишком часто обессилена гражданской войной, терроризирована шайками разбойников и большевиками. Поднять зажиточное и трудоспособное крестьянство, сплотить его, организовать социально и экономически, дать ему возможность охранять порядок на земле — вот наша первая задача в деревне”³⁸.

Если в крайне правых крымских кругах считали, подобно Г. В. Немировичу-Данченко, что ген. Врангель подошел к решению земельного вопроса в духе „кадетских” и „право-эсеровских” программ³⁹, лево-либерально настроенные деятели Крыма, подобно В. А. Оболенскому, в общем положительно оценивали реформу. Оболенский считает лишь, что земельный закон был слишком сложным для военного времени. Достаточно прозорливо он также подчеркивает, что подготовка и проведение земельной реформы нужны были ген. Врангелю и из чисто военных соображений: чтобы продолжать почти безнадежную борьбу, армии необходимо стало ощущение, что она делает народное дело, что Врангеля поддерживают широкие массы населения.

Не лишено интереса и замечание Оболенского о том, что „приблизительно в одно и то же время и Врангель и Ленин поставили ставку „на середняка“”⁴⁰.

Глава 9

ФИНАНСЫ. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ. ВЛАСТЬ И РАБОЧИЕ

Финансы

По подсчетам М. С. Маргулиеса, содержание одного человека в рядах армии правительству ген. Врангеля обходилось, в июне, 10 000 рублей в день, что тогда равнялось цене одного английского фунта: таким образом армия обходилась примерно в миллион фунтов в месяц¹. Небольшая территория Крыма в первые месяцы правления ген. Врангеля не могла прокормить всей массы собравшихся беженцев и армии, экспорта до лета фактически не было, а надежды на заем за границей, как мы видели выше, оказались тщетными: основными реальными возможностями финансирования государственных учреждений и армии оказались налоговое обложение и печатание денежных знаков. Возлагались также определенные надежды на деньги и имущество, принадлежавшие предыдущим правительствам и оставшиеся за границей.

Прямой подоходный прогрессивный налог в Крыму существовал, но приток денег от него „в казну” достигал лишь ничтожных, „анекдотических” размеров. Начальник Управления финансов, М. В. Бернацкий, выдвинул на первый план косвенное обложение. Так были обложены спиртные напитки, табак, сахар, чай, кофе и даже безалкогольные напитки.

ки. Были также сильно повышены прежние таможенные сборы, но за 1920 год они принесли лишь 550 миллионов крымских рублей².

Дополнительные доходы ожидалось от монополии, установленной на соль, табак и вино, от постепенно налаживавшейся продажи за границу товаров (хлеба, соли, вина, металлолома) и от „Добровольного флота”.

6 июля был запрещен вывоз за границу, без разрешения, драгоценных металлов и камней (за исключением нескольких вещей для личного пользования), крупных сумм в крымских денежных знаках и иностранной валюты на сумму свыше 40 фунтов на человека³.

Главным же источником финансирования стало печатание денежных знаков, принявшее грандиозные размеры. За весь 1919 год Добровольческое командование и Донское правительство выпустили примерно 3 миллиарда денежных знаков; с февраля по октябрь 1920 года денежная экспедиция ген. Врангеля, находившаяся в Феодосии, изготовила около 177 миллиардов денежных знаков (из которых 138 миллиардов десятитысячных купюр, но только 119 миллионов сторублевых)⁴. Печатание денег развивалось особенно стремительно в последние месяцы.

Вот как обрисовывает работу Управления финансов и его ближайшие задачи сам М. В. Бернацкий в интервью „Великой России” от 21 августа:

„Три задачи, стоявшие перед ведомством финансов, требовали скорейшего разрешения. Первая задача заключалась в объединении всех денежных сумм и различного имущества за границей и принадлежавшего России в одних руках — Правитель-

ства Юга России. Вторая — в реорганизации и сокращении нашего заграничного представительства, в частности, представительства по финансовым и экономическим вопросам, и, наконец, третья задача заключалась в мерах, направленных к урегулированию нашего денежного обращения.

Ныне перешла валюта, переведенная распоряжениями ад. Колчака, ген. Деникина и суммы Временного Правительства.

Были посланы уведомления нашим представителям в Америку и на Дальний Восток и отовсюду пришли ответы, устанавливающие и во всех этих случаях переход всех сумм в наше распоряжение. Во Франции имеется русское золото и часть сумм, оставшихся от займа Колчака. Переговоры заканчиваются в благоприятном смысле. В Русско-Азиатском банке находятся суммы, принадлежащие русскому правительству, выплачиваемые Китаем. Переговоры с Правлением закончены и деньги эти в наших руках. Разнообразные средства теперь объединены и находятся в распоряжении Правительства.

За границей работает наш Добровольный Флот /так называлась частная судоходная компания. — Н. Р./ . Надо было обратить службу Добровольного Флота на пользу государства. Правление всецело пошло навстречу, соглашение состоялось, и доход от эксплуатации будет поступать в нашу казну. Был один момент, когда Добровольному Флоту грозила большая опасность. Шел разговор о передаче судов Добровольного Флота Советской России.

Однако теперь эта опасность миновала. Долг Англии и Америки за фрахт теперь выплачивается. Часть сумм до революционного правительства выплачивается иностранными правительствами на со-

держание наших беженцев за границей. В Америке осталось со времени войны очень большое количество разных военных грузов, оплаченных Россией. Эти грузы в скором времени придут на Юг России.

Денежное обращение испытывает глубокое расстройство во всем почти мире. Нет страны, где не сказывалась валютная неурядица и бумажно денежная инфляция. Мы до сих пор ведем разрушительную войну. Пока Россия не получит гражданского мира, говорить о радикальных мерах исправления нашего денежного обращения трудно. /.../ Однако ряд мер переходного характера намечен. /.../ Необходимо будет принять меры; дабы разорвать связь, поневоле родственную, с советским рублем. Иначе меры, принимаемые здесь, могут парализоваться явлениями, имеющими место в Совдепии.

Принимаются меры к урегулированию всего денежного обращения в целом. Если будет произведена впоследствии девальвация, то ее нужно понимать, как счетную, т.е. обмен известного количества старых рублей на один новый. При чем на новый безукоризненный знак может быть установлен легальный курс, поддерживаемый рядом мер фискального и торгового характера. Вполне должны быть разрешены сделки на золото" /.../5

Говоря о девальвации, Бернацкий не только высказывал теоретическую гипотезу: им были заказаны в Англии новые деньги, на сумму 22 миллиарда рублей. Они были доставлены в Крым, но в обращение не поступили — из-за отрицательного отношения к этой мере созванного осенью Врангелем финансово-экономического совещания⁶.

У финансовой политики Бернацкого было немало противников. Одним из них был проф. П. Н. Ген-

зель, высказавший свои взгляды на страницах „Великой России” от 7 октября: он считал, что для поддержки курса рубля „необходимо самое высокое податное напряжение” и упрекал Управление финансов в нежелании приступить к каким-либо решительным финансовым реформам. Следовало, думал он также, повысить таможенные пошлины и наследственный налог. „Не было осуществлено у нас и обложение незаслуженного прироста ценности земли”, — считал он, а „управление финансов по демократическим соображениям не могло не выставить общепоимущественного налога и налога на общий прирост имущества”... Следовало бы также разработать „проект налога на оборот по германскому или более узкому французскому и английскому образцу”⁷.

На эти упреки Бернацкий частично ответил в той же газете, от 11 октября:

/.../ „Чем меньше территория и чем ниже стоят производительные силы ее, тем относительно большую долю своего натурального запаса вынуждено отдавать население. При этих условиях, даже и без постоянного заливания рынка бумажными знаками, товарная стоимость денежной единицы должна падать, т.е. внутренний курс рубля понижаться, что незамедлительно передается в доступные нам заграничные страны. В этом, т.е. в отвлечении громадной части продуктов и трудового населения на хозяйственно непроизводительные цели — и лежит главная причина обесценения рубля. Радикально бороться с ней можно лишь двумя основными методами: расширением территории и развитием производства товаров. /.../

...обложение, конечно, отразится повышением цен облагаемых товаров, и казне придется перепла-

чивать на содержание военной и гражданской армии, всех своих учреждений и органов самоуправления, т.е. придется зафиксировать падение стоимости рубля. Высокие таможенные пошлины на ввозимые товары, лишая городское население возможности пользоваться ими, найдут, само собой разумеется, сбыт в деревне /так!/ обильно, по общему мнению, снабженной бумажками, но, учитывая дороговизну импортных товаров, деревня не замедлит повысить оценку хлеба, так что /предполагавшегося. — Н. Р./ повышения товарной стоимости рубля не произойдет. /.../

В области прямого обложения и пошлин наиболее тяжелые препятствия имеются в несовершенстве аппарата, его недостаточности и малой доступности для него некоторых слоев населения. Вообще при нынешних социально-политических условиях возлагать больших надежд на прямые налоги не приходится. Экстраординарные сборы — вроде поимущественного — ждут своего осуществления в будущем, когда гражданский правопорядок будет восстановлен”. /.../8

Ген. Врангель в своих воспоминаниях пишет, что „несмотря на все трудности, удалось покрывать нормальными доходами обыкновенные расходы” и что, если „покрытие чрезвычайных расходов в течение года исчислялось с дефицитом в 250 миллиардов”, эта цифра, хотя и была большой для маленькой территории Крыма, „не представлялась чрезвычайной” при низкой цене рубля. Тем не менее, в октябре Врангель пришел к решению сменить М. В. Бернацкого на должности начальника Управления финансов, убедившись, как и Кривошеин, что Бернацкий не был достаточно „человеком дела и практики” и

мыслил чрезмерно теоретически. Но подходящего заместителя так и не удалось найти: запрошенные лица, в том числе и бывший русский министр финансов П. Л. Барк, предложение отклонили⁹.

В финансовой жизни Крыма значительную роль играли банки; в городах полуострова было не менее 80 банковских отделений. Банки были государственными, частными или кооперативными. Справедливые нарекания населения вызывала спекулятивная деятельность некоторых из них, державших на складах дефицитные товары до желательного им уровня цен. Борьба властей с подобной деятельностью не всегда, по-видимому, была достаточно энергичной¹⁰.

В сентябре в Крыму открылось „Финансово-экономическое совещание”, на которое, по приглашению А. В. Кривошеина, съехался ряд видных представителей русского финансового, торгового и промышленного мира, проживающих за границей¹¹. Некоторые известные деятели приехать отказались (например, Коновалов, Третьяков, граф Кокотцев). Совещание было призвано оценить финансовую и экономическую политику правительства и, по возможности, ее поддержать в публичном заявлении. Члены совещания были разделены на три рабочие группы: финансовую, торгово-промышленную и транспортную (председатели их: П. Л. Барк, Ф. А. Иванов и В. И. Гурко).

5 октября совещание окончило свою работу, наметив „ряд практических мероприятий в разных областях финансового и промышленного дела”. Оно также вынесло общую резолюцию, в которой утверждалось, что общее экономическое положение Юга России удовлетворительно и что „производи-

тельные силы края и платежные силы населения используются в настоящее время скорее недостаточно и с избытком покрывают текущие расходы управления”, а лишние „средства нужны лишь для покрытия чрезвычайных военных издержек и в особенности для снабжения армии”. Собрание также одобрило установленную государством монополию на вывоз хлеба и признало временную необходимость ее сохранения¹².

Внешняя торговля

Приобретение за границей необходимых для армии и населения боеприпасов, продовольствия, топлива и прочих товаров с самого начала было связано с двумя главными препятствиями: недоброжелательностью некоторых западных держав и отсутствием достаточного валютного фонда. Валюту можно было приобретать лишь путем продажи излишка товаров, или товаров не абсолютно необходимых для армии и населения. Основные товары, которые мог экспортировать Крым, были соль, вино, табак, фрукты и — после присоединения Северной Таврии — зерно, главным образом, ячмень. Правительство располагало также значительным количеством негодных к плаванию старых кораблей и различного металлолома.

Внешнюю торговлю было выгоднее вести на русских, чем на иностранных судах: были приняты меры для рентабилизации торговых операций „Добровольного флота”, насчитывавшего 9 пароходов большого тоннажа¹³, и было разрешено вести торговые операции, под наблюдением начальников

торговых портов, небоевым судам, находящимся в распоряжении Военно-морского ведомства¹⁴. С целью обеспечить сохранение доходов от морской торговли в русских руках и уберечь флот от посягательств иностранных дельцов, которых было немало, 15 октября 1920 года правительство постановило, что „все суда русского торгового флота могут принадлежать лишь русским подданным, независимо от того, будут ли это единоличные собственники или товарищества и акционерные компании, причем в последнем случае все пай и акции должны принадлежать русским подданным”¹⁵.

Уже 26 апреля был реорганизован Совет при представителе ген. Врангеля в Константинополе. На него было возложено отпустить необходимые средства на местные расходы, но также рассмотрение вопросов об „изменении направления казенных грузов, приходящих в Константинополь и проходящих через него транзитом”¹⁶, и заключение новых договоров (или изменение старых) по ввозу и вывозу из Крыма казенных товаров. Благодаря деятельности ген. Лукомского, Константинополь стал ключом внешней торговли Юга России. В качестве военного представителя ген. Врангеля, ген. Лукомский уделял особое внимание товарам, необходимым для армии. Ему довольно быстро удалось наладить покупку и ввоз нужных количеств угля, бензина и керосина, а также добиться доставки „значительного количества материалов и вещей, принадлежавших русскому правительству” из Франции, Америки, Румынии и с Дальнего Востока¹⁷.

В самом Крыму административная организация торговли (и связанной с ней промышленности) установилась не сразу. Первоначально (29 марта)

торговля и промышленность были поручены „Начальнику Хозяйственного Управления”, ведающему также финансами, продовольствием и путями сообщения. 1 апреля должность начальника Хозяйственного управления была упразднена, торговля и промышленность переданы „Начальнику Управления Снабжения”, не ответственному более за финансы. Наконец, 15 июня было создано особое „Управление Торговли и Промышленности”. Его задачей должно было быть „облегчение деятельности торгово-промышленного аппарата, раскрепощение внешних и внутренних торговых сношений от излишних стеснений и привлечение к делу частной инициативы”. Новое Управление создавалось из выделенных из Управления снабжений отделов: „1) Продовольственного, 2) Торговли, 3) Промышленности, 4) Горного и топлива и 5) Торговых портов и мореплавания”¹⁸.

15 июля была создана, под председательством начальника Управления торговли и промышленности, „Межведомственная Комиссия по международным заказам”, „для объединения и согласования деятельности всех ведомств по производимым ими заказам и закупкам иностранных товаров за счет казны”. Ее ведению подлежало:

„а) рассмотрение и утверждение проектов договоров на закупки и заказы иностранных товаров;

б) утверждение цен и условий приобретения ввозимых Ведомствами или через посредство частных лиц и предприятий товаров в соответствии с размером и срочностью потребностей и имеющимися для оплаты средствами у каждого из них и у казны в виде средств Государственного Казначейства, иностранной валюты и запасов русского сырья”¹⁹.

Так же, как и административное устройство внешней торговли, отношения между крымской властью и частными предпринимателями и торговыми компаниями длительное время были неустойчивыми.

В Крыму и за границей возник ряд экспортно-импортных обществ, некоторые из которых пользовались преимущественной благосклонностью людей, близких к верховной власти. В этом отношении Немирович-Данченко даже утверждает, что „некоторые члены Правительства были непосредственно заинтересованы в делах таких эфемерных организаций, какими являлись Славянский национальный банк и Франко-Русское общество с знаменитым инж. Чаевым и „Второвской группой” во главе, и французскими коммерсантами, торговавшими с Батумом и Одессой, — за кулисами”²⁰. Эти общества были более или менее надежными: 17 июня, например, Совет при главнокомандующем отказал „Дальневосточному обществу” в праве собственности, предъявленном на чай, прибывший в Крым на пароходе „Витим”²¹, а 4 мая признал „недопустимым выдачу из средств Государственного Казначейства Крымскому экономическому обществу тридцатимиллионной ссуды на покупку недоброкачественных продовольственных грузов для снабжения ими чинов армии и флота и их семейств”, прибывших на болгарском пароходе „София”²². По свидетельству М. С. Маргулиеса, в Париже образовалось общество „для торговли с Европою за счет правительства Врангеля”: месячное содержание пяти членов его правления и десяти членов его совета обходилось в 35 000—40 000 франков в месяц, „не считая служащих”²³.

Конечно, вели торговые операции не одни жулики. В июне, например, приехал в Англию С. С. Крым, бывший премьер местного крымского правительства в 1919 году. Он рассказал Маргулиесу, что „привез в Лондон 60 000 ведер вина бывшего удельного ведомства, спасенного им в Крыму от разгрома. Надеется удачно продать его и раздобыть, таким образом, Врангелю валюту”. На вырученную валюту С. С. Крым закупил в Англии лекарства, два миллиона ярдов бязи, топоры, лопаты, напильники, нитки, иголки „на все население Крыма” и несколько сот тысяч мешков, которые крестьяне охотно меняли на зерно. Ему приходилось все товары брать на свое личное имя, „так как для правительства Врангеля ничего не разрешают вывезти отсюда”²⁴.

Большие страсти вызвал вопрос о „реализации” негодных к плаванию военных кораблей. Отдельные лица и более или менее серьезные общества обращались с различными предложениями о покупке тех или иных судов. Уже 8 апреля, например, „Итало-русское общество” предложило взять на себя ликвидацию трех бывших линейных кораблей, которые оно предполагало вывезти в итальянские верфи и там разобрать. Несколько позже один французский гражданин предложил купить те же суда и некоторые другие, обязуясь выплату произвести в любой иностранной валюте. С предложением купить те же суда обратился и некий инженер Рубцов²⁵. Вышеупомянутый инженер С. Чаев предложил реализовать забивающий северный док Севастополя перевернутый вверх килем сверх-дредноут „Мария”, „вложить в это дело свои крупные средства и взять весь риск на себя”²⁶. Из этих достаточно грандиозных проектов так ничего и не получи-

лось: смогли реализовать лишь часть лома, некоторые мелкие суда, а также различные судовые материалы и машины.

Главные надежды правительства в области внешней торговли были связаны с экспортом зерна. За 1919 год валовой сбор пшеницы и ржи в Северной Таврии составил 80 миллионов пудов, ячменя и овса — 60 миллионов. На рынок, после удовлетворения нужд местного населения, могло поступить 50 миллионов пудов пшеницы и ржи и 50 миллионов пудов зерно-фуража²⁷. После же удовлетворения всего населения Таврической губернии, а также беженцев и армии, оставался в основном излишек ячменя: его можно было вывозить из Крыма, без ущерба для снабжения, в весьма значительных количествах.

К сожалению, по словам самого В. С. Налбандова, начальника Управления торговли и промышленности, в начале 1920 года торговля зерном „приобрела чисто хищнический характер, какой-то игры на скорость. В Константинополь ячмень попадал разрозненными мелкими партиями. Продавцы его были в руках организованных спекулянтов. Цены падали с каждым днем /.../ При низких ценах на ячмень мы все увеличивали число разрешений на вывоз, не могли не увеличивать”²⁸.

Правительство, разумеется, не могло не вмешаться, и 1 июня ген. Врангель приказал „немедленно выработать порядок осуществления мер для усиления закупки зерновых продуктов” государством и „весь приобретенный хлеб, за исключением потребного армии, сосредоточить в портах”²⁹.

В июле ген. Врангель и А. В. Кривошеин пришли к мысли о необходимости установления государст-

венной монополии на вывоз хлеба, хотя „мера эта неизбежно должна была вызвать неудовольствие в тех коммерческих кругах, которые преследовали прежде всего личную наживу”, — как констатирует Врангель³⁰. Управлением торговли и промышленности „выработан был нормальный договор, по которому всякий, обязавшийся доставить в один из портов не менее 200 000 пудов зерновых продуктов, получал от правительства аванс соответственно стоимости 80 % зерна, обусловленного к поставке. Контрагент обязан был доставить все зерно, которое вывозилось правительством за границу и продавалось там, причем 80 % из вырученной при реализации суммы в валюте поступали в казну, а 20 % в валюте же уплачивались контрагенту”.

На контрагенте лежала обязанность произвести погрузку на судно. Суда фрахтовались частными предпринимателями на условиях свободного договора с государством³¹.

Ген. Врангель указывает в своих воспоминаниях, что с 24 июля по 16 сентября были заключены контракты с разными лицами на поставку 10 миллионов пудов зерна, в порты доставлено 1,5 миллиона и действительно вывезен — 1 миллион пудов³². Крымская и французская печать отметили как важное событие приход в Марсель в октябре русского парохода „Константин”, нагруженного 5 000 тоннами ячменя. В прессе сообщалось также о прибытии, в ближайшем будущем, еще четырех пароходов с зерном³³.

Хотя, как видно, благодаря монополии были достигнуты значительные результаты, она, по словам В. А. Оболенского, „породила целое море злоупотреблений”. Экспортные свидетельства порой добы-

вались благодаря крупным взяткам и, так как частные предприниматели работали на средства казны, их мало беспокоил рост рыночных цен³⁴.

Взглянем в заключение на общие данные о ввозе и вывозе.

Главной статьей вывоза оказался ячмень. Основываясь на неполных данных, можно определить количество вывезенного при Врангеле ячменя в более чем 3 миллиона пудов. Следующей статьей вывоза была соль (800 000 пудов). В значительно меньшем объеме вывозились также льняное семя, табак и шерсть. Количество вывезенной соли очень незначительно в сравнении с имеющимися в Крыму запасами: затрудняли экспорт соли, в основном, расстройство железнодорожных путей, ведущих к соляным промыслам, и высокая таможенная пошлина на нее.

Ввоз в Крым был разнообразный и весьма значительный. На первом месте находилось топливо: около 4 миллионов пудов угля и 360 000 пудов жидкого топлива. Было ввезено также много продовольственных товаров, например, жиров, чая, сахара, напитков, всего, примерно, около 250 000 пудов. Текстильных товаров и изделий импортировали более 70 000 пудов, писчебумажных товаров и изделий печати — около 30 000 пудов. В меньших количествах ввозили металлы и металлические изделия, кожу и химические товары. Следует указать, что приведенные данные об импорте не учитывают военные грузы; к тому же приведенные количества не включают импорт и экспорт в сентябре и октябре, то есть время максимального развития внешнекоммерческих операций³⁵.

Внутренняя торговля и снабжение

Помимо коренного населения, в 1920 году в Крыму проживало несколько сот тысяч беженцев (может быть, до 500 000), и занятая белыми крошечная территория должна была еще прокормить несколько сот тысяч ртов на казенном иждивении — военных и чиновников с семьями, пленных и пр.

Урожай хлебов в 1919 году был в Таврической губернии хорошим и существовали некоторые запасы, тем не менее, придя к власти, ген. Врангель должен был срочно заняться налаживанием доставки хлеба в южные города Крыма. В условиях полного расстройтва транспорта подвоз хлеба из северного Крыма фактически прекратился, не хватало также жиров, сахара и прочих основных продовольственных товаров³⁶. Благодаря быстрым и решительным мерам, удалось обеспечить население минимально необходимым продовольствием.

Ощущалась в Крыму острая нехватка и многих других предметов потребления. Хорошо дает почувствовать товарный голод того времени приказ ген. Врангеля от 21 апреля, обязующий население „все жестяные ящики, бидоны, коробки и консервные банки собирать и сдавать в продовольственные магазины” — „в целях сбережения в стране жести и снабжения госпиталей посудой”³⁷.

При огромной инфляции цены на товары поднимались чрезвычайно быстро, особенно на товары в свободной продаже. По отношению к январю, хлеб вздорожал на 480 % к апрелю и на 8283 % к октябрю, картофель — на 1 718 % к апрелю и 10 809 % к октябрю. В октябре пуд муки стоил 45 000 рублей, а фунт сахару — 9 000 рублей. С апреля по ок-

тябрь продовольствие вздорожало в среднем в 10 раз³⁸. В конце июля, пробравшийся из Одессы в Крым Шульгин обнаружил, что обувь стоит 90 000 рублей, рубашка — 30 000, брюки — 40 000. Фунт хлеба, по его свидетельству, стоил 150 рублей, а фунт винограда — 1 000 рублей³⁹. В. А. Оболенский покупал летом бублик за 1000 рублей, а отступающим в октябре марковцам крестьяне продавали воз сена за 300-400 000 рублей⁴⁰.

Отдельно приводится движение цен на некоторые характерные товары, продававшиеся в Симферополе с апреля по октябрь 1920 года⁴¹ (см. с. 208).

Цены на непродовольственные товары поднимались также очень быстро. Таким образом, например, по ценам, установленным в порядке платы за сдаваемые в интендантства вещи, в апреле сапоги стоили 7 000 рублей, в августе — 42 000; нательная рубашка в апреле — 1 500, в августе — 6 000; носовой платок в апреле — 60, в августе — 200 рублей⁴².

Совершенно ясно, что сами по себе рыночные цены мало что значат: необходимо их сравнить с доходом населения. Чтобы предоставить такую возможность, приводится движение некоторых рабочих ставок в том же Симферополе⁴³ (см. с. 209).

Сопоставление этой таблицы с предыдущей позволяет сделать достаточно точные выводы об эволюции покупательной способности крымских рабочих. Видно, например, что цена печеного пшеничного хлеба возросла с апреля по октябрь в 15 раз (с мая по октябрь — в 5 раз!), муки — в 10 раз, сахара — в 9 раз, сала — в 5 раз, говядины — в 5 раз. За то же время минимальная ставка рабочего-металлиста возросла в 6 раз, максимальная — в 7 раз; средняя ставка строительного рабочего возросла в 12 раз;

	Вес	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь
Хлеб пшен.	ф.	35	108	110	125	170	200	500
Говядина	ф.	350	750	950	900	1100	1400	1800
Рыба сол.	ф.	100	550	750	900	1900	1900	2000
Сало	ф.	1625	3750	3200	2650	4325	6250	8000
Сахар песок	ф.	1000	1200	1600	1700	2200	3000	9000
Мука пшен.	пуд.	1800	3350	3700	4200	7200	9000	30000
Дрова	пуд.	200	450	450	700	950	2225	3500

	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь
Печатники	30630 17130	60000 34290	90000 51920	120000 51920	171420 64290	278570 120000	471920 250000
Металлисты	36125 27090	75000 52500	75000 52500	75000 52500	131250 87500	262500 165000	262000 165000
Торгово-про- мышленники	24000 14000	48000 28000	90000 46200	96000 46200	144000 93000	259200 210000	427680 346500
Текстиль- щики					175000 75000	263325 100800	329156 126000
Строитель- ные раб-ие	40000	90000	90000	160000	240000	260000	600000

Примечание: В таблице указаны высшие и низшие ставки в рублях. Нет данных о зарплате текстильщиков до августа. Ставка строительных рабочих — средняя.

минимальная ставка рабочего-печатника возросла в 17 раз, а максимальная — в 24 раза.

По свидетельству В. А. Оболенского, не страдали от общего вздорожания рабочие, купцы и ремесленники, зато жалование служащих и военных сильно отставало от роста дороговизны. Жалование самого Оболенского, занимавшего высокую государственную должность, в два раза уступало ставке наборщика из подведомственной ему типографии⁴⁴.

Только что прибывшему в Крым Шульгину, удивлявшемуся ценам и заработкам, пришлось объяснить, „что в Крыму цены на предметы первой необходимости, вот как на хлеб, сравнительно низкие. А на то, без чего можно обойтись, как, например, виноград, очень высокие”.

„Я убедился, — констатирует Шульгин, — что это правда. Для примера возьмем заработок рабочего в Одессе и Севастополе. В Одессе (тогда под советской властью) очень хороший заработок для рабочего — 15 000 в месяц. А здесь тысяч 60, 80 и много больше... А цена хлеба, главного предмета потребления, здесь только в два раза дороже. Следовательно, если измерять заработок Одесского рабочего на хлеб, то выйдет, что на свой месячный заработок он может купить два с половиной пуда хлеба, а Севастопольский пять пудов и выше”⁴⁵.

Как уже было указано выше, в марте 1920 года продовольственный вопрос в Крыму вызывал много тревог. В конце марта—начале апреля был принят ряд мер, для обеспечения населения достаточным количеством пищевых продуктов. Так, например, „лично посетив хлебные лавки Севастополя” в конце марта, ген. Врангель „выяснил, что дороговизна происходит от недостатка муки и ввиду

того, что хлеб из частновладельческих лавок берут и войска и военные учреждения”, и запретил армии снабжаться в частных и городских пекарнях⁴⁶. 3 апреля, „ввиду все обостряющихся вопросов продовольствия мясом”, было приказано „вести обязательное довольствие для всех (войск и населения) постной пищей в течении трех дней в неделю: среду, четверг и пятницу”. Убой скота в эти дни запрещался⁴⁷.

В тот же день был объявлен и следующий грозный приказ:

„В виду все обостряющихся вопросов продовольствия, как войск, так и населения в пределах Крыма, считаю необходимым немедленно ввести планомерную систему в использовании имеющихся запасов продуктов,

ДЛЯ ЧЕГО

1) Воспрещаю вывоз из пределов Крыма:

- а) хлебных злаков (пшеницы, ржи, ячменя, овса, кукурузы, разного рода круп, муки);
- б) рыбных продуктов;
- в) всякого рода жиров и продуктов, как зерновых, так и животных, из которых готовятся жиры.

2) Воспрещаю приготовление всякого рода сладких кондитерских изделий.

3) Во всех населенных пунктах района Крыма (кроме деревень) ввести при отпуске хлеба карточную систему. Детали и разработку вопроса выдачи карточек и отпуска по ним хлеба разработать Городским Самоуправлениям, но с тем условием, чтобы на каждого едока приходилось не более одного фун-

та хлеба в день или меньше, в зависимости от наличия запасов продукта.

Войсковые части получают хлеб по объявленным законным нормам из своих войсковых хлебопекарен и учету по карточкам не подлежат.

4) Хлеб выпекать из пшеничной или ржаной муки с примесью двадцати процентов ячменной муки.

5) Вывоз хлеба в пределах Крыма производить с разрешения Начальника Управления Снабжения при мне.

За неисполнение приказа — виновных предавать военно-полевому суду”⁴⁸.

С присоединением к Крыму более плодородной и богатой хлебными запасами Северной Таврии положение с продовольствием значительно улучшилось. 12 июня было объявлено, что „на всей территории Крыма, а также во вновь освобождаемых /.../ местностях, перевозка всякого рода товаров и продуктов гужем и по железной дороге /.../ равно как и продажа этих товаров и продуктов, являются совершенно свободными” и что „никаких особых разрешений на перевозки не требуется”⁴⁹. Население свободой торговли воспользовалось в полной мере: участились поездки в Северную Таврию, из которой жители крымских городов возвращались „нагруженные мукой, салом, крупой”⁵⁰. Главным и весьма существенным препятствием этому „самоснабжению” населения было расстройство железнодорожного транспорта, годные средства которого обслуживали в первую очередь армию.

Активно развивающийся товарообмен, практиковавшийся как частными лицами, так и правительственными учреждениями и войсковыми частями,

не был лишен отрицательных сторон, о некоторых из которых повествует „Великая Россия” от 12 августа:

„Крестьяне, не имеющие возможности побывать в городе, узнать цены на товары и соответственно этим ценам увеличить стоимость своих продуктов, назначают цены на них наугад, а чаще всего из боязни продешевить совсем отказываются продавать их за деньги. Хотя привезенный в села товар расценивается поставщиками его различно, но крестьянин расценивает его по-своему и находит для себя более выгодным получить хоть какой-нибудь товар, чем деньги, и потому, кто не имеет товара для обмена, тот лишается возможности приобрести в деревне необходимые продукты и должен платить спекулянтам чудовищные цены за товары для обмена, которые они, пользуясь случаем, ежедневно взвинчивают”⁵¹.

Правительственные агенты, посылаемые в деревню за покупкой зерновых продуктов, оплачивали 75% их цены деньгами, а на остальные 25% „продавец имел право получить из лавок Управления торговли и промышленности мануфактуру, сельскохозяйственные изделия и т.п.”⁵². Закупленный правительственными агентами хлеб в больших количествах выбрасывался на рынок, по цене вдвое более дешевой, чем свободная рыночная. Также поступали и с некоторыми другими основными продовольственными товарами, что позволяло сохранить их в продаже по относительно дешевой цене⁵³.

В конце июля недавно назначенный начальник Управления торговли и промышленности В. С. Налбандов выдвинул идею создания „центрального оп-

тового склада”, из которого „товары для населения пойдут в кооперативы, служащим, рабочим и, наконец, в частные лавки, через торговые палаты, с ответственностью последних за отсутствие спекулятивных цен”⁵⁴.

13 июля была отменена карточная система на выдачу хлеба, „ввиду улучшения вопроса продовольствия, как войск, так и населения”⁵⁵. Все же, несмотря на общее улучшение положения, 14 августа правительство нашло нужным запретить выпечку белого хлеба и продажу „всякого рода сдобного хлеба, булок и пирожных”⁵⁶. Эта мера, вероятно, была принята, чтобы уберечь от местного потребления максимальное количество наиболее ценного для экспорта зерна — пшеницы.

Принятые правительством меры позволили белому Крыму избежать голода, от которого уже страдали многие другие жители России. Питание было обычно достаточным, но, конечно, для подавляющей части населения, отнюдь не роскошным. По свидетельству Б. Пылина, в Керчи самой обычной едой была хамса — мелкая соленая рыбешка, селедка и „шрапнель”, т.е. перловая каша⁵⁷, которая стоила очень дешево (72 рубля фунт в августе).

Несмотря на все усилия властей, нездоровые условия экономической жизни в Крыму породили ряд злоупотреблений. Одним из распространенных средств борьбы населения против дороговизны и отсутствия на рынке нужного количества товаров была кража государственного имущества. По свидетельству Оболенского, кража некоторых видов казенного добра, — например, дров или белья — приняла „грандиозные размеры”⁵⁸. Разрушение части торговой системы и чудовищная инфляция породили

ли другую экономическую язву — спекуляцию, причем для многих спекуляция стала не столько средством обогащения, сколько возможным способом борьбы за улучшение очень трудных условий жизни.

Ген. Врангель объявил ряд приказов против спекуляции и спекулянтов. 19 мая, например, он призвал к общественной помощи в борьбе с ней: „Бойкот торговцев, непомерно повышающих цены, — гласил его приказ, — образование союзов потребителей и помощь власти в обнаружении преступной спекуляции /.../ должны стать задачей общественности...”⁵⁹

Но 12 сентября, в очередном приказе, можно было прочитать, что

„вместо отказа от приобретения продуктов по спекулятивным ценам и активного противодействия безудержной алчности отдельных лиц посредством организации кооперативов, общественных лавок, столовых, хлебопекарен и т.п., население покупает эти продукты, и в том числе даже не являющиеся предметами необходимой потребности, по любым ценам и, таким образом, само потворствует интересам преступной наживы. Более того, некоторая часть населения занимается усиленной скупкой ценностей и иностранной валюты и, содействуя тем самым не вызываемому разумными основаниями обесценению нашего рубля, затрудняет работу Правительства в области финансовой и продовольственной политики. Между тем переживаемый исключительный момент Русской истории властно требует крайнего напряжения сил всех граждан вообще и каждого в отдельности и не допускает бездеятельного и безучастного отношения общества к вопросам государственного значения в то время, когда на его

защиту на фронте проливается кровь лучших наших сынов.

Поэтому вновь призываю население, и в особенности органы общественного самоуправления, придти, наконец, на помощь Правительству и твердо помнить, что от самого общества зависит содействием упорядочению жизни тыла ускорить победное завершение нашей армией принятого ею на себя великого подвига освобождения России”⁶⁰.

Спекулянты были и мелкие, и крупные. 1 сентября, например, судили в Симферополе крестьянина, продававшего сыр на 200 рублей выше рыночной цены, но в то же время было также обнаружено, в складах „Славянского национального банка”, 100 мешков сахару, 257 ящиков мыла, 1 200 топоров, 1 000 пил и 500 комплектов белья ... дожидавшихся более выгодных для продажи цен⁶¹.

Следует упомянуть, что спекуляция и кража не были единственными средствами быстрого и крупного заработка, существовало и другое, вполне благородное — ручной труд. В. В. Шульгин, например, очень удивился, когда ему указали на молодого офицера с барышней, возвращавшихся с ночной работы в порту, где, за несколько часов, у них была возможность заработать трудом портового рабочего до 40 000 рублей, т.е. месячное офицерское жалование⁶². А Н. Н. Чебышев рассказывает о директоре департамента в Управлении торговли и промышленности, получавшем 60 000 рублей в месяц и нанявшемся у себя же в управлении чернорабочим по подсчету кожи, что ему позволило заработать 72 000 рублей за два дня⁶³.

Как бы ни была трудна жизнь, расстроены финан-

сы и развита спекуляция — в Крыму осенью было собрано достаточно зерна, мяса и растительного масла для безголодного ожидания урожая 1921 года⁶⁴.

Природные богатства. Промышленность

За исключением сельскохозяйственных продуктов и соли, территория бывшей Таврической губернии бедна природными богатствами. Соль добывалась в основном в Евпаторийском уезде, но добыче ее мешало расстройство железнодорожных путей, ведущих к промыслам, часть которых была разобрана и предназначена для других, более неотложных государственных нужд. Таким образом, тогда как можно было рассчитывать на ежегодную добычу соли в 4 000 000 пудов, в 1920 году ее удалось добыть лишь 1 600 000 пудов, причем 1 млн. пудов был добыт одной организацией — Днепросоюзом⁶⁵.

В Крыму до революции значительную роль играла табачная промышленность. В начале 1920 года она также была в сильном расстройстве. Так, например, фабрика Месаксуди, вырабатывавшая нормально 7 000 пудов табака в месяц, могла вырабатывать лишь 1200—1700 пудов из-за отсутствия нужных количеств листового табака и топлива. Большая часть табачных изделий экспортировалась⁶⁶.

Сырьем для машиностроительной промышленности могло бы послужить ломовое и сортовое железо, которого было много в портах Крыма, но правительству было выгоднее его продавать, на валюту, за границу. Самые крупные металлургические предприятия — Севастопольский портовый завод и

„Крымское машиностроение” в Симферополе — работали на военные нужды, вырабатывали части для танков и самолетов, ремонтировали броневые автомобили и бронепоезда⁶⁷. Кожевенные заводы, которых в Крыму было около 30-ти, также работали значительно ниже своих возможностей из-за отсутствия нужного количества сырья.

В 1919 году (и раньше) основным топливом для крымской промышленности был уголь из Донбасса, но в 1920 году этот источник пресекся. Наряду с налаживанием закупки угля за границей, ген. Врангель, будучи горным инженером, обратил внимание на возможность нахождения полезных ископаемых в самом Крыму. 30 мая Совет при главнокомандующем ассигновал 3 миллиона рублей „на производство разведывательных работ по добыче каменного угля” и 7 миллионов „на производство разведывательных работ по добыче нефти”⁶⁸.

Уже было известно, что недалеко от Симферополя, близ Бешуя, были залежи угля хорошего качества. 2 июля Врангель приказал строить к Бешуйским копям железнодорожный путь от станции Сюрень, лежащей на железнодорожном пути от Севастополя к Симферополю. На начальника Управления торговли и промышленности он возложил „ответственность за постепенное развитие добычи угля с тем, чтобы таковая с 1 ноября сего года была доведена до количества не менее 500 тысяч пудов в месяц и далее возможно увеличивалась”⁶⁹. Но, несмотря на все усилия, железнодорожное сообщение до октября наладить не удалось и, в связи с отсутствием перевозочных средств, „месячная добыча угля не превышала пятнадцати тысяч пудов”⁷⁰.

Ценным природным богатством были леса крым-

ских гор, значительно пострадавшие от населения со времени революции. Чтобы обеспечить их охрану, ген. Врангель объявил 1 июля следующий приказ:

„Горные леса Крыма скопляют и хранят весь запас влаги, необходимый для хозяйственной жизни побережья. Поэтому сохранение этих лесов, как ценнейшего Государственного достояния, составляет издавна предмет особых забот Русской Государственной Власти.

Лесные дачи горных склонов признаны по закону водоохранными и защитными, и расходование лесного запаса в них подчинено особым правилам. Исключительные условия последнего времени и крайняя нужда общественных учреждений и населения городов в топливе побудили Лесное Ведомство допустить в минувшем году некоторые отступления от установленного порядка правильного лесного хозяйства, а часть татарских обществ позволила себе самовольно нарушить правила лесопользования так называемых „приписных” дач и даже устранить в некоторых из них казенную лесную стражу.

Я требую, чтобы указанные самовольные действия татарских обществ были устранены и предупреждены в будущем всеми мерами власти.

Озабочиваясь вместе с тем строгой охраной Крымских лесов от уничтожения и истощения, с соблюдением всех, ранее дарованных Верховной Русской Властью льгот местным татарским обществам по лесопользованию в Государственных приписных дачах, приказываю Управлению Земледелия и Землеустройства, в отношении этих дач; руководствоваться утвержденными мною, прилагаемыми при сем, Правилами”⁷¹.

Власть и рабочие

Еще при ген. Деникине, 23 октября 1919 года, были объявлены „*Временное положение о присутствиях по делам страхования рабочих*” и „*Положение о профессиональных союзах рабочих*”, не потерявшие силы и при ген. Врангеле.

Первый из этих документов определял условия обеспечения рабочих на случай болезни и их страхования от несчастных случаев. Этими вопросами должны были весть „присутствия” под председательством „Старшего фабричного инспектора”, с участием представителя судебного ведомства, земской и городской врачебно-санитарной части, трех представителей от промышленников и трех от рабочих. Количество „присутствий” зависело от количества рабочего населения (от одного на несколько губерний со слабо развитой промышленностью до одного на отдельный более крупный промышленный район губернии). Присутствия должны были следить за установленным законом обеспечением рабочих при несчастных случаях и болезни, разрешать споры между больничными кассами и рабочими страховыми товариществами, устанавливать стоимость довольствия, отпускаемого натурой больным или увечным рабочим, определять размер суточной стоимости лечения больных в лечебных заведениях и пр.⁷²

„*Положение о профессиональных союзах рабочих*” определяло условия существования профсоюзов и круг дел в их ведении. Ниже приводятся его важнейшие положения:

„1. Всем российским гражданам, занимающимся в предприятиях заводских, фабричных, промышленных и торговых одинаковыми, однородными, либо имеющими между собою связь работами или промыслами, а равно всем вообще служащим по найму в указанных выше предприятиях как казенных, так и частных, предоставляется право образовывать союзы (общества) для защиты профессиональных интересов своих членов.

/.../

5. Имея целью защиту профессиональных интересов своих членов (ст. 1), профессиональные союзы, в частности, могут:

1) обследовать быт, условия труда и нужды своих членов;

2) представлять интересы своих членов перед различными учреждениями и лицами;

3) изыскивать способы к устранению недоразумений, возникающих между предпринимателями и членами профессиональных союзов;

4) устраивать учреждения, способствующие поиску работ;

5) оказывать юридическую и медицинскую помощь своим членам и их семьям;

6) выдавать денежные пособия во время безработицы и в иных случаях нужды и образовывать для этих целей особые кассы и капиталы;

7) устраивать общежития, дешевые квартиры, столовые и тому подобные учреждения;

8) осуществлять мероприятия, направленные к духовному и физическому развитию своих членов, как то: устройство лекций, учебных курсов, библиотек, издание органов печати и тому подобное;

9) устраивать детские очаги, ясли, профессио-

нальные и ремесленные школы и тому подобное, и 10) доставлять своим членам возможность выгодно приобретать предметы первой необходимости и орудия производства.

6. Для достижения поставленных себе целей профессиональные союзы могут устанавливать обложение своих членов взносами в кассу союзов. /.../

7. Действующие в пределах Российского Государства профессиональные союзы могут для совместного достижения целей, установленных в статьях 1 и 5, объединяться между собою, а также учреждать свои отделения в пределах России.

/.../”73

В Крыму рабочих было не очень много и существовало лишь ограниченное количество крупных предприятий. Руководство рабочего движения было настроено умеренно социалистически: пробольшевицкие рабочие ушли из Крыма с Красной армией или оставили профсоюзную работу⁷⁴. Главным средоточием организованных рабочих были севастопольские портовые заводы, работавшие в основном на снабжение армии и флота.

В начале апреля среди севастопольских рабочих началось брожение. Ген. Врангель призвал к себе рабочую делегацию и объявил ей о ряде мер, намечающихся правительством в их пользу. В приказе, объявленном 23 апреля, указывалось, что правительство стремится к установлению „такого порядка оплаты всякого труда, при котором, в связи с вздорожанием жизни, содержание повышалось бы автоматически, одновременно и в одинаковом для всех категорий служащих и рабочих размере”, и приказывалось:

„1. Повысить поденную плату чернорабочих до сравнения ее с соответствующей оплатою труда низших служащих в правительственных учреждениях, вводимой для последних с первого наступающего мая, причем в дальнейшем плату повышать в соответствии и одновременно с увеличением содержания низших служащих в тех же учреждениях. Устанавливаемую таким образом плату принять за основание при исчислении оплаты труда квалифицированных рабочих.

2. Из свободных от назначения на фронт продовольственных запасов выдавать рабочим, в счет заработной платы и по интендантской цене, установленной для военно-служащих интендантский паек натурой, первоначально в размере 50% пайка.

3. Из свободных от назначения на фронт предметов обмундирования выдавать рабочим те предметы, в коих ощущается наиболее острая нужда, с рассрочкой платежа на 12 месяцев, при чем, новое обмундирование и обувь отпускать по заготовительной цене, а бывшее в употреблении по оценке, которая будет устанавливаться особыми комиссиями при участии представителя от рабочих.

4. Организовать в городах и пунктах пребывания рабочих особые казенные потребительские лавки, сосредоточив в них из казенных запасов возможное количество продовольственных продуктов, мануфактуры и других предметов домашнего обихода и снабжать ими рабочих по льготным ценам, в размере до 10% месячной заработной платы. Первоначально открыть две таких лавки в Севастополе.

Удовлетворяя этим насущнейшую нужду рабочих, — заключает свой приказ ген. Врангель, — делаясь с ними всем, чем позволяет мне сейчас Госу-

дарственное казначейство и наличные продуктовые и материальные запасы, я надеюсь, что мои заботы о них найдут в их сердцах надлежащий отклик.

В переживаемую нами минуту тяжелых испытаний, только общим единением, общими силами всех русских людей может быть восстановлена Наша Родина. И я верю, что здоровый разум рабочего подскажет ему необходимость стоически перенести быть может последние минуты испытания. Сейчас и впредь вместе или к достатку и благополучию, или к бедности и позору”⁷⁵.

Несмотря на провозглашенные распоряжения, проблема удовлетворительного устройства рабочей жизни в течение мая решена не была. 3 июня ген. Врангелю пришлось объявить новый приказ, где он констатировал, что его приказ от 23 апреля „выполнен лишь на бумаге”. „Ни одной лавки, — читаем в нем, — в рабочем квартале не открыто. Продукты, отпущенные Начальником Интендантского отдела флагманскому интенданту, в руки рабочих не попали”. Вследствие этого приказывается Главному военному прокурору, „в недельный срок о действиях флагманского Интенданта и начальников частей, не озаботившихся выполнить /.../ приказа, произвести расследование для привлечения к суду виновных в бездействии и нерадении по службе” и „в недельный срок открыть в районе порта /.../ потребительскую лавку и раздать рабочим причитающиеся им продукты”.

Приказ этот был передан для опубликования в крымскую печать⁷⁶.

Наряду с этим Врангель послал 9 июня телеграмму в Совет при главнокомандующем „о необходи-

мости /.../ приступить к срочной разработке практических мер по урегулированию рабочего вопроса”⁷⁷ и сам, 26 июня, выступил на заседании Совета со следующим заявлением:

„Крестьянство в настоящее время с нами, с нами же и значительная часть интеллигенции. Иначе обстоит дело с рабочими, которые по-прежнему являются наиболее оппозиционным элементом.

Вследствие этого по рабочему вопросу нужны срочные меры: необходимо дать рабочим все, что только возможно с государственной точки зрения. Это одна сторона дела. Вместе с тем необходима самая решительная борьба с забастовками. В этом отношении нельзя допускать никаких уступок. Наиболее правильно и решительно мерою борьбы в этом направлении надо признать создание независимости Правительства от возможных вспышек забастовочного движения, хотя бы в наиболее важных отраслях труда, каковыми являются: экспедиция заготовления денежных знаков, железные дороги, водопровод, электричество и ассенизация. Во всех этих отраслях необходимо немедленно подобрать кадр рабочих, которые могли бы заменить забастовщиков”⁷⁸.

В то время, когда ген. Врангель высказывал вышеприведенные соображения, в Севастополе на портовом заводе вспыхнули новые забастовки. Считая, что они в значительной степени вызваны деятельностью „агентов противника”, он приказал „уволить всех забастовавших и забастовщиков призывных годов немедленно отправить на фронт. Одновременно объявил, что в случае каких-либо беспорядков

расправа будет самая беспощадная”. „Несколько десятков смутьянов из молодых рабочих были отправлены в строй и в дальнейшем, до самых последних дней нашего пребывания в Крыму, рабочие, несмотря на тяжелые материальные условия, беззаветно исполняли свой долг”⁷⁹.

Несмотря на вышеуказанные жесткие меры, правительство сознавало, что социальный мир надежнее обеспечивается улучшением условий жизни, чем различными мерами воздействия. В сентябре было решено рабочим, мастеровым и служащим казенных предприятий выдать единовременное пособие, их продовольственным органам и кооперативам была обещана государственная беспроцентная ссуда. Правительство обещало также помочь рабочим и служащим „в уплате за правоучение детей” и дало им возможность заготовки топлива, их собственным трудом, в казенных лесах. Рабочие хозяйственные организации получили право снабжения зерновыми продуктами из запасов Управления торговли и промышленности⁸⁰.

Наконец, 15 октября было предоставлено 10 миллионов „Керченскому Отделению Общества Потребителей служащих портовых учреждений Крыма”, с условием, что оно „распространит свою деятельность и на остальные порты Крыма”⁸¹.

Трудно судить, в какой мере рабочие сочувствовали политике правительства Врангеля, но достаточно очевидно, что крупных затруднений они ему не причинили.

Глава 10

ДЕЛА СУДЕБНЫЕ. БОРЬБА С ВНУТРЕННИМ ВРАГОМ

В условиях гражданской войны военное правосудие естественным образом принимает чрезвычайное значение и значительно оттесняет правосудие гражданское. Тем не менее и последнему правительство ген. Врангеля уделило некоторое внимание.

27 апреля было выделено из Гражданского управления особое Управление юстиции, порученное сенатору Н. Н. Таганцеву. Весной „уголовный розыск был отделен от государственно-политического и получил возможность заняться прямым своим делом — борьбой с уголовной преступностью”¹.

В соответствии с желанием правительства водворить в деревне порядок и законность, были приняты меры для увеличения количества мировых судей и для расширения круга дел, им подсудных: 26 октября был объявлен приказ следующего содержания:

„При существующем ныне расстройстве транспорта обращение к судебной власти сопряжено для сельского населения с весьма значительными затруднениями, и лица, потерпевшие личную обиду или понесшие убыток, предпочитают иногда вовсе отказываться от судебной защиты своих прав, к явному ущербу для достоинства государственной власти.

Необходимо поэтому создать такие условия общественной жизни, чтобы население находило у себя на месте, в пределах своей волости, правомерную защиту против преступных посягательств и законное разрешение споров о праве гражданском.

Придавая правильной постановке судебного дела первостепенное значение, ПРИКАЗЫВАЮ: 1) озаботиться увеличением числа мировых судей, с таким расчетом, чтобы в каждой волости, за исключением малонаселенных, был свой мировой судья, 2) строго наблюдать за тем, чтобы мировые судьи проживали в пределах своих участков и при том в центральных или же наиболее населенных их пунктах и 3) при установлении границ мировых участков руководствоваться исключительно интересами местного населения”².

В сентябре „мировым судьям и прокурорскому надзору циркулярно подтверждено о том, что по закону на них лежит обязанность принимать от потерпевших всякие, даже им неподсудные, жалобы и направлять по принадлежности”. Приступили также к составлению особого сборника законов, предназначенного для мировых судей. На „особого уполномоченного управления юстиции” при штабе ген. Врангеля легла обязанность собирать сведения о состоянии правосудия в областях, вновь занимаемых армией, и обеспечивать возобновление его деятельности, если надо присылкой людей „из имеющегося при управлении юстиции штатного резерва”³.

Своеобразной юридической мерой был приказ ген. Врангеля от 11 мая, учреждающий высылку административным путем в советскую Россию. Право высылки было предоставлено губернаторам и

комендантам крепостей, при участии прокурорского надзора (необходимость санкции прокурорского надзора была отменена 14 июня). Высылке в советскую Россию подлежали лица, изобличенные:

„1) в непубличном разглашении или распространении /.../ а) заведомо ложных о деятельности Правительственного Установления или должностного лица, войска или воинской части сведений, возбуждающих в населении враждебное к ним отношение, или б) заведомо ложного, возбуждающего общественную тревогу слуха о правительственном распоряжении, общественном бедствии или ином событии.

2) В возбуждении путем произнесения речей и других способов агитации, но не в печати, к устройству или продолжению стачки, при условиях, указанных в ст.ст. 1358¹, 1358² Уложения о наказаниях, и в участии в самовольном, по соглашению между рабочими, прекращении, приостановлении или невозобновлении работ /.../ на железной дороге, телеграфе или телефоне общего пользования или вообще в таком предприятии, прекращение или приостановление деятельности которого угрожает безопасности территории Вооруженных Сил Юга России или создает возможность общественного бедствия.

3) В явном сочувствии большевикам.

4) В непомерной личной наживе на почве использования виновными настоящего тяжелого экономического положения, в случаях, не подходящих под действие закона об уголовной ответственности за спекуляцию.

5) В уклонении под различными ложными или не заслуживающими уважения предложениями от испол-

нения возложенных на них обязанностей или работ по содействию фронту”⁴.

Введение высылки в советскую Россию Врангель обосновывает тем, что „число тюрем было весьма ограничено и не могло вместить всех осужденных” и что преступников приходилось содержать в переполненных „домах предварительного заключения”, для чего требовалось большое количество людей и значительные средства. Но тем не менее эта мера не получила широкого применения и коснулась главным образом „лиц, избличенных в явном сочувствии большевизму”⁵.

Высылка в советскую Россию была не единственным средством для законопреступника избежать тюремного заключения: его могла вывести на свободу и амнистия. В сентябре, например, была объявлена ген. Врангелем широкая амнистия, касающаяся как уголовных, так и политических преступников. По свидетельству И. Калинина, тогда были освобождены даже люди, состоявшие в нелегальной организации, переправляющей людей к красным через фронт⁶.

Во время правления ген. Деникина в деле борьбы с советскими агентами и государственными преступниками царил большой произвол и деятельность органов различных органов контрразведки вызывала много нареканий. Правительство ген. Врангеля приняло ряд мер для максимального устранения бесконтрольности и злоупотреблений в этой области. 28 мая было приказано во вновь занимаемых областях борьбу с политическими преступниками вести лишь „наблюдательным пунктам” (то есть орга-

нам контрразведки) при штабах корпусов и дивизий или иным, находящимся под их контролем⁷.

Приказом Врангеля от 8 июля наблюдение за производством дознаний по делам о государственных преступлениях было возложено на чинов „прокурорского надзора военного и военно-морского ведомства — в прифронтовой полосе и гражданского ведомства — в тыловом районе”. Чины прокурорского надзора должны были присутствовать при всех важнейших следственных действиях и „следить за законностью арестов и правильностью содержания арестованных”. Члены контрразведки, производящие дознания, должны были:

„1) сообщать без промедления прокурорскому надзору военного или военно-морского ведомств — в прифронтовой полосе и гражданского ведомства в тыловом районе — а) о приступе к дознанию и б) о всяком заключении под стражу и об освобождении из под таковой.

2) входить в соглашение с наблюдающим за дознанием лицом прокурорского надзора в случае необходимости осмотра или выемки почтовой или телеграфной корреспонденции и

3) исполнять все законные требования прокурорского надзора, как о приступе к дознанию, так и по всем предметам последнего”.

Все возникающие затруднения разрешались либо главным военным прокурором, либо прокурором судебной палаты. Таким образом, впервые с начала гражданской войны, политический розыск действительно становился под контроль чинов прокуратуры⁸.

3 августа „в целях сосредоточения всей работы по борьбе с Государственными преступлениями в

одном учреждении” ген. Врангель приказал, как это уже было установлено для чинов контрразведки, предоставить „Начальникам Государственно-Розыскных Управлений право, по истечении упомянутого в ст. 137 Временного Положения о Государственной Страже месячного срока, в случаях невозможности закончить производящееся о задержанных расследование, возбуждать ходатайства о дальнейшем продлении указанного срока”. Начальнику Особого отдела при штабе главнокомандующего, к которому обращались ходатайства, касающиеся дел о государственных преступлениях, было предоставлено право разрешать продление этого срока до трех месяцев максимум⁹.

Начальником Особого отдела штаба главнокомандующего (и одновременно помощником начальника Гражданского управления) был назначен весьма опытный в этих делах ген. Климович. Ему в августе была также подчинена вся крымская государственная стража — специальные воинские части, главной задачей которых была борьба против „зеленых” и прочих партизан и разбойничьих банд. В связи с реорганизацией контрразведывательных органов и подчинением их твердой воле ген. Климовича, по признанию даже В. А. Оболенского, столь чуткого к любому пренебрежению к правам человека, „разбой и насилия контр-разведки почти прекратились”, а уличенные в злоупотреблениях ее чины — наказывались”¹⁰.

Контрразведывательной службе в некоторых случаях приходилось заботиться и о заграничных делах, как об этом свидетельствуют два нижеприведенных любопытных документа. Первый из них адресован 6 августа начальником Отдела военного управления,

представителю ген. Врангеля „при Союзном Командовании и Правительстве в Париже”:

„Поступающие в Отдел Генерального Штаба данные указывают на то, что, среди находящихся за границей русских офицеров, многие, в целях легкого заработка, поступают на службу в разного рода иностранные контр-разведки, а состоящие при иностранных миссиях, утратив даже внешний облик русского офицера, являются секретными осведомителями иностранцев по вопросам, касающимся В. С. Ю. Р. и не могущим быть ими добытыми легальным путем.

Не говоря о том, что подобного рода деятельность офицеров характеризует глубокое падение среди них морального чувства, она с точки зрения государственной, является преступной.

Она может найти себе оправдание в том только случае, если это делается по поручению или с ведома Представителей антисоветской России и, под внешним видом осведомления иностранцев, в действительности преследует цели осведомления наших органов.

По этим соображениям представляется необходимым в Отделе Генерального Штаба вести всем подобным лицам точную регистрацию и иметь о них и о характере оказанных ими иностранцам услуг, возможно полные сведения.

В виду этого, прошу принять меры к выяснению изложенных данных и, по мере поступления материала, сообщать таковой в Отдел Генерального Штаба.

Генерального штаба
Генерал-Майор Никольский
Обер-Квартирмейстер
Генерального Штаба Полковник Архангельский”¹¹.

Второй документ — шифрованное сообщение представителя Врангеля в Швейцарии Ефремова представителю Врангеля в Париже — Гирсу, от 1 июля:

„Из Англии, по инициативе английского правительства, отправлена в распоряжение войск армии генерала Врангеля в Крым миссия „Красного креста“, состоящая исключительно из англичан. Некоторые из них говорят по-русски. Ныне эта миссия находится в пути, а, может быть, даже прибыла на место своего назначения.

Под флагом „Красного креста“ и оказания помощи армии Врангеля англичане снарядили специфическую разведочную организацию, действия которой могут быть чреваты последствиями: не исключается возможность передачи большевикам сведений военного характера, добываемых этой миссией для сообщения в Лондон. Так, по крайней мере, утверждает агентура, в отношении которой не может быть никаких сомнений.

По цензурным условиям, в настоящее время невозможно получить более подробные сведения об этой английской разведочной экспедиции, но нужные и возможные меры приняты, и агентурному источнику даны указания о более детальной разработке этого вопроса. Как только эти дополнительные данные будут получены, они будут сообщены”¹².

Борьбу с большевистским подпольем в Крыму контрразведка Врангеля быстро наладила и стала вести успешно. Ей в значительной мере удалось инфильтрировать подпольные организации и пере-

крывать связь между городскими группами и „зелеными”.

В апреле была раскрыта коммунистическая организация в Симферополе, имеющая связь с ячейками, возникшими в некоторых запасных армейских частях. Она проектировала порчу железнодорожных путей, а также взрывы мостов и бронепоездов.

В то же время была разгромлена большевистская организация в Керчи, располагающая оружием и взрывчаткой¹³.

19 мая начальник Особого отделения Морского управления подал по начальству рапорт о разгроме „Центрального комитета коммунистов-большевиков в г. Севастополе”. Эта группа держала связь с „зелеными” кап. Макарова (о нем ниже) и вербовала офицеров запасного Броневоего автомобильного дивизиона при штабе главнокомандующего. Группа располагала оружием, патронами, пероксилином, печатала прокламации, призывающие население к вооруженному восстанию. Начальник группы работал под наблюдением командированного из советской России начальника всей сети большевистских групп в Крыму — П. С. Храмцова (Голубева), которого удалось задержать у заранее ставшего известным контрразведке сборного пункта группы близ Малахова кургана. Всего по этому делу было задержано 18 человек, причем выяснилось, что среди задержанных советских агентов числился бывший шофер ген. Деникина, а также шофер ген. Врангеля — Колесников¹⁴.

Об этой, вероятно, группе пишет в своих воспоминаниях кап. Макаров: она подготовляла вооруженный захват штаба ген. Врангеля и восстание на судах военного флота. 25 июня военно-полевой суд

приговорил 9 участников группы к смертной казни (для троих она была заменена каторгой), одного — к каторжным работам, троих — к короткому тюремному заключению и четырех оправдал. Вслед за этим приговором, по тому же делу было арестовано еще значительное количество лиц¹⁵.

После этого времени до самой эвакуации больше нет сведений об активности значительных подпольных групп в крымских городах. Разумеется, попытки воссоздания подполья с советской стороны не прекратились, но они теперь, как правило, пресекались еще в зародыше: так, в октябре была арестована в Керчи группа из 6 советских агентов, располагавшая на берегу моря тайной станцией для оптической связи с советским берегом Керченского залива¹⁶.

Наряду с попытками создания городского подполья, советская агентура, в какой-то степени удачно, инфильтрировала некоторые крымские центральные учреждения. В частности, летом обнаружилось, что второе лицо „политической части” штаба главнокомандующего — полковник Симинский — был советским осведомителем¹⁷. Некоторые аспекты будущей жизни белой военной эмиграции позволяют также предполагать, что проникновение коснулось и других ответственных лиц из окружения Врангеля.

Борьба с „зелеными”, находившими надежное укрытие в малодоступных горных местностях Крыма, была поручена „государственной страже”, организованной по военному образцу. Но ее отряды были слабы и им редко удавалось справиться с повстанцами. Осенью было решено приступить к созданию настоящей тыловой армии, порученной ген. Но-

совичу, но она до эвакуации еще не стала действительно оперативной.

Главным источником пополнения „зеленых” были люди, уклоняющиеся от мобилизации. Нередко отряды „зеленых” пользовались поддержкой, более или менее добровольной, населения районов, где они прятались — в основном татар, особенно склонных избегать участия в гражданской войне и поэтому сочувствовавших „зеленым”, к тому же делившимся с ними или продававшими им добычу от своих набегов¹⁸. Впрочем отряды „зеленых” состояли не из одних дезертиров и скитались не только в горах: среди „зеленых” были и антикоммунистически настроенные люди капитана Орлова, в начале 1920 года взбунтовавшегося против „генеральской власти”, но сторонника борьбы с большевиками, были и „красно-зеленые” группы, непосредственно связанные с коммунистическим подпольем, как, например, отряд Голика, действовавший в Северной Таврии в районе г. Ногайска. В августе Голик совершил набег на деревню Царедаровку, сборный пункт хлеба, отправляемого в Крым¹⁹.

Определить количество „зеленых”, скитавшихся по территории, занятой белыми, очень трудно. Ген. Слащев выдвигает маловероятную цифру в 10 000 человек, к концу лета. Зато количество „зеленых” весной сам Врангель оценивает в несколько десятков человек, что, вероятно, слишком занижено. Представляется, что деятельность „зеленых” касалась лишь определенных районов Крыма: по свидетельству Б. Пылина, прошедшего весной два месяца в деревне недалеко от Керчи, „зеленые” были во всем этом районе фактически неза-

метны и за все время лишь один раз была перерезана неохраемая линия полевого телефона²⁰.

Весьма активными были отряды, организованные бывшим адъютантом ген. Май-Маевского (начальника Добровольческой армии в 1919 году) капитаном Макаровым в горах, в районе деревни Мангуши. Макаров, еще будучи адъютантом Май-Маевского, был советским агентом и его „зеленые” были скорее „красными”. Он старался поддерживать связь с городским подпольем и к нему присылали людей из советской России. Как пишет сам Макаров в своих воспоминаниях, к нему весной „ЦК командировал тринадцать человек, но в Крым попало лишь трое, двоих из них расстреляла епаторийская контр-разведка. Лишь товарищ Голубев пробрался в Севастополь”²¹. Как уже известно, и Голубев был вскоре арестован.

Отряды Макарова укрывались в горных лесах совместно с татарами, бежавшими от мобилизации, с которыми были налажены добрососедские отношения, но которые, как правило, к „зеленым” сами не шли, „за исключением двух небольших групп”²². Макаров организовывал нападения на посты государственной стражи, совершал „экспроприации” (по-русски — грабежи), изготовлял воззвания к населению, содержащие ложные сведения о ссорах между генералами и псевдовысказывания ген. Врангеля: „наши воззвания читались внимательно, но особенного результата не давали”, — печально замечает Макаров в воспоминаниях²³. В начале лета, помимо отряда самого Макарова, в котором числилось 160 человек, в связи с ним действовало еще два отряда „зеленых” (в одном из которых было 60 человек)²⁴.

5 августа из советской России приплыла на катере известная фигура времени Гражданской войны — матрос Мокроусов. Он привез с собой 20 человек, 500 миллионов „романовских рублей”, 200 000 турецких лир и один пулемет. Пробравшись к Макарову, он попытался, достаточно безуспешно, объединить все „красные” отряды и принял звание „командующего крымской повстанческой армией”. Привезенные им (огромные) средства помогли несколько увеличить численность и боеспособность „повстанцев”, которым удалось разграбить и частично взорвать Бешуйские угольные копи и, несколько позже, совершить набег на город Судак. Врангель считал, что к концу лета у Мокроусова было, иногда лишь в номинальном подчинении, около 300 человек, а Макаров приводил, не оспаривая ее, цифру из письма начальника штаба ген. Носовича — 600 „зеленых” во всем горном районе Крыма²⁵. В конце своих воспоминаний Макаров пишет, что против „зеленых” „стали появляться все новые и новые части” и что „настроение партизан резко упало”, в частности с надвигающейся зимой, к которой они были плохо подготовлены²⁶. О том, что „зеленые” все же продолжали сильно беспокоить крымскую власть, свидетельствует нижеприведенный текст секретного приказа ген. Врангеля от 9 октября:

„Разбои зеленых приняли такие размеры, что всякая нормальная жизнь тыла нарушена.

В настоящее время в тыловом районе войск более чем достаточно для борьбы с этим злом.

Однако без содействия, и содействия самого решительного, не ограничивающегося „циркулярами”

и „отношениями” со стороны гражданской власти, войска бессильны бороться с этим злом.

Требую в этом деле самой напряженной работы всех чинов гражданского управления, возлагая всецело ответственность за успешность его на Начальника Гражданской Части С. Д. Тверского и особенно помощника его Генерала Климовича”²⁷.

Еще при Врангеле часть „зеленых” не подчинилась Мокроусову, а после эвакуации белых из Крыма начала борьбу против советской власти. Отряды „зеленых” тогда стали в основном пополняться бежавшими от массовых расстрелов белыми офицерами.

Глава 11

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС. МАХНО И ПОВСТАНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

У ген. Врангеля был большой опыт общения с казаками: он прожил детство и юность на Дону, воевал в Русско-японскую войну в казачьем полку, в мировую и гражданскую войну командовал различными казачьими частями. В 1919 году он участвовал на Кубани в политической борьбе против самостийно настроенных членов Кубанской рады.

Из Новороссийска выехало в Крым больше всего донцов; кубанцев в первое время было гораздо меньше, а терцев и астраханцев — совсем немного. Приехали в Крым казачьи атаманы: Донской — Богаевский, Кубанский — Букретов, Терский — Вдовенко, Астраханский — Ляхов, а также отдельные члены казачьих правительств и политические деятели. Еще весной часть оставшихся на Кубани кубанских казачьих войск была перевезена в Крым, а летом, после „кубанской операции”, число кубанцев еще увеличилось¹.

Перед объявлением приказа от 29 марта, реорганизовавшего власть в Крыму, Врангель советовался с казачьими атаманами: эти переговоры оставили свой след на оригинале текста приказа. Окончательная формулировка первого параграфа надписана рукой ген. Врангеля над перечеркнутым первоначальным текстом, где речь шла не о „независимости в

отношении самоуправления”, а лишь о „широкой автономии в отношении самоуправления”².

Отношения между Врангелем и Донским атаманом ген. Богаевским были хорошими — они были старыми друзьями, — но начальник Донской армии ген. Сидорин и его начальник штаба ген. Кельчевский вели политическую линию, далекую от идей Врангеля: они хотели своими собственными силами идти освобождать Дон и были не только против подчинения главнокомандующему ВСЮР, но и отказывались от военного сотрудничества с ним.

Редактор „Донского Вестника”, официального органа Донского командования, — граф Дю-Шайля (он же начальник Политического отдела Донского корпуса) — напечатал в своей газете ряд статей, содержащих нападки на политику ген. Врангеля, как недемократическую и великодержавную. Они восхваляли Февральскую революцию, предлагали создание казачьего государства, состоящего из областей Донского, Кубанского и Терского войск, и агитировали против „генералов и сановников”. „Донской Вестник”, как орган официальный, цензурой не просматривался и ген. Врангель ознакомился с его содержанием совершенно случайно, благодаря редактору другой газеты, издававшейся в том же городе — Евпатории, — который 6 апреля приехал к нему с жалобой на „Донской Вестник”, захватив с собой несколько номеров ненавистной ему газеты. Ознакомившись с содержанием газеты, ген. Врангель сразу же вызвал к себе Донского атамана и в его присутствии написал следующий приказ:

„Бьет двенадцатый час нашего бытия. Мы в осажденной крепости — Крыму.

Успех обороны крепости требует полного единения ее защитников. Вместо этого находятся даже старшие начальники, которые политиканствуют и сеют рознь между частями.

Пример этому — штаб Донского корпуса.

Передо мной издание штаба — „Донской Вестник”.

Газета восстанавливает казаков против прочих не казачьих частей Юга России, разжигает классовую рознь в населении и призывает казаков к измене России.

По соглашению с Донским Атаманом приказываю Ген. Сидорину сдать должность Ген. Абрамову. Отрешаю от должности Начальника Штаба корпуса Ген. Кельчевского и Ген. Кварт. Ген. Кислова. Начальника полит. отдела и редактора газеты Сотн. гр. дю Шайля предаю военно-полевому суду при коменданте главной квартиры. Следователю по особо важным делам немедленно на месте произвести следствие для обнаружения прочих виновных и предания их суду.

Газету закрыть.

Впредь буду взыскивать беспощадно со всех тех, кто забыл, что „в единении — наш долг перед Родиной”³.

Сотник Дю Шайля, а также генералы Сидорин и Кельчевский были арестованы; Дю Шайля совершил попытку самоубийства и, тяжело себя ранив, временно избежал суда; Сидорин и Кельчевский были преданы военно-полевому суду, осудившему их на каторжные работы. Врангель каторгу заменил исключением со службы. В конечном итоге Сидорин и Кельчевский выехали за границу, а вместе с ними и несколько других донских генералов, склонных

к политической деятельности. Когда Дю Шайля судили в сентябре, страсти уже улеглись и он был оправдан судом.

После этих решительных мер Врангеля со стороны донского командования больше крупных затруднений для него не возникало. Был, в несколько ущербном виде, восстановлен Донской Круг; донское правительство возглавил послушный воле ген. Врангеля Корженевский⁴.

Отношения Врангеля с Астраханским и Терским атаманами всегда были гладкими, зато с кубанским командованием сразу же возникли недоразумения. В начале апреля большая часть кубанских белых частей находилась еще на Кубани и Кубанский атаман отказывался разрешить их переброску в Крым. Он отказывался также сам встать во главе кубанских войск, хотя и не соглашался с мнением большинства кубанских военачальников, что кубанцы больше драться не могут. Только после того, как Врангель ему пригрозил запретом выезда из Крыма на Кубань, ген. Букретов согласился стать во главе кубанской армии.

В середине апреля красные перешли в наступление против кубанцев. С согласия ген. Букретова, начальник кубанских войск ген. Морозов вступил с врагом в переговоры о сдаче. Ген. Врангель, со своей стороны, послал суда для перевоза желающих этого казаков в Крым. Кубанское военное начальство и правительство старалось убедить казаков не эвакуироваться в „крымскую ловушку”. В конечном итоге большая часть кубанцев сдалась красным, некоторые части ушли в горы, а остальные казаки были перевезены в Крым. Ген. Букретов передал атаманскую булаву председателю Кубанского

правительства — инженеру Иванису, — а сам, с частью членов Кубанской рады, бежал в Грузию.

Другие члены Кубанской рады собрались в конце июня в Феодосии, объявили ген. Букретова и Иваниса изменниками и потребовали от Иваниса сложить с себя атаманские полномочия. Иванис обратился за защитой к ген. Врангелю, изъявив готовность к лояльному сотрудничеству. „После долгих переговоров” Врангелю удалось убедить раду в том, что, собравшись в недостаточном, незаконном составе, она не может решать вопроса о назначении нового атамана и должна его отложить на более благоприятное время⁵.

Для официального оформления наконец установившихся добрососедских отношений между главнокомандующим Юга России и казачьими правительствами, 22 июля было подписано соглашение между „Правителем и Главнокомандующим ВСЮР” и „атаманами и правительствами Дона, Кубани, Терека и Астрахани”. Соглашение это обеспечивало казачьим государствам „полную независимость в их внутреннем устройстве и управлении”, указывало, что в Совете при главнокомандующем будут участвовать главы казачьих правительств или их заместители. Телеграфное сообщение и железные дороги должны были оставаться во власти ген. Врангеля. Устанавливалась общая таможенная система, единое косвенное обложение и единая денежная система⁶. На заседании Совета 22 июля, на котором был подписан текст соглашения, „было постановлено о состоявшемся соглашении довести до сведения иностранных держав, обнародование же текста соглашения и дополнительного к нему протокола на территории Вооруженных Сил Юга России, временно,

отложить, сообщив печати лишь о том, что между Главным Командованием В. С. Ю. Р. и Представителями Казачьих Областей достигнуто соглашение на основах полного единения и взаимной искренности”⁷.

О состоявшемся соглашении сообщалось и в приказе, от 1 августа:

„Сыны Дона, Кубани, Терека и Астрахани!

После тяжких невзгод, оправившись и отдохнувши, Вы вновь расправили орлиные крылья.

Несите счастье и свободу родной земле!

В братском единении, перед грозной опасностью я заключил с Вашими Атаманами и Правительствами крепкий союз. Мы не положим оружия, пока не освободим от красного ига родную землю, пока не спасем МАТУШКУ-РОССИЮ!

Пусть живут вольности казацьи, и мудрость казаков строит жизнь в родных краях. Минует лихолетие. Освободится от красного ига весь русский народ, и соберутся верные сыны Родины строить ее счастье. Встретятся в Всероссийском Народном Собрании казак и горец, горожанин и крестьянин, и их устами скажет русский народ, какой быть Новой России”⁸.

Значительный интерес представляет протокол совещания между А. В. Кривошеиным и казачьими представителями в Правительстве Юга России, состоявшегося 22 августа в Севастополе. Темы, на нем обсуждавшиеся, далеко выходят за рамки одних лишь казачьих проблем. Ниже этот документ приводится с двумя сокращениями, за счет чисто технических вопросов.

„В Совещании были подвергнуты обсуждению следующие вопросы:

1. О принятии Правителем и Главнокомандующим В. С. Ю. Р. наименования „Правитель Юга России и Главнокомандующий Русской Армией”.

Не возражая по существу против указанного решения Главнокомандующего, представители Казачества находят, что решение это могло быть осуществлено не иначе, как по предварительному соглашению с казаками, чего в данном случае сделано не было.

Председатель Правительства Юга России заявил, что, разделяя эту точку зрения, он обязуется указать, что лишь необходимость принятия решения в порядке спешности побудила Главнокомандующего отступить в данном случае от строгого соблюдения формальной стороны дела.

2. О необходимости установления нормальных взаимоотношений между подчиненными органами власти Правительства Юга России и казаками.

Донским Атаманом и другими представителями Казачества было отмечено, что казаки, встречая неизменно доброжелательное и предупредительное отношение со стороны высших представителей власти, далеко не пользуются подобным вниманием со стороны подчиненных органов.

Председатель Правительства Юга России заявил, что в этом отношении всем органам власти будут даны надлежащие указания.

/.../

4. Об отношении к казакам печати и цензуры.

В печати происходит крайне резкая критика казачьих Правительств, перешедшая в отношении Кубанцев всякие границы допустимого.

Так же точно вызывают неудовольствие казаков и действия военных цензоров, не останавливающихся перед применением цензуры даже к приказам Донского Атамана.

Председатель Правительства Юга России по первому вопросу указал, что нападки в печати на некоторых Членов Кубанского Правительства делались Кубанцами же, принадлежащими к противной партии. Тем не менее печати в свое время были даны Правительством указания о прекращении помещения статей, вносящих рознь и взаимное раздражение.

В отношении цензуры надо признать, что она поставлена неудовлетворительно по своему личному составу; дело доходит до того, что цензуре подвергаются статьи, написанные Председателем Правительства; в одном случае была попытка подвергнуть цензуре приказ Главнокомандующего. Урегулирование вопроса о цензуре поставлено на очередь; надо, однако, признать, что улучшение дела в этом отношении встречает крупные затруднения в связи с военными обстоятельствами.

5. О большем согласовании внутренней политики Правительства Юга России и Правительств Казачьих областей.

Представители казаков выразили пожелание, чтобы в направлении внутренней политики была установлена большая близость между Правительством Юга России и Правительствами казаков, в частности казакам представляется необходимым более решительный уклон внутренней политики в сторону дальнейшей ее демократизации.

При этом казаки, в качестве основного недостатка, отмечают чрезмерную милитаризацию власти

Юга России и весьма неудовлетворительную постановку контр-разведки и полицейской службы вообще.

Председатель Правительства Юга России дал пояснения, что он, с своей стороны, не сочувствует чрезмерной милитаризации власти, видит недостатки этого явления и стремится к постепенному улучшению дела. Многие в этом направлении уже сделано, но разрешить этот вопрос окончательно впредь до завершения тяжелой гражданской войны, едва ли возможно.

/.../

7. Горский вопрос.

Представители казаков находят, что образование единой Горской Республики противоречило бы интересам Казачества и Правительства Юга России и было бы полезным лишь для Грузии.

Председатель Правительства Юга России, разделяя высказанные соображения, находит, что наиболее правильный путь по настоящему вопросу — это признание отдельных Государственных образований горских народностей, и заключение с каждым из сих образований особых соглашений.

Исходя из этого положения представляется необходимым обсудить в ближайшее время вопрос об издании от имени Главнокомандующего особого акта о признании права каждой из горских народностей на самоопределение, с предложением вступить в соглашение с Правительством Юга России”⁹.

Кубанцы и после летнего соглашения не перестали причинять заботы ген. Врангелю. Так, исполняющий должность атамана инженер Иванис продолжал проводить самостийную политическую линию. В ок-

тябре он добился разрешения приезда в Крым своих единомышленников из Кубанской Рады, скрывшихся в Грузии: они все-таки предпочли не приезжать после предупреждения Врангелем о недопустимости ведения ими в Крыму „предательской работы”¹⁰.

Ген. Врангель получил в 1920 году поддержку от двух известных казачьих вождей. Бывший Донской атаман ген. Краснов предложил ему свои услуги и изъявил готовность „принять на себя даже самую скромную роль в деле служения родине”: например взять на себя „формирование и командование /.../ кавалерийским полком с целью ведения широкой пропаганды Южно-Русского дела среди населения впереди фронта Крымской армии”¹¹. А 6 октября Врангель получил письмо от атамана Семенова, главного возглавителя Белого движения на Дальнем Востоке, с признанием его главой правительства Юга России и с изъявлением готовности ему подчиниться¹².

*

Урегулирование отношений с казаками представлялось особенно важным в перспективе готовящейся „Кубанской операции”. После ее неудачи и в связи с событиями на западном фронте встал во весь рост вопрос об отношениях с украинцами.

В сентябре прибыла в Крым отправившаяся туда по собственной инициативе, и с разрешения П. Б. Струве, делегация „украинцев-федералистов”, в составе председателя „Национального Украинского комитета” Маркотуна, генерального секретаря Цитовича и члена комитета Могилянского. Приняв делегацию, „генерал Врангель заявил, что он разде-

ляет идеи комитета, и указал, что принципы федерации и земельной реформы составляют основу его политики. В своем стремлении объединить все антибольшевистские силы генерал Врангель готов содействовать развитию национальных демократических сил, базируясь на принципах, уже выраженных в соглашении, достигнутом между главным командованием и казачьими областями. Генерал Врангель не допускает для себя возможности присоединиться к какому-нибудь сепаратистскому движению”¹³.

Так же, как и федералисты, украинцы-самостийники установили контакт с ген. Врангелем. Их представитель Мацевич „уведомил 20 октября (по н. с.) С. А. Поклевского-Козелла, представителя Врангеля в Бухаресте, о желательности военной конвенции и политического соглашения на основе признания правительства Петлюры правительством Украины и признания прав Украины на самоопределение”. Мацевич предложил также начать военную кооперацию немедленно, „не ожидая результатов переговоров”¹⁴.

Выражая взгляды ген. Врангеля, А. А. Нератов 31 октября (по н. с.) послал В. А. Маклакову депешу о том, что „необходимо заключение между русской и украинской армиями военной конвенции, в частности обеспечить украинским силам нашу поддержку.

Что же касается соглашения политического, то Главнокомандующий выражает готовность идти навстречу всем антибольшевистским силам, стоящим на почве федерации с Россией, с обеспечением Украине полнейшей независимости во внутреннем ее устройстве и управлении. Единственным условием является только признание власти Главнокоман-

дующего над всеми вооруженными силами и обеспечение общегосударственных интересов”¹⁵.

В письме В. Л. Бурцеву, написанном по поручению ген. Врангеля 8 августа 1922 года, С. Н. Ильин утверждает, что „никаких документов, относящихся к переговорам с Маркотуном и другими украинскими деятелями не было, так как эти переговоры велись устно и не были облечены в форму каких либо соглашений, условий, или обязательств” и что „украинский вопрос был /лишь/ в стадии изучения”. „Ведя переговоры с отдельными украинскими деятелями в порядке изучения украинского вопроса, — пишет далее Ильин, — Главное Командование держалось неизменно определенной точки зрения: не предрешая основных вопросов будущих взаимоотношений отдельных частей России, не давая преимуществ тем или другим политическим течениям, не отталкивать те из них, которые согласны принять участие в борьбе против большевиков и к такой борьбе их привлекать”¹⁶.

С украинским вопросом были связаны и чисто внутренние проекты и мероприятия. Таким образом, например, возник проект создания отдельных украинских частей в Русской армии¹⁷. 12 октября И. Н. Леонтович был назначен „Советником по делам Украины при Главнокомандующем Русской Армией”¹⁸, а 26 октября был объявлен следующий приказ:

„Признавая, что Украинский язык является наравне с Российским полноправным языком Украины, приказываю всем учебным заведениям, как правительственным, так и частным, в коих преподавание ведется на украинском языке, присвоить все

права, установленные существующими законоположениями для учебных заведений той и другой категории с общегосударственным языком преподавания”¹⁹.

*

В те времена татарское население составляло примерно одну четверть всего населения Крыма. Еще в январе 1918 года советская власть разогнала татарское народное собрание — Курултай, а правительство ген. Деникина также без особой симпатии относилось к татарским национальным чаяниям.

Ген. Врангель не только разрешил новый созыв Курултая, но в обращении к нему официально обещал татарам автономное управление. Тем не менее законопроект о татарской автономии выработывался долго и был готов лишь осенью²⁰. Он предвидел „предоставление татарам самоуправления в религиозных, культурно-просветительных и финансовых делах” для чего они должны были избрать „распорядительный орган в составе около 60 человек”²¹. Но татарское самоуправление так и не успели провозгласить до конца белого Крыма.

С другой стороны, Врангель, после ухода в отставку татарского муфтия, — изгнанного самими татарами в 1917 году, но восстановленного Деникиным, — не назначил ему заместителя, а также не тронул, несмотря на земельную реформу, обширных земельных владений мусульманского духовенства, в основном „вакуфных” земель, приписанных к мечетям и мусульманским училищам²².

Как известно, антиеврейские настроения и действия были явлением отнюдь не редким во время гражданской войны. В этой области ген. Врангель проявил решительность и принципиальность. По объективному свидетельству Ю. И. Гессена (самого — еврея): „Евреи Врангелем довольны. Врангель строго следит за погромщиками и приказал повесить перешедшего к нему от большевиков есаула с шестью сподвижниками за погромы в деревнях у Каховки”. Гессен рассказывал также, что за подобные поступки главнокомандующий заслужил недобрую славу у некоторой части офицерства, антиеврейски настроенной²³.

Ген. Врангелю пришлось принять меры против антиеврейских настроений в прессе и даже в церковной проповеди: таким образом, повествует Врангель в своих воспоминаниях, ему пришлось принять меры против известного проповедника — отца Востокова, чьи проповеди „носили чисто погромный характер” и возбуждали толпу на „противоеврейские выступления”. Был издан приказ, запрещающий „всякие публичные выступления, проповеди, лекции и диспуты, сеющие политическую или национальную рознь”, а его нарушителей, „не взирая на сан, чин и звание” обещано было „высылать из наших пределов”. Отца же Востокова, Врангель вызвал к себе на крепкий разговор, после чего тот „проповеди свои прекратил”²⁴.

В Крыму, где евреев было много, общественная еврейская жизнь была весьма активной и существовало много различных еврейских организаций. Та-

ким образом, например, в Севастополе активно и заметно работал отряд еврейских бой-скаутов „Макаби”.

Несмотря на старания Врангеля, властям не всегда удавалось уследить за проявлениями антиеврейских настроений. Даже в официально изданной в июне листовке можно было прочитать явно нелепое утверждение, что „все считают, что в Совдепии власть держится на жидовских умах, латышских штыках и русских дураках”²⁵. Не были изжиты антиеврейские настроения и в некоторых воинских частях, особенно казачьих.

*

С начала 1920 года среди белого командования стало распространяться мнение о возможности заключения союза с батькой Махно. В то время отряды Махно состояли в общей сложности из 1000/2000 штыков и 3000/4000 сабель²⁶, располагали большим количеством пулеметов на „тачанках” и даже артиллерией. „Столица” грозного батьки, — Гуляй Поле, — находилась в районе военных действий между белыми и красными и была даже некоторое время занята войсками ген. Врангеля. Весной и летом 1920 года Махно боролся в первую очередь против красных, поголовно истреблял захваченных коммунистов.

13 мая Врангель подписал следующий, секретный, приказ:

„В случае перехода нашего в наступление мы, на пути к достижению заветной цели — уничтожения коммунизма, можем войти в соприкоснове-

ние с повстанческими частями Махно, Украинскими войсками и другими против-коммунистическими группами.

В борьбе с главным врагом Святой Руси — коммунистами, нам по пути все те Русские люди, которые, как мы, честно стремятся свергнуть кучку насильников — большевиков, обманом захвативших власть.

ПРИКАЗЫВАЮ — всем начальникам, при соприкосновении с указанными выше противобольшевистскими группами, сообразовать свои действия с действиями войск этих групп, имея ввиду нашу основную задачу — свергнуть коммунизм и всемерно облегчить и помочь Русскому народу воссоздать свое Великое Отечество”²⁷.

17 мая начальник Разведывательного отделения штаба главнокомандующего обратился к генерал-квартирмейстеру с докладом:

„В настоящее время наше отношение к Махно и вообще к Махновщине требует серьезного внимания, и, полагаю, необходимо определенно выяснить, какое мы могли бы принять относительно его положение. Под каким бы углом мы ни рассматривали это движение — определенно и ясно только то, что оно имеет глубокие корни. Нам необходимо использовать его: до настоящего времени ясно лишь одно, что Махно работает и действует против красных.

Полагаю необходимым испробовать нижеследующее: послать агента с определенной задачей — найти Махно и передать ему 1) те основы, на коих зиждется наша борьба, 2) те цели, к которым мы стремимся, 3) на каких условиях могут развиваться наши

совместные действия и 4) что мы можем гарантировать самому Махно и его единомышленникам.

Прилагаю при сем „Обращение к Махно” от лица Командования Вооруженных Сил на Юге России, прошу Вашего принципиального согласия”²⁸.

Приложенное к документу обращение к Махно подверглось переработке. Были сочинены и другие проекты обращения (по крайней мере четыре различных). В конечном своем виде, предназначенное к подписи ген. Шатилова и датированное 14 и 20 октября, обращение приняло следующий вид:

„БАТЬКЕ МАХНО

Исстрадавшаяся Русская земля переживает четвертый год смуты и братоубийственной войны. Вместо обещанных свобод комиссары и коммунисты закабалили Русскую землю и довели народ до полной нищеты и голода.

ГЛАВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ РУССКОЙ АРМИИ ИЗВЕЩАЕТ ВАС, ЧТО ОНО ВЕДЕТ БОРЬБУ ТОЛЬКО С КОММУНИСТАМИ И КОМИССАРАМИ И ИДЕТ ЗА ОДНО С РУССКИМ НАРОДОМ ДЕВИЗ РУССКОЙ АРМИИ: НАРОДУ – ЗЕМЛЯ, НАРОДУ – ПРАВА; САМ НАРОД БУДЕТ РЕШАТЬ СУДЬБУ СВОЮ.

С верой в правоту своего дела и надеждой на здравый смысл народа Русская Армия будет неуклонно стремиться к указанной цели.

Вы со своими отрядами тоже ведете борьбу против „комиссародержавия” и стремитесь разбить большевистские оковы, наложенные коммунистами на Русский народ.

ЦЕЛЬ НАША ОБЩАЯ

Для ускорения приближения неизбежного конца большевизма **ГЛАВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ ПРЕДЛАГАЕТ ВАМ ДЕЙСТВОВАТЬ СОВМЕСТНО** и согласованно против общего врага, для чего: 1) объединить Ваши отряды в дивизию, которая будет снабжаться наравне с дивизиями Русской Армии, 2) Вам присваиваются соответствующие права и чин Начальника Дивизии, 3) Командному составу, по Вашему указанию присваиваются соответствующие права (командиров полков, бригад), 4) Всем лицам, переходящим в подчинение Главного Командования, гарантируется личная и имущественная безопасность.

В случае возможности совместной работы, согласно вышеизложенного, Главное Командование предлагает Вам: 1) перейти в решительное наступление в тыл большевиков, занять район Мариуполь — Волноваха и войти в связь с Русской Армией; 2) выслать своего полномочного представителя, который мог бы разъяснить состояние Ваших войск, их нужды и получить соответствующие указания в смысле дальнейшей работы”²⁹.

Первый официальный посланец ген. Врангеля — капитан — был приведен на заседание „Совета революционных повстанцев”, то есть махновского „правительства” 9 июня (по н. с.) в селе Времьевка, Мариупольского уезда. Он предъявил „совету” письмо, подписанное ген. Шатиловым и ген. Коноваловым, содержащее предложение о сотрудничестве в борьбе против красных и о помощи со стороны ген. Врангеля. Выслушав посланца, Махно предложил совету его казнить, что и было решено единогласно. Капи-

тан был повешен, и на его теле прикреплена надпись: „Никогда никакого союза у Махно с белогвардейцами не было и не может быть, и если еще кто из белогвардейского стана попытается прислать делегата, то его постигнет участь, какая постигла первого”³⁰.

Несмотря на первую неудачу, вскоре был послан к Махно другой посланец — полковник, которого расстреляли³¹.

Помимо официальных посланцев, с махновцами стремились установить контакт и агенты разведывательного отделения. Было несколько таких попыток, более или менее успешных. Ниже публикуем отчет об одной такой попытке:

„Опрос № 1700

Сестра милосердия /Х../, прибывшая в Разотглав 13/26 октября 1920 года, заявила:

Я дочь землевладельца и купца /Х../, демонстративно убитого махновцами в декабре 1918 года. Причина этого убийства — мое участие в излавливании большевистствующих элементов в эпоху немецкой оккупации. Сама я была захвачена позже, в апреле 1919 года, и, будучи приговорена махновцами к расстрелу, бежала и попала, ввиду моего знакомства и дальнего родства с Ген.-Лейт. Гейманом, во 2-ю Кубанскую пластунскую бригаду в качестве сестры милосердия.

Летом 1919 года, служа в этой бригаде, я принимала участие в формировании Добровольческого конного отряда из жителей Александровского уезда Гуляй-Польской и Покровской волостей, ввиду моих связей и знакомств среди зажиточных, антибольшевистски настроенных крестьян этих волостей. Задачей этого отряда являлась борьба с бандитизмом.

По занятии нашими частями Гуляй-Поля я прибыла туда 8 сентября и была прикомандирована к стоявшей там 2-й Кавказской горной батарее. Служа в этой части, я несла, параллельно с работой сестры милосердия, разведывательную и контр-разведывательную службу, являясь посредником между крестьянами, желавшими дать сведения о противнике, и Штабом 7-го Донского полка.

В Гуляй-Польской больнице я оказала медицинскую помощь тяжело раненому, который в разговоре назвал себя командиром махновской батареи и просил меня эвакуировать его в Мелитополь или другой какой-нибудь пункт, в котором ему могла быть оказана хирургическая помощь, указывая на то, что, по слухам, теперь белые ничего не предпринимают против махновцев. Я способствовала тому, чтобы ему было обещано удовлетворение его просьбы.

После этого события ко мне стали обращаться видные махновские деятели, как, например, Николаенко из Покровского, Пилипенко оттуда же и Иван Доля, старый товарищ Махно по Сибири и командир махновской сотни, скрывающейся в дибровском лесу. Они спрашивали меня, когда будет объявлена мобилизация, ввиду их желания вести борьбу с большевиками, но под видом мобилизованных, что предотвратит возможные репрессии большевиков к их семьям.

Они спрашивали о взаимоотношении Русской Армии и Махно, говоря, что если бы им было точно известно о состоявшемся соглашении или фактическом контакте, они спокойно пошли бы служить в Русскую Армию, так как они боятся возмездия за прошлогоднее выступление против добровольцев.

Иван Доля, встретив меня поздно вечером на улице и не будучи вполне уверен, что я его не арестую, в коротком разговоре сказал, что мне следовало бы разузнать точно, существует ли соглашение с Махно и, узнав, что я еду в Севастополь, очень просил привезти ему оттуда документальное („на бумажке“) доказательство контакта Русской Армии с „Нестором Ивановичем“. Тогда, по его словам, махновцы охотнее шли бы в Русскую Армию.

Этот же Иван Доля вскользь сообщил мне, что „бацько“ находится сейчас в Луганске.

Наш земельный закон крестьянам Гуляй-Польского района известен; они им довольны и только хотят неукоснительного проведения его в жизнь. Наши солдаты, оставшиеся в Гуляй-Поле в то время, когда оно было нами временно оставлено, были укрыты махновцами от красных.

На Махно оказывает благотворное влияние его жена Агафья Андреевна, бывшая курсистка, преподавательница географии и украинского языка Гуляй-Польской гимназии. Этому влиянию приписывают более мягкое отношение Махно /к/ интеллигенции, как таковой, и зажиточным классам, по сравнению с 1918 и первой половиной 1919 года.

В апреле 1920 года в Гуляй-Поле, в доме Сапко, был убит большевиками брат Махно. Большевики не только не берут в плен махновцев, но даже вырезают их семьи. Махновцы в долгу не остаются, — так я знаю, что в Новоуспеновке, в конце сентября было убито махновцами четыре комиссара (участника этого убийства я лично перевязывала в Гуляй-Поле).

Вообще борьба махновцев с большевиками настолько сознательна и беспощадна, что какое бы то ни было соглашение Махно с большевиками мне

кажется абсолютно не возможным. В случае, если бы таковое состоялось, оно не было бы поддержано населением его же, Гуляй-Польского района.

Я могла бы доставить Ивану Доля или в Штаб Махно через подругу его жены — Юлию Лутай, состоящую у Махно в Штабе, документы, которыми Главное Командование пожелало /бы/ меня снабдить для привлечения махновцев на нашу сторону в целях совместной борьбы с большевиками”³².

Проникновение к махновцам до осени оставалось делом весьма опасным: так, в докладе от 9 сентября другой агент рассказывает, как, хорошо первоначально принятый в отряде Махно, к которому он пробрался, он в конечном итоге был схвачен и связан. К его счастью, ему удалось бежать незадолго до времени, назначенного для его казни (его предполагали зарубить шашками)³³.

Надежды на установление сотрудничества с Махно не оправдались. В конце сентября, наконец, сделав свой выбор, Махно вступил в переговоры с советской властью. Когда он убедился, что осеннее наступление красных сил против Врангеля развивается для них успешно, он присоединил свои отряды к силам победителей.

*

Более успешно, чем с махновцами, наладились связи с повстанческими отрядами, действующими на правобережной Украине и, главным образом, в плавнях Днепра.

Отряды и их возглавители были очень разными. Например, „в двадцатых числах августа прибыла депутация от наиболее крупного партизанского от-

ряда Омеляновича-Павленко, он был старый кадровый офицер одного из наших гвардейских полков, ведущий борьбу под украинским желто-блукитным флагом". С таким партизаном договориться ген. Врангелю было нетрудно³⁴.

Совсем другими людьми были бывшие командиры-махновцы, вошедшие в сотрудничество с белыми: атаманы Яценко, Гришин, Савченко, Володин, Чалый, Прочан, Хмара, Голик и другие. Это были люди, не признающие никакого начальства, склонные к грабегам и нередко чрезвычайно жестокие. Под Александровском, например, Прочан „и пара других головорезов", надругавшись, убили молодую жену комиссара, „а головами детей... стали вышибать косяки дверей и окон". Среди атаманов, по свидетельству побывавшего в плавнях агента разведки, наиболее „интеллигентное" впечатление производил Гришин, но он также был человеком очень жестоким³⁵.

Для формирования отряда атаман Володин был выпущен из тюрьмы. До своей службы у Махно и заключения, он занимался в Одессе „налетами на буржуазию", а после его выхода на свободу с ним наладил контакт кап. Макаров. Создавши отряд, Володин принялся грабить мирное население. В конечном итоге, его отряд был разоружен, а его самого, с главными помощниками, — повесили³⁶.

Более надежным атаманам доставляли оружие, деньги и еду, а они помогали армии в разведке, взрывали железнодорожные пути и мосты³⁷. От имени главных партизанских атаманов были напечатаны воззвания, распространяе-

мые службой пропаганды. Ниже приводится одно из них:³⁸

**„ВОЗЗВАНИЕ КОМАНДИРА ПОВСТАНЧЕСКОГО ОТРЯДА
САВЧЕНКО**

Я, командир повстанческого отряда, Алексей Алексеевич Савченко, убедившись лично, что Русские войска не расстреливают ни повстанцев, с которыми они идут рука об руку, ни Вас, товарищи красноармейцы, злой волей коммунистов и комиссаров направленные /так!/ против истинно трудового народа — рабочих и крестьян, зову я вас:

Сложите оружие к ногам тех, кто идет за народную волю, землю и истинную не коммунистическую свободу.

Идите скорее в повстанческие отряды, в ряды Русской Армии. Те и другие несут УКРАИНЕ и нашей общей Родине — РОССИИ истинный мир, покой и порядок.

16 июня 1290 /так!/ года.

Савченко”

Глава 12

ИНФОРМАЦИЯ И ПРОПАГАНДА. ПЕЧАТЬ

Во время правления ген. Деникина ни одно учреждение не возбудило столько нареканий, как пресловутый „Осваг” — Осведомительно-Агитационное Отделение, подчиненное, несколько теоретически, Особому Совещанию и ведавшее делом информации и пропаганды на Юге России. Его чины запятнали себя различными злоупотреблениями и отличались, в общем, весьма низкой эффективностью работы. Не касаясь даже других областей его деятельности, Осваг совершенно не справился с задачей пропагандирования идей Белого движения.

После упразднения Освага, в декабре 1919 года, по живописному выражению А. Валентинова, „вместо одного „освага” расплодилось чуть ли не дюжина маленьких „осважнют”, представлявших в подавляющем большинстве случаев скверную креатуру своего родоначальника”: из Освага родились различные пресс-бюро и политотделы, которые заполнились „политическими авантюристами всех рангов и калибров, ех'-министрами особого совещания, голлодными, оказавшимися на мели, осважниками, случайными репортерами вчерашних столичных газет”¹. „Политические отделы” возникли в каждом крупном городе, а также в армейских корпусах.

Придя к власти, ген. Врангель поручил общее ведение делом информации и пропаганды Полити-

ческому отделу Генерального штаба, во главе со вторым генерал-квартирмейстером полковником Дорманом, главным помощником которого был полковник Симинский, как оказалось позже – советский агент. „Осважнята” наполнились „рослыми, здоровыми, прекрасно экипированными молодыми офицерами, которые были откомандированы из своих частей для заведывания разными отраслями печати и пропаганды”². Так как при таких условиях дело информации и пропаганды не пошло лучше, чем при ген. Деникине, Врангель решил разом разогнать все паразитирующие на государстве и армии информационно-пропагандные учреждения. 26 июня он объявил приказ, который гласил:

„/.../ правительственная политика не нуждается в особых мерах искусственного влияния на общественное мнение и настроение народной мысли, редко достигающих своей цели. Пусть судят власть по ее действиям.

В виду сего нахожу излишним существование специальных военных и гражданских организаций политической пропаганды и осведомления, все же дела о печати нахожу своевременным сосредоточить в ведении начальника гражданского управления.

Посему п р и к а з ы в а ю:

1) отдел печати и местные политические отделения передать в ведение начальника гражданского управления;

2) центральное управление политической части и политические отделения при штабах корпусов упразднить;

3) телеграфное агентство „Юрта” передать в ведение начальника управления иностранных дел;

4) остальные отделения, а также издательство „Военного Голоса” с типографией оставить в ведении обер-квартирмейстера отдела генерального штаба военного управления;

5) преобразования закончить к 1-му июля сего года, остающихся за штатом чинов обратить по назначению”³.

18 июля эти распоряжения были дополнены в приказе за подписью А. Кривошеина:

„1. Местные политические отделения с 20-го Июля с.г. упразднить.

2. Создать на местах представительства Южно-Русского Телеграфного Агентства, подчинив их Отделу Печати Гражданского Управления.

3. Образовать при Отделе Печати Культурно-Просветительное Отделение со службой Связи при нем.

4. Дела местных Политических Отделений передать в названные представительства”⁴.

Таким образом ведение информацией, пропагандой и делами печати было полностью передано гражданской власти – Отделу печати. Во главу Отдела был поставлен Г. В. Немирович-Данченко, позже замененный Г. Вернадским.

С телеграфным агентством „Юрта” вышла некоторая несурaziца, так как внутренние его отделы, подчинявшиеся Отделу печати, работали несогласованно с внешними, работавшими под начальством Управления иностранных сношений. Бывали случаи, например, когда сведения, сообщаемые одним отделением „Юрты”, опровергались другим⁵.

В почтовые связи с границей были внесены улучшения: осенью было создано в Константинополе „Бюро Русской Почты” для производства операций по сдаче на иностранную почту писем с территории Юга России и приема писем из-за границы⁶.

Совершив в июле поездку по прифронтовой полосе, еп. Вениамин отметил в своем докладе о ней, что на всем своем пути он встретил лишь одного правительственного агитатора. Но и у того при себе не было даже текста земельного закона и он „даже и не знал его в самых существенных пунктах”. Еп. Вениамину пришлось дать агитатору имевшийся у него экземпляр земельного закона и кроме того разъяснить ему его „детали”⁷. Это свидетельство отнюдь не единичное, и сам возглавитель Отдела печати в своих воспоминаниях признается, что агитаторов почти не было, а когда они и были, то нередко встречались с существенными препятствиями в своей деятельности (отчасти, возможно, вызванными их неумелыми выступлениями). Таким образом, например, шесть лекторов, посланных Отделом печати в Мелитополь, „после первого же выступления /.../ были по распоряжению военных властей арестованы и затем высланы из района действующей армии”, так как „взятый ими в своих выступлениях тон” не понравился ген. Кутепову и его помощнику по гражданской части⁸.

По свидетельству В. Павлова, „все постановления и объявления из центра передавались в народные массы”, но „в полках эта работа велась неумело, да на нее назначались сверхштатные штаб-офицеры, далекие от понимания глубокой важности дела для войск и населения”⁹. В докладе начальника Разведывательного отделения от 15 сентября констати-

ровалось, что в западной части прифронтовой полосы „сведения о состоянии фронта, о наших успехах, правительственные распоряжения, опять-таки, в этот район почти не доходят”, и что „население питается слухами, причем подчас весьма фантастическими”, как, например, скорое объявление нового царя, или снятие погон в армии¹⁰.

Сам ген. Врангель был осведомлен об общей мало удовлетворительной постановке дела информации населения. В журнале Правительства от 20 августа указано, что „Главкомандующий недоволен постановкою агитации в прифронтовой полосе, находя, что разъяснения правительственных мероприятий должны производиться каждым ведомством по своей части, а не малоопытными дилетантами, вносящими в это дело путаницу и нередко дающими разъяснения, несогласные с видами Правительства. Главкомандующий приказал всех такого рода агитаторов и разъяснителей удалить с фронта”¹¹.

Дело пропагандирования идей и достижений крымской власти за ее границами было урегулировано приказом, объявленным 27 июля:

„Ведение политической работы за рубежом возложено на Начальника Отдела Генерального Штаба через Обер-Квартирмейстера.

В целях единства в работе считаю необходимым зарубежную пропаганду, в том числе и пропаганду среди красных войск, как один из видов политической работы, возложить также на Обер-Квартирмейстера.

Для более действительной постановки пропаганды на фронте, особенно среди красно-армейских частей, приказываю:

При штабах групп, корпусов и дивизий иметь специальных лиц для ведения этой работы, для чего в существующие штаты штабов групп, корпусов включить по одному штаб-офицеру для поручений (Генерального Штаба), одному обер-офицеру и одному писарю; в штабы дивизий — по одному обер-офицеру для поручений. /.../

При Управлении Обер-Квартирмейстера, а в случае надобности и при штабах Корпусов, организовать курсы подготовки агентов пропагандистов”¹². /.../

Эти распоряжения увеличивали значение военной власти в двух основных секторах пропагандной деятельности. В них чувствуется стремление обеспечить более полный контроль над информацией, предназначенной для заграницы и населения советской России.

В отношении первой ген. Врангель мог рассчитывать на активную и целенаправленную деятельность близких ему полковника фон Лампе в Константинополе и ген. фон Дрейера в Берлине. В Париже его идеи всячески пропагандировал В. Л. Бурцев, издатель субсидируемой правительством Врангеля газеты „Общее Дело”. Эти и другие представители и сторонники ген. Врангеля за границей проявляли большую активность в деле снабжения западной прессы надлежащей информацией и опровержения ложных сведений о крымских делах¹³.

На пропаганду среди военных сил и населения противника было потрачено много усилий. Изготавливались различные материалы для переброски за фронт: листовки, объясняющие мероприятия власти, призывы красноармейцам переходить в ряды

Русской армии, обращения присоединившихся к ген. Врангелю повстанческих атаманов и пр. Выше уже было приведено несколько таких документов. К ним, для полноты картины, можно прибавить и следующее обращение, составленное в октябре:

**„КОМАНДИРЫ И КРАСНОАРМЕЙЦЫ КРАСНОЙ
КОННОЙ АРМИИ**

Волей Вашей вы заставили комиссаров прекратить войну с Польшей, несмотря на то, что они морочили Вам головы, что „вы защищаете Родину от Польской шляхты”.

ВЫ УБЕДИЛИСЬ, ЧТО НЕ РОДИНУ ВЫ ЗАЩИЩАЛИ, А ВЛАСТЬ КОМИССАРОВ.

Вы решили кончить войну и **ЗАСТАВИЛИ КОМИССАРОВ ПОДЧИНИТЬСЯ ВАШЕМУ РЕШЕНИЮ.**

Поймите, что комиссары пошли на уступки Вам только для того, чтобы **УДЕРЖАТЬ ЗА СОБОЙ ВЛАСТЬ, УПРАВЛЯТЬ ВАМИ И УГНЕТАТЬ НАРОД.**

Если не будет у вас Польского фронта, то **УЖЕ ОПЯТЬ ВОЗНИК СИБИРСКИЙ ФРОНТ**, куда опять начнут вас гнать.

И не будет конца вашим мытарствам, ибо **БЕЗ ВОЙНЫ КОМИССАРОДЕРЖАВИЕ СУЩЕСТВОВАТЬ НЕ МОЖЕТ**: не будет войны внешней, комиссары будут воевать с Русским народом.

РУССКАЯ АРМИЯ БОРЕТСЯ НЕ С РУССКИМ НАРОДОМ, А С ЕГО УГНЕТАТЕЛЯМИ КОММУНИСТАМИ И КОМИССАРАМИ; ОНА ДАЕТ НАРОДУ ЗЕМЛЮ И НАРОДУ – ПРАВА.

Командиры и красноармейцы. Скажите коммунистам и комиссарам свое твердое слово **„ЗА РУССКИЙ НАРОД, ЗА ЕГО ПРАВО РЕШИТЬ СВОЮ СУДЬБУ”**.

Уничтожьте коммунистов и комиссаров; **ПЕРЕХОДИТЕ НА НАШУ СТОРОНУ**, чем вы ускорите конец братоубийственной войны.

РУССКАЯ АРМИЯ с верой в правоту своего дела **БУДЕТ БОРЬСЯ ЗА ЛУЧШУЮ ЖИЗНЬ, ЗА СВОБОДУ И ПРАВО НАРОДА И ПРОТЯНЕТ БРАТСКИ РУКУ ВСЯКОМУ, КТО БУДЕТ ЕЙ ПОМОГАТЬ В ЭТОМ.**

УНИЧТОЖЬТЕ КОММУНИСТОВ И КОМИССАРОВ, ВАШИХ УГНЕТАТЕЛЕЙ; ПЕРЕХОДИТЕ НА НАШУ СТОРОНУ, ЧЕМ УСКОРИТЕ КОНЕЦ „КОМИССАРОДЕРЖАВИЯ”, а над истрадавшейся Родиной взойдет солнце Свободной, новой жизни.

СУДЬБУ РОДИНЫ РЕШИТ НАРОД, А НЕ КОММУНИСТЫ И КОМИССАРЫ.

**ГЛАВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ
РУССКОЙ А Р М И И**¹⁴.

По примеру красных, изготовлялись также зачастую неумелые материалы провокационного характера, например, фальшивые советские газеты или фальшивые приказы по Красной армии. Ниже приводится отрывок статьи, напечатанной в фальшивой красной газете „Селянская Беднота”:

„/.../ Крестьянство, получившее у Врангеля богатую помещичью землю, поддерживает ее хлебом и другими продуктами. В это же время хищники мирового империализма, вместо начала с нами торговых сношений, бессовестно выселили из своих стран наши торговые делегации, и мы не получили из-за границы того, на что рассчитывали, а крестьяне Украины и других мест, вместо помощи нам, поднимают восстания против нас.

На все это вы, товарищи красноармейцы, закрывать глаза не должны. Однако, падать от этого духом также не надо.

Помните, что Советская власть может быть совершенно уничтожена напором белых, если этому напору вы не противопоставите стойкости и выдержки в течение этой зимы. /.../”¹⁵

Ниже приводятся, наконец, две выдержки из отчетов разведывательных органов, описывающие условия распространения за фронтом пропагандных материалов, изготовлявшихся белой властью:

„В ближайшей прифронтовой полосе противника население относится с большим интересом к нашим прокламациям, бросаемым с аэропланов.

Красные принимают все меры до расстрелов, чтобы население не подбирало эти прокламации. Благодаря тому, что аэропланы бросают прокламации большими кипами, красным удается их собирать.

В больших центрах (Екатеринослав) существуют артели мальчишек, которые следят за нашими аэропланами и даже за городом караулят моменты бросания „бумаги”; собранное они не сдают коммунистам, а передают публике для ознакомления. Таким образом необходимо, чтобы литература бросалась небольшими кипами (пачками) и не в центре городов, а вблизи города мелкими кипами, тогда она дойдет до назначения”¹⁶.

„Наши воззвания и земельный закон, сбрасываемые с аэропланов и попадающие к крестьянам, привлекаются большевистскими агентами, которые вербуются из незаможных селян.

Но с другой стороны, /некоторые жители/ распространяют эти же воззвания, давая их на прочтение из-под полы за 500—1000 рублей.

В районе Гришино недавно распространялся земельный закон, большевистского издания, представляющий по внешности точную копию нашего, но содержание переработано, конечно, не в нашу пользу.

В частности, 25-летний срок уплаты выкупа за землю, в большевистской редакции формулирован в смысле обязательства крестьянина работать в течение 25 лет на помещика и тогда земля переходит в его собственность. Т. е. возвращение к крепостному праву.

За отсутствием подлинного закона, эта уловка красных политкомов, конечно, делает свое дело.

Нашей литературы на 50—100 верст от фронта совершенно нет. О РУССКОЙ АРМИИ и ее задачах население питается лишь самыми общими темными слухами о какой-то силе, идущей с Юга”¹⁷.

*

В первые недели правления ген. Врангеля делами печати ведал „целый ряд вскармливаемых правительством информационных органов: „Пресс Бюро”, „Редагот”, „Инфот”, „Осогот”, „Политотдел”.” В этих органах, стоящих очень дорого, служили в большинстве бывшие сотрудники Освага и вели работу, по определению Врангеля, „почти безответственную” и „в большинстве случаев” с вредом для дела. Особенно неблагоприятно было поставлено дело с цензурой: порой не пропускались совершенно безобидные статьи, но зато попадали в газеты заметки „определенно провокационного характера”¹⁸.

В начале июня ген. Никольский, исполняющий должность начальника Военного управления, пригласил на должность начальника Части печати Отдела генерального штаба Г. В. Немировича-Данченко, человека еще молодого, с юридическим образованием, и знакомого А. В. Кривошеину по службе в Министерстве земледелия. Его рекомендовал С. Д. Тверской. По определению Врангеля, человек „без всякого опыта и достаточных знаний, Немирович-Данченко был совершенно не на месте”. Тем не менее, при отсутствии более подходящего кандидата, он остался во главе Отдела печати и после подчинения его Гражданскому управлению 26 июня.¹⁹

По оценке Врангеля, Немирович-Данченко со своими обязанностями справился плохо. К тому же он был в натянутых отношениях с некоторыми лицами из штаба главнокомандующего и с П. Б. Струве. К Немировичу-Данченко без доверия относилась крымская либеральная интеллигенция, как к человеку очень правых взглядов и автору „погромных” статей.²⁰

Когда выяснилось, что Немирович-Данченко, несмотря на свое положение начальника Отдела печати, сотрудничал (под живописными псевдонимами, как „Смиренный Пимен” или „Розовый Мускат”, во многих газетах и был автором статей, „направляющих фронт на тыл”, ему было предложено подать в отставку и он был заменен Г. Вернадским (впоследствии известным евразийцем и автором монументальной истории России на английском языке).

В беседе с представителями севастопольских газет, состоявшейся в конце марта, ген. Врангель ясно сформулировал свои взгляды на цензуру и свободу печатного слова: „Уважая чужие мнения, — сказал

он журналистам, — я не намерен стеснять печать, независимо от ее направления, конечно, при условии, если это направление не будет дружелюбно нашим врагам”. Но вместе с тем, указал он, из-за исключительного положения гражданской войны, „где орудием борьбы являются не только пушки и ружья, но и идеи”, необходима не только военная, но и общая цензура. Сотрудникам печати Врангель предложил две возможности: или предоставление материалов, предназначенных к печати, на предварительный просмотр цензуры, или освобождение от цензуры, но при ответственности редакторов за печатаемый в их газете материал в соответствии с законами военного времени. Из трех присутствующих редакторов, двое (наиболее левых газет) предпочли предварительный просмотр цензурой, один согласился нести ответственность за печатаемые статьи²¹.

Ответственный за гражданскую цензуру Немирович-Данченко считал, что цензоры „должны были не допускать на страницах газет разглашения военной тайны, проповеди кощунства, порнографии и классовой борьбы. В остальном же Крымская печать могла иметь полную свободу обмена мнениями по всем, волновавшим общество вопросам, касавшимся как действий должностных лиц, так равно их выступлений по вопросам внутренней и внешней политики”. Врангеля он упрекал в подходе к делам печати „немного слишком по военному”²². Его заместитель Г. Вернадский, наоборот, считал, что „в данный момент, когда интересы армии требуют к себе самого бережного отношения, приходится мириться со всякого рода лишениями, как материального, так и культурного свойства. Поэтому совершенно не представляется возможным отказаться от аппарата

военной цензуры, которая при этом должна находиться в расширенном виде, включая и политическую”²³. Впрочем, Вернадский констатирует, что почти все деятели печати „понимали трудность положения и соответственно сами себя ограничивали в своих газетных писаниях в отношении острых политических и военных вопросов”²⁴.

Неудовлетворенность верховной власти делом цензуры печати в Крыму приводила к конфликтным ситуациям. Таким образом, например, 29 июня газета „Русская Правда” напечатала две статьи, по мнению Врангеля „антисемитского направления”, которые были пропущены военным цензором. Военные представители Соединенных Штатов и Франции, пишет Врангель, „почти одновременно один за другим пришли ко мне с номерами газеты в руках и предупреждали меня о том неблагоприятном впечатлении, которое помещенные в газете статьи неминуемо произведут на общественное мнение их стран”²⁵. На следующий день ген. Врангель издал приказ, переданный и печати:

„Мною неоднократно указывалось, что в настоящий грозный час лишь в единении всех русских граждан спасение Родины. Всякая национальная, классовая или партийная вражда, исключая возможность деловой работы, недопустимы. Между тем натравливание одной части населения на другую все еще не прекращается и чины Правительственных учреждений в отдельных случаях не принимают должных мер для пресечения этого зла в корне. Передо мной номер газеты Русская Правда с рядом статей погромного характера.

Объявляю выговор начальнику военно-цензурного отделения полк. Игнатьеву.

Старшего цензора Власьяка отрешаю от должности.

Газету закрыть”²⁶.

Но в приказе от 2 июля опять был сделан выговор полк. Игнатьеву и опять отрешен от должности „старший цензор” — за пропуск статьи, опубликованной Борисом Сувориным в „Вечернем Времени”, — „недопустимой по отношению дружественной страны” и приводящей факты, „не соответствующие действительности”²⁷. Газета была закрыта.

Хотя власти, пожалуй, доставляла больше забот пресса правого направления, возникали проблемы и с газетами иных взглядов, как можно убедиться, например, по нижеприведенной телеграмме ген. Шатилова Тверскому:

„Главком приказал выяснять расследованием, по вине какого цензора появилась в номере 26 газеты „Крестьянский Путь” статья „Довольно бесчинств”. Виновного цензора главком приказал арестовать, а редактора газеты предупредить, что в случае повторения подобных статей в газете, она будет закрыта, сам он будет выселен из пределов Крыма за тенденциозное освещение распоряжений агентов власти, не имеющее других последствий, кроме ее дискредитирования. По всем изложенным в статье злоупотреблениям главком приказал произвести расследование, снесясь с генералом Ронжиным, если это потребуется. Вместе с этим сообщаю вам текст приказа главкома, который отдан по гражданскому управлению и отпечатать во всех газетах /так!/:

„За последние дни в целом ряде органов печати появляются статьи, изобличающие агентов власти в преступных действиях, неисполнении моих приказов и т. д. При этом большей частью пишущие указывают, что долг честных русских людей помогать в моем трудном деле, вырывая язвы взяточничества, произвола и т. д. Приказом моим от числа /проп./ за № /проп./ учреждена Комиссия высшего правительственного надзора, куда каждый обыватель имеет право принести жалобу на любого представителя власти с полной уверенностью, что жалоба дойдет до меня, но /так!/ не останется не рассмотренной. Этим путем и надлежит пользоваться честным людям, желающим действительно помочь общему делу. Огульную же критику в печати, а равно тенденциозный подбор отдельных проступков того или другого агента власти объясняю не стремлением мне помочь, а желанием дискредитировать власть в глазах населения. За такие статьи буду беспощадно взыскивать как с цензоров, распустивших их, так и редакторов газет. Генераль Врангель”. Мелитополь, 27 сентября”²⁸.

*

В городах Крыма выходило около 20 газет различных политических оттенков. Часть из них существовала еще до революции, другие были созданы после 1917 года, но до времени правления Врангеля, последние, наконец, уже при нем. Лишь четыре газеты были лишены субсидий от правительства, но все в материальном отношении зависели от власти, так как она держала под своим контролем распределение покупаемой за границей бумаги. Субсидии были

совершенно необходимы большинству газет, почти не имеющих подписчиков; лишь органы, имеющие свой собственный источник финансирования, могли обходиться без помощи государства. Важную роль в размножении газет сыграл тот факт, что города маленького Крыма со значительным населением, как Евпатория, Ялта, Феодосия или Керчь, не были связаны между собой и крымской „столицей” Севастополем удобным и быстрым сообщением²⁹.

По мнению В. А. Оболенского, в Крыму было три независимые газеты, 2 „умеренные” („Таврический Голос” и „Великая Россия”). Остальные же он определяет как „явно монархические” или „рептильные”³⁰. По суждению самого Врангеля, „субсидируемые правительством органы, а таких было большинство, льстили власти самым недостойным образом, но в проведении общих руководящих мыслей государственного значения помочь правительству не могли. Исключение составляла газета „Великая Россия”³¹. По свидетельству В. Е. Павлова, в марковские части на фронт попадали газеты, дающие тылу успокаивающие сведения о боеспособности армии, но не призывающие его эту армию поддерживать. „Каковы были газеты раньше, таковыми они и оставались”, — печально констатировали марковцы³².

С внешней стороны большинство газет оставляло желать много лучшего: у них был незначительный объем, небрежная верстка, множество опечаток. В этой „типично мелко-провинциальной печати” часто появлялись нелепые, вымышленные сведения о заграничных делах, ложная оптимистическая информация о неминуемом близком конце советской власти. В газетах можно было прочитать о заключе-

нии союза с Махно, переходе на сторону белых Брусилова или Буденного. Впрочем, подобные слухи вполне закономерно появлялись в обществе, чувствующем малую надежность своего положения и склонном мечтать о спасительном чуде. Цена газет была относительно высокой из-за дороговизны бумаги и стремительно поднимающейся (быстрее, чем у других рабочих) зарплаты типографских рабочих: газетный наборщик, например, получал за набранную строку гораздо больше, чем написавший ее автор. К концу лета номер газеты обычно стоил от 500 до 800 рублей (фунт хлеба в сентябре стоил 200 рублей).

В июне на фронт доставлялось ежедневно 1620 номеров разных газет³³, в августе количество экземпляров на фронте уже перевалило за 10 000, но нередко газеты до боевых частей не доходили: их оставляли себе или даже перепродавали местному населению для чтения или „на цыгарки” штабные чины³⁴.

Основываясь на опубликованных исследованиях и свидетельствах³⁵, можно упомянутые разными авторами 20 крымских газет разделить на 3 „либеральные”, 4 „умеренные”, 3 явно монархические, 4 крайне монархические, 3 профессиональные (2 — крестьянские, 1 — профсоюзная) и 3 официальные.

Официальные газеты были военными органами. „Военный Голос” печатался в Севастополе, „Голос Фронта” — в Мелитополе, так же, как и казачья газета — „Сполох”. Помимо общего статейного материала, они в основном помещали военные приказы и правительственные распоряжения. Большой популярностью они, по-видимому, не пользовались.

„Таврический Голос”, „Южные Ведомости” и „Крымский Вестник” были три наиболее „либеральных” органа, выходящих в Крыму.

„Южные Ведомости” редактировал Н. Н. Богданов, видный таврический земский деятель. Газета печаталась в Симферополе в типографии губернского земства и ее финансово поддерживали Центросоюз и кооперативы. Распространялась она среди земских деятелей и радикально настроенной интеллигенции. „По отношению к правительству Врангеля газета была настроена определенно оппозиционно и проповедывала идею демократического обновления добровольческой армии и правительства”. Главными ее сотрудниками „являлись журналисты, причислявшие себя к народным социалистам”. Газета правительственной помощи не получала³⁶.

„Таврический Голос” также издавался в Симферополе. Как и „Южные Ведомости”, это была старая, еще дореволюционная газета. Ее сотрудники были кадетских или правозсеровских симпатий и среди них было много евреев. При крымском правительстве 1919 года газета считалась фактически официальным органом, но при ген. Врангеле возглавители „Таврического Голоса”, в большинстве своем деятели кадетской партии, оказались уже несколько „налево” от правительства, хотя в основном они его поддерживали и пользовались правительственной бумажной субсидией. Газета широко распространялась среди чиновничества и слоев населения, идейно связанных с добровольческим движением. Во главе газеты стояли Н. А. Казмин и Б. А. Ивинский — бывший редактор одесской красноармейской газеты, фигура несколько авантюристическая.

33-й год уже издавался в Севастополе „Крымский Вестник”. Его редактор И. Я. Нейман придавал газете направление, среднее „между обывательским социализмом и буржуазным либерализмом”³⁷. Газета уделяла много места городской жизни Севастополя и культурным вопросам. Она была неплохо оформлена и ее общий тон был спокойный, а информация — обычно качественная.

Среди газет умеренных, но идущих более в ногу с правительством, фигурируют „Вечерний Курьер”, „Юг России”, „Курьер” и „Великая Россия”.

Симферопольский „Вечерний Курьер” содержал в основном официальные сообщения и информацию о местной жизни. „Курьер”, издававшийся в том же городе Б. Ратимовым, был листком бульварного типа.

Севастопольский „Юг России” был газетой популярной, на хорошем уровне, и дающей разнообразный материал для чтения. Редактировал газету К. В. Егоров, в нее часто присылали рассказы и фельетоны Е. Н. Чириков и Арк. Аверченко. Не всегда „Юг России” избегал цензурных стеснений и его летом даже на время закрыл Тверской, при участии Немировича-Данченко. Посетив ген. Врангеля, Аверченко добился от него приказа, разрешающего возобновление выхода газеты.

„Великую Россию” Врангель считал самым серьезным крымским печатным органом. Ее издателем был Н. Н. Львов, редактором В. М. Левитский. Основана газета была В. В. Шульгиным еще в 1918 году, в Екатеринодаре. „В общем большой размер газеты, исправно поставленная информация и спокойный солидный тон придавали „Великой России” характер настоящего большого официозного органа”³⁸.

Большинство сотрудников газеты были монархистами, но монархизм их был интеллигентный и не навязчивый. Сенсаций газета избегала и нередко печатала статьи аналитического характера на политические, социальные и экономические темы.

Менее солидными и более явно монархическими были три другие газеты. В первую очередь это редактируемые Борисом Сувориным симферопольское „Время” и феодосийское „Вечернее Время”. Позицией этих газет было „фрондирование с определенным уклоном вправо и хлесткая критика в пределах дозволенного правительством”³⁹, впрочем, иногда переходящая эти пределы. Б. Суворин развивал свои ярко-монархические взгляды резко и энергично, что приходилось по вкусу многим, и его газеты пользовались значительной популярностью. „Вечернее Время” было легко читаемой, живой и разнообразной газетой. В Севастополе редактировалась Бурнакиным газета под тем же названием — „Вечернее Время”. Ее платформа была близка суворинской, но она уступала уровнем суворинским изданиям и была скорее бульварным листком, чем политическим органом. Бурнакин часто пропускал сенсационные, но нелепые слухи на страницы газеты.

Безусловно монархическую позицию занимал также „Ялтинский Вечер”, в котором, между прочим, сотрудничал Н. Савич и писал И. Сургучев. Эта газета приходилась по вкусу еще проживавшим в Ялте представителям бывших высших слоев императорской России.

Существовали еще три крайне правых монархических газеты: „Святая Русь”, в которой участвовал еп. Вениамин, выходила в Севастополе так же, как и „Царь-Колокол”, в котором участвовал Немиро-

вич-Данченко. Не дойдя до десятого номера „Царь-Колокол” был закрыт, „когда стал обличать в демократизме врангелевских министров”⁴⁰. В Севастополе же издавалась и „Заря России”, в которой ярый монархизм сочетался с чрезвычайным увлечением идеей союза с Махно: по этому вопросу газета передавала различные заманчивые, но непроверенные сведения.

В Ялте выходила газета „Наш Путь” — орган Совета профессиональных союзов этого города, под редакцией В. А. Руднева. В газете существовали отделы, посвященные земской жизни, кооперации и профессиональному движению. „Одинаковую неопределенно-пассивную позицию занимал орган ялтинского совпрофа, как по отношению белых, так и по отношению красных”⁴¹. „Наш Путь”, разумеется, особой благосклонностью властей не пользовался и его несколько раз на время закрывали.

Существовало две газеты, предназначенные для крестьянства: симферопольское „Знамя” и гораздо более распространенный орган Крестьянского союза Юга России — „Крестьянский Путь”. Газета „Крестьянский Путь”, редактируемая В. Я. Улановым, „старалась отразить крестьянскую жизнь, волостную, земскую работу, много говорила о необходимости крестьянского сельско-хозяйственного образования, знакомила крестьянство с бытом французских, датских, немецких и болгарских крестьян”. Появлялись в газете статьи исторического и нравственно-религиозного характера. В заголовке газеты было указано, что она издается „во славу Бога, во имя спасения Родины, торжества законности и правды, святости семьи и чистоты нравов”, а ее лозунгом было: „Мир — родине, Право — народу,

Земля — казакам и крестьянам”⁴². Хотя она и пользовалась широкой поддержкой казны, газета „Крестьянский Путь” прислужничеством не занималась и некоторые видные представители власти к ней относились с опаской. За исключением выше упомянутого случая, ген. Врангель был лично ей вполне удовлетворен⁴³.

Глава 13

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ В КРЫМУ. ШКОЛА И КУЛЬТУРА. БЫТ И НРАВЫ

Политическая жизнь в Крыму

На правом фланге политических сил, в общем поддерживавших ген. Врангеля, стояли ультрамонархисты. Мы видели выше, что они располагали несколькими газетами и их идеи защищались в прессе, порой с большим пылом, не лишенными таланта журналистами, как Борис Суворин. В 1920 году стихийный монархизм был явлением весьма распространенным среди жителей крымских городов. Порой он принимал несколько незрелые формы: Г. Вернадский, повествует, например, в своих воспоминаниях, что в Симферополе „в какое-то из воскресений большая толпа гимназистов /.../ после обедни собрались на площадь перед собором, чтобы выбрать царя. Почему-то выбрали князя Никиту Александровича (сына великого князя Александра Михайловича) ¹.

Среди офицерства Русской армии монархизм был самым распространенным политическим чувством, но он редко выливался в симпатию к определенной монархической политической группировке. Иногда у офицерской молодежи на вкус крымских властей, монархические чувства проявлялись слишком бурно: например, громким пением, в нетрезвом виде, гимна „Боже, царя храни”². Не всегда

удавалось власти умерить монархический пыл ее собственных пропагандистов: так, в секретном рапорте генерал-квартирмейстеру от 28 августа указано, что „в течении последних двух недель в прифронтовой нашей полосе появились „просветители” всяких сортов, ведущие явно-монархическую пропаганду; население к ним относится враждебно и определенно указывает, что „мы этого в приказах Генерала Врангеля не читали”. Эта пропаганда окончательно сбивает с толку население и подрывает веру во все благие начинания Центральной власти”³. Подобных пропагандистов ген. Врангель вскоре приказал удалять с фронта.

„Если же задаться целью нарисовать объективную картину политического курса, взятого Правительством Юга России со времени появления в Севастополе А. В. Кривошеина, — сетует Немирович-Данченко, — то следует прежде всего отметить, что так называемые монархисты серьезной поддержкой со стороны Правительства в Крыму не пользовались”. Даже епископ Вениамин, печально констатирует он, „был весьма далек от проповеди монархизма и ограничивался лишь призывами народа к покаянию и молитве за грехи революции”⁴. „Национальное Возрождение” — ультраправая монархическая организация, идеи которой выражала газета „Царь-Колокол” — было на плохом счету у властей, а Кривошеин, по свидетельству Немировича-Данченко, его членов „держал в черном теле”⁵.

На левом фланге политических сил, которым было по пути с ген. Врангелем, находились те кадеты, которые в отличие от П. Н. Милюкова, не отказались от идеи вооруженной борьбы против большевиков. Издававшаяся в Париже газета В. Л. Бурцева

„Общее Дело” выражала их взгляды, пропагандируя и полностью поддерживая политическую линию Врангеля. Из самых видных кадетских деятелей постоянно находился в Крыму лишь князь П. Д. Долгоруков, но некоторые из них, как, например, М. М. Федоров, приезжали на время.

Своеобразной общественно-политической организацией был новый „Крестьянский союз”, возникший летом 1920 года. Как и в одноименной организации при старом режиме, в нем видную роль играла интеллигенция, в данном случае в лице его основных вдохновителей А. Ф. Аладына и В. Я. Уланова. Идеи „Крестьянского союза” выражала газета „Крестьянский Путь”. Ниже приводится выдержка из объявления в печати о создании этой организации и о ее целях:

„Основы Крестьянского союза России

1. Крестьянский союз России выявляет организованную волю и интерес государственно-мыслящего крестьянства.

2. Крестьянский союз должен быть независимым и недоступен для воздействия всяких чуждых крестьянству, сил и влияний, откуда бы они ни исходили.

Цели Крестьянского союза России

3. Крестьянский союз ставит своей задачей организованное достижение крестьянством следующих целей:

А. В хозяйственном отношении

Развитие на основах крестьянской земельной и хозяйственной собственности хозяйственного благо-

состояния крестьянства как источника материально-культурного благополучия крестьян и экономического возрождения России, путем возбуждения самодеятельности и взаимопомощи крестьян и проведением через государственные учреждения соответствующей экономической политики.

Б. В политическом отношении

Крестьянский союз является беспартийной в политическом смысле организацией, исключаящей все, что может разъединить крестьянство, и выдвигающей такие интересы крестьянства, которые его объединяют, без различия национальности, религий и культурно-бытовых особенностей составляющих его групп.

Но, в виду государственного значения крестьянства, как живой силы населения, Крестьянский союз будет стремиться в очерченных рамках объединять крестьянство России в политически организованную силу, спаянную общими интересами, влияющую на проведение в жизнь крестьянских интересов в общественной, социальной и государственной жизни и строительстве России, выявлением мнения и воли организованного крестьянства чрез свои союзные организации и чрез своих представителей в общественных, земских и государственных учреждениях страны.

В. В культурном отношении

Подъем культурного уровня крестьянской среды путем образования культурных и просветительных учреждений и учебных заведений жизненно приспособленных к хозяйственно-бытовым условиям крестьянства вообще и отдельных его групп в част-

ности, а также развитие политического самосознания крестьянства в смысле выяснения его положения в государстве и в его отношениях к другим классам и слоям населения России”⁶.

В политическом отношении ближе всего к ген. Врангелю и А. В. Кривошеину стояла группа людей, занимавших ранее разные позиции, которых иногда называли „неомонархистами”. К ним причисляли П. Б. Струве, кн. П. Д. Долгорукова, В. В. Шульгина, а также руководителей „Великой России” — Н. Н. Львова, В. М. Левитского и Н. Н. Чебышева, газета которых наглядно выражала их общие взгляды. Вот как Львов характеризует их настроения в статье „За что мы боремся”, напечатанной 8 мая:

„В наших рядах есть люди разных политических воззрений, есть преданные идее монархии, но есть и такие, которые увлечены демократическими течениями. Только злая клевета может бросить нам обвинение в реакционных стремлениях. Нет, это не реставрация. Такое героическое напряжение воли не может быть направлено только для восстановления петербургского бюрократического порядка управления.

Никто не стал бы жертвовать столь многим, чтобы только увидеть во всем прежнем виде старый режим.

Глупые затеи неуравновешенных голов превратить трагедию русской жизни в ординарный фарс какого-то буланжизма обречены на провал.

Но точно также и все попытки навязать нам республику со всеми ее демократическими пошлостя-

ми являются вздорными измышлениями тех, которые ничего не понимают в происходящих кровавых событиях.

Никто не станет умирать за реставрацию; но точно также никто не станет жертвовать жизнью за торжество эс-эровской программы и учредительного собрания с Черновым во главе.

Дело идет о чем то гораздо большем. Люди не хотят быть рабами и не хотят видеть свою родину под властью самой позорной тирании, которую только можно себе представить”⁷. /.../

А вот соображения Н. Львова, изложенные в статье, „Как мы понимаем революцию”:

„/.../ Мы были и остаемся убежденными монархистами, но мы никогда не позволим себе навязывать наших убеждений другим, но равным образом мы всеми силами будем бороться против вырыванья для себя из рук власти разных вольностей и свобод, навязывания нам демократической республики и каких либо партийных программ. Россия выйдет из борьбы таковой, какой создаст ее воля людей, отдавших себя всецело делу борьбы. Они и будут строителями русской земли, а не те, кто отошел в сторону, боясь запачкаться реакцией в стане белых, и ищет добиться своих целей окольными путями вне и помимо армии. Борьба для нас обязательна. /.../

После пожара люди возводят наскоро постройки из обгоревших бревен и жердей, чтобы укрыться от зимней стужи, а не воздвигают каменного фасада на пустом месте. Земельный закон стремится привести к соглашению, примирить между собой соседей, до-

веденных до волчьего состояния всеми этими иска-
ниями земельной правды и революционными мето-
дами исправления вековой несправедливости. /.../

Не земельная нужда, а земельная неурядица была
причиной аграрной революции, и повсеместный по-
гром частновладельческих хозяйств явился не ис-
правлением вековой несправедливости, а социаль-
ным бедствием для России. Россия из страны самого
дешевого хлеба, вывозившей на многие сотни мил-
лионов зерновых продуктов за границу, превращена
в голодную страну, где население городов и север-
ных губерний вымирает от недостатка пищи. /.../

Мы глубоко ценим ту русскую общественность
60-х годов, которая выделила деятелей великих ре-
форм Императора Александра II, кн. Черкасского,
Унковского, Самарина, мировых посредников пер-
вого призыва и дала потом целый ряд судебных
деятелей и работников в земском и городском са-
моуправлениях. Эти люди, вышедшие большей ча-
стью из дворянских гнезд, умели своей работою на
местах сложить то, что наиболее ценно в наших
условиях, определенную общественную традицию,
они и в судах и в земствах создали настоящее рус-
ское народное дело, которым Россия по праву мо-
жет гордиться. Мы ценим труды и той русской об-
щественности, которая умела в девятисотых го-
дах справиться с нелегкою задачей управления в
России представительного строя и, оторвавшись от
революции, в течение десятилетия проводила в
Государственной Думе ту созидательную работу,
которая после неудачной японской войны подняла
Россию и дала ей период высокого подъема куль-
турной и хозяйственной жизни, прерванный лишь
внешней войной. /.../

В самое последнее время /.../ не русская, а партийная общественность создала у нас кереновщину с Хлестаковым из присяжных поверенных в качестве главнокомандующего, всю эту революционную банальщину с сладостным Авксентьевым, Виктором Черновым, Марусей Спиридоновой, с бабушкой русской революции и со всей плеядою, под псевдонимами и без псевдонимов изображавшую русскую революционную общественность во всех видах, тихую и буйную, левозсеровскую и правозсеровскую, приемлющую большевизм и неприемлющую его.

Эта же партийность, весьма наглая и притязательная, появилась и на Дону и на Кубани, вредила всем, чем могла, делу Добровольческой Армии, проявлялась в интригах Кубанской рады и Донского круга и в украинском пролазничестве. /.../

Задача заключается в том, чтобы разгадать психологию, удовлетворить запросы и реальные нужды живых людей, из сел, хуторов, станиц и деревень, не стремиться к захвату в свои руки народных масс, а научиться служить им. Это и есть единственный путь, на котором слагается демократия. Не властвовать, а служить. /.../

Если Жорес мог назвать революцию „варварским способом прогресса”, то это определение совершенно не приложимо к явлениям русской революции. Наша революция не включает в себя никаких элементов прогресса, это реакция, возвращение к самому дикому средневековью, варваризация России. /.../ Мы думаем, что большевизм не революционный путь к какой то новой цивилизации, свободной от грехов и преступлений старого общества, а страшное явление природы, которое все губит на своем пути. /.../

На обгорелом пепелище не место предаваться лиризму и мечтам, нужно строить то, что можно, далеко даже не такое жилье, какое было прежде и уничтожено пожаром”⁸.

„Неомонархисты” вели ожесточенный спор с идеями П. Н. Милюкова и его сторонников. В статье от 16 июня, озаглавленной „Теория двух властей”, Н. Львов полемизирует с концепцией Милюкова о том, что за судьбы России должен быть ответствен зарубежный политический центр, которому армии следует подчиниться:

„/.../ В то время, как ведется напряженная борьба и прежде всего нужно укрепить авторитет власти, ведется против нее подкоп.

Опасность слишком велика, чтобы снова допустить политическую игру в двоевластие, упуская из виду, как может отразиться придуманная комбинация на отношении к нам союзников и на снабжении армии. /.../

У людей, оторванных от России, создается особая эмигрантская психология.

Они не понимают, что армия не может быть придатком политики.

Нельзя сказать: „Вы там сражайтесь, а мы будем решать”.

Тот, кто ведет нашу армию, не может быть сведен на роль генерала, командующего только фронтом, он не может быть подчинен руководству какого-либо заграничного комитета, каких-либо кооперативных и демократических кружков.

Армия это не казахи, корниловские или марковские полки, не добровольческое войско, это не-

что гораздо большее — армия это все, потому что армия — это Россия”⁹.

Наконец, для иллюстрации образа мышления некоторых авторов газеты „Великая Россия” в общественно-экономической области, ниже приводятся соображения А. Трусовского из статьи, озаглавленной „Побольше производительного труда”:

„/.../ Единственным источником всех богатств является человек, вернее, человеческий труд. Дары природы лишь тогда делаются полезными человеку, когда они пройдут через человеческий труд. Национальная власть должна культивировать труд во всех видах и мудро и бережно направлять разрозненную деятельность русских людей на создание новых ценностей. Строить Россию можно только любовно по хозяйски. /.../

Богатую, теплую и уютную Россию мы увидим лишь тогда, когда вдоволь поработаем. Последние месяцы в Крыму наша интеллигенция все больше и больше начинает обращаться к производительному труду, где нет хозяев и рабочих. Растут кооперативные предприятия, артели, товарищества и т.п. Нельзя не приветствовать форму кооперации в виде артелей, являющихся довольно оригинальным русским хозяйственным институтом. В артелях интеллигентный коллективный труд находит великолепную почву для своего применения. Крепнет воля к труду, создаются деловые навыки, повышается дисциплина труда. Надо всеми силами содействовать возникновению торговых, промышленных, строительных, сельскохозяйственных, инженерных и других артелей, являющихся маленькими клеточками в большом хозяйственном организме России/.../”¹⁰

Помимо представленных выше более или менее сочувствовавших власти политических сил, в Крыму существовала и политическая оппозиция.

Некоторые правые круги, например, не только выражали свое неодобрение мероприятиям и руководителям власти в устной и письменной форме, но и конспирировали против нее. 1 июня Врангель „получил сообщение, что в Севастополе среди офицеров флота обнаружен „монархический заговор” и что значительное число офицеров арестовано”. Оказалось, что была попытка уговорить лейб-казаков из охраны ген. Врангеля арестовать его вместе с ген. Шатиловым. Власть предлагалось передать вел. князю Николаю Николаевичу, а до его приезда в Крым его пасынку — герцогу Сергею Лейхтенбергскому, состоявшему ординарцем при ген. Слащеве. При расследовании оказалось, что дюжина молодых офицеров попала под влияние большевистского агента — Пинхуса, который и устроил весь „заговор” с целью дискредитации власти. Пинхус был расстрелян, морские офицеры — на время отправлены по воевать на фронт¹¹.

Менее опереточную оппозицию представляли различные социалистические группы, меньшевистских или эсеровских симпатий, которых также было достаточно в крымских городах. Они были связаны с некоторыми профессиональными союзами и кооперативными организациями, как „Центросоюз”, который (так же, как и его филиалы) поддерживал по мере возможности коммерческие и административные связи со своим центром, находящимся в Москве. Когда в марте 1920 года советское правительство национализировало все кооперативные организации в РСФСР, главное руководст-

во Центросоюза перешло на положение советских государственных чиновников.

Естественным образом, правительство ген. Врангеля безо всякого доверия относилось к революционно настроенным и связанным с советской Россией служащим крымских Центросоюза, Днепросоюза и некоторых других кооперативных организаций. Особенно беспокоила власть находившаяся вне ее контроля „культурно-просветительная” деятельность этих организаций, дававшая возможность политического влияния на население. Когда Врангель в сентябре приказал произвести расследование деятельности некоторых кооперативных организаций и связанных с ними лиц и группировок, „лидерами оппозиции из состава севастопольского городского самоуправления, во главе с городским головой, социалистом-революционером Перепелкиным” был подан французскому верховному комиссару в Крыму меморандум, резко критикующий деятельность правительства. Но копия меморандума попала и в руки властей: ген. Врангель показал ее собравшимся у него по другой причине представителям крымской печати и упомянул перед ними о значении для его правительства доверия и помощи Франции. Под давлением „общественного мнения” Перепелкину пришлось оставить свою должность и покинуть Крым¹².

Школа и культура

В первые месяцы 1920 года положение школьного дела в Крыму было весьма неудовлетворительным. Учителей, местных и пришлых, было достаточно, продолжали существовать и учительские сою-

зы, но плохо обстояло дело со школьными зданиями, которые часто реквизировались по приходе воинских частей под лазареты. В Симферополе, например, три средние школы с тысячью учащихся были размещены лишь в одном тесном здании, с неудовлетворительными санитарными условиями. Самому Отделу народного просвещения и его начальнику Агапьеву пришлось поместиться „в маленьком темном помещении одной из низших школ, около базара”¹³.

Правительство ген. Врангеля уделило народному просвещению некоторое внимание. Так, например, на заседании Совета от 6 июля были даны штатные расписания крымских мужских и специальных гимназий, реальных училищ, 4-классных гимназий, коммерческих училищ и торговых школ, учительской семинарии, технических училищ, высших начальных училищ, начальных училищ, мужских и женских ремесленных школ и Таврического университета. На заседании же 16 июля было определено штатное расписание Никитского училища садоводства и виноделия¹⁴.

В сентябре, к примеру, открылись в Симферополе „подготовительные курсы для детей железнодорожных служащих”, на которых занятия проводились по программе средних учебных заведений¹⁵.

Очень остро стоял в Крыму вопрос о школьных учебниках. На заседании 3 сентября, выслушав „представление Начальника Гражданского Управления об издании учебников и учебных пособий и о закупке учебных и письменных принадлежностей для школ”, Правительство постановило:

„1. Воспретить вывоз книг из пределов территории Юга России за границу. 2. Отпустить из общих

средств Государственного Казначейства в распоряжение Начальника Гражданского Управления, в счет сметы сего Управления на 1920 год по Отделу Народного Просвещения, десять миллионов (10 000 000) рублей на покупку учебных книг на местном рынке”¹⁶.

На этом же заседании было решено выдавать „кормовое довольствие” (и „семейные прибавки”) служащим государственных учебных заведений.

Несмотря на усилия правительства, наладить сильно расстроенную школьную систему было не легко. Вот как описывает начало своих занятий в Феодосийской гимназии в то время 14-летний, возвращенный из полка в школу, доброволец:

„Начались занятия. Своего помещения у нас для этого не было. Пришлось ходить во вторую смену в тамошнюю гимназию. Преподаватели подобались неплохие. Такие, как Писаревский (учитель математики и физики), Сафронов (русского языка), Казанский (историк), в нормальных условиях могли бы быть украшением каждого хорошего среднеучебного заведения. Но, несмотря на это, дело как-то не ладилось. Учебников не было, все приходилось записывать. Классы не отапливались и в них было холодно. Но, главное, не было учебного настроения ни у нас, ни у преподавателей. Сидели как на тычке, не зная что с нами будет завтра. Больше интересовались военными сводками, чем заданными на завтра уроками”¹⁷.

Правительство поддерживало Таврический университет. Уже 7 апреля ген. Врангель его посетил и присутствовал на заседании его совета. 30 июля Совет при главнокомандующем постановил признать,

что средства на содержание Таврического университета подлежат отпуску из казны с 1 июля 1919 года¹⁸. Постепенно возвращалось к более нормальным условиям преподавание медицины, были приняты меры для возвращения из армии недоучившихся медиков. Приказ ген. Врангеля от 17 сентября гласил:

„Приказываю Главному Военно-Санитарному и Врачебному Инспектору всех студентов медиков третьего курса, имеющих зачет шести семестров, призванных для службы в армии приказом моим за № 3086 и ныне состоящих на службе в частях войск и лечебных заведениях в качестве фельдшеров, освободить от несения службы на время предстоящего учебного года в Таврическом университете для прохождения IV курса медич. факультета.

Прежде откомандирования студентов медиков из частей войск и лечебных заведений в таковые должны быть назначены фельдшера из числа окончивших Симферопольскую школу фельдшеров”¹⁹.

В Крыму уже работало или восстанавливалось несколько научных учреждений: Севастопольская биологическая станция Академии Наук, отделение Главной астрономической обсерватории в Синеизе, Карагадская научная станция (геологическая, зоологическая и ботаническая), Никитский ботанический сад. 21 августа было приказано сформировать в шести главных городах химико-бактериологические лаборатории для борьбы с эпидемиями²⁰. Приказом от 30 сентября была организована при Гражданском управлении „Государственная Археологическая Комиссия”: ей поручалось активное ведение архео-

логических работ и ее ведению подчинялись: „1) Херсонесская Дирекция Музеев и раскопок Тавриды, 2) Керченская Дирекция Музеев, 3) Генуэзский Замок в Судаче, Генуэзская Крепость и Археологический Музей в Феодосии, Ханский Дворец в Бахчисарае и 6) Музеи и памятники обороны в Севастополе”²¹.

Еще 28 апреля Врангель приказал всем военным частям и учреждениям сдать в „Комиссию для сбора Военно-Исторических материалов” в Севастополе „все имеющие военно-историческое значение документы, материалы и предметы, относящиеся к Освободительной от большевиков войне”, и делать это ежемесячно в будущем²².

Политическая часть при главнокомандующем, помимо своих пропагандных и осведомительных обязанностей, участвовала и в деле народного просвещения: при ее участии открывались народные читальни, были „учреждены в больших городах вечерние курсы для народа”. В Севастополе открылся и „Народный Университет”²³. По инициативе Кривошеина, начальники государственных управлений выступали с публичными докладами о своей деятельности и отвечали на них на письменные вопросы публики. По свидетельству ген. Врангеля, эти доклады вызывали большой интерес.

В культурно-просветительной области в Крыму продолжали играть значительную роль общественные организации: земства и городские самоуправления, профессиональные союзы, кооперативы, церковные организации, юношеские движения (как, например, активно работающие скауты). В Крыму существовали хорошие цирки, кино. В городах да-

вались концерты и театральные представления, объявления о которых часты в крымских газетах.

В Крым, под защиту белых войск, выехало много видных представителей интеллигенции. Жилось им трудно, даже тем, которым удавалось часто печататься или которые устроились на службу в крымские учреждения, где их ставка была от 3 до 7 раз ниже ставки рабочего. Жило в Крыму несколько (в настоящем или будущем) известных писателей. Сотрудничали в местных изданиях юморист Аркадий Аверченко, автор „Записок врача” В. В. Вересаев, весьма известный в то время Е. Н. Чириков, будущий советский драматург К. А. Тренев, автор пьесы „Осенние скрипки” И. Д. Сургучев, а также И. С. Шмелев. В Крыму жили Максимилиан Волошин и Осип Мандельштам, который одно время подпал под подозрение властей и провел несколько дней под арестом. В Феодосии жил и Илья Эренбург, в то время проклинавший большевиков и писавший стихи о Святой Руси (он эвакуировался с армией ген. Врангеля в ноябре) ²⁴.

Нравы и быт

„Жалобы на тяжелое экономическое положение встречаются почти в каждом письме”, — пишет в своем отчете военный цензор, ответственный за просмотр частной корреспонденции. Он приводит выдержки из писем: „Мы обедаем не каждый день и не более трех раз в неделю, несмотря на работу трех нас, мы не можем позволить себе эту роскошь”/.../„на наши кормовые, конечно, можно кормить разве цыпленка, но никак не человека”²⁵. В крымском обществе, иронизирует автор анонимной

статьи в „Великой России”, „произошла полная переоценка ценностей. Редактор газеты получает вдвое меньше типографского рабочего, чистильщик сапог зарабатывает жалованье сенатора, судовой рабочий получает больше офицерского оклада. Но все могут утешаться мыслью, что они стали архимиллионерами, и тратят во много раз больше тысяч, чем в старое время граф Шереметьев или Рябушинский”²⁶. Как это уже было указано в предыдущих главах, труднее всего было жить военным и служащим, которые должны были пропитать себя, а порой и семью, лишь на свое скудное жалованье. К ранее приведенным можно прибавить пример прокурора севастопольского военно-морского суда, ген. И. С. Дамаскина, который „бегал по урокам, чтобы как-нибудь прокормить свою крошечную семью”²⁷. „Приходилось думать не об элементарных удобствах, — пишет другой видный крымский судебный деятель, — а о том, чтобы не свалиться от истощения в тяжелом труде...”²⁸

„Можете себе представить бедность материальную и духовную, в которой мы живем, — говорил Шулгину сам А. В. Кривошеин. — Вот у меня на жилете эта пуговица приводит меня в бешенство, — я вторую неделю не могу ее пришить. Мне самому некогда, а больше никому. /.../ Вы не смотрите, что со стороны более или менее прилично, и все как по-старому. На самом деле под этим кроется нищета”²⁹.

Скудость материального существования порождала, как обычно, целый ряд нездоровых явлений, мелкую и крупную спекуляцию и жульничество. Тот, кто имел на это силы и время, мог подрабатывать физическим трудом, создавать (часто вполне честные) коммерческие или кустарные предприя-

тия. Таким образом, например, группа севастопольских мальчиков — скаутов звена „Буревестник” — сама оборудовала в заброшенном помещении механическую мастерскую и принимала заказы на починки, позволявшие им значительно помогать своим родителям.

Трудные условия жизни и общая политическая ситуация нередко порождали у людей уныние и ощущение безысходности: „все надоело, все противно и жаждешь лишь покоя и покоя... Это общая мечта, все устали до изнеможения”, — читалось в просмотренном военным цензором письме³⁰.

Для людей, не поглощенных увлекающим их делом, а таких было большинство среди наполнявших Крым беженцев, особенно невыносимо было видеть вокруг себя богатую жизнь преуспевающих спекулянтов. Среди них было много евреев, что вызывало во всех слоях населения обострение враждебных чувств к ним, против которых власти боролись активно, но не всегда успешно³¹. По словам сообщения ген. Врангеля на заседании Совета при главнокомандующем 23 июля: „Усиление в последнее время еврейского влияния в различных областях экономической жизни страны вызывает глухое недовольство коренного населения и служит благодарною почвою для погромной агитации на фронте и в тылу”³². Если против настроений, разумеется, властям бороться было трудно, следует к их чести указать, что антиеврейские конкретные действия, впрочем, оставшиеся единичными, ими всегда наказывались беспощадно.

С экономическим положением было связано и другое, характерное для крымского населения чувство — нелюбовь к западным „союзникам”. Помимо

всем известных внешних явлений, как заигрывание английского правительства с советской Россией или различные препятствия, чинимые Англией и Францией снабжению Крыма, недружелюбные чувства к иностранцам питались и их поведением в Крыму. По свидетельству А. А. Валентинова, „бестактное поведение иностранных морских офицеров и матросов, скупающих за бесценок наши произведения искусства и драгоценности, вызывает кругом плохо скрываемое раздражение”³³. В ожидании иностранного покупателя „св. иконы и безжалостно содранные с них ризы /.../ среди разного хлама валяются в комиссионных магазинах”³⁴. В частном письме крымский обыватель пишет, что „наши союзники — англичане /.../ скандалят и безобразничают чуть ли не ежедневно, держат себя вызывающе и учиняют драки, видимо заразились от большевиков, а поэтому и немудрено, что отношения к ним самые неблагоприятные”³⁵.

Эти коллективные чувства, разумеется, были не менее несправедливыми, чем огульное обвинение евреев во всех бедах России. Встречались примеры совсем другого отношения со стороны иностранцев: описывая в „Великой России” тяжелую обстановку и заброшенность детей в севастопольском приюте для девочек, В. Левитский пишет, что „в приюте почти никто не бывает. Только один человек принимает близко к сердцу его нужды. Он любит детей и даже устроил для них загородную прогулку. Это... адмирал американской службы”³⁶.

Плохая пища и антисанитарные условия жизни в крымских переполненных городах способствовали частому возникновению эпидемических заболева-

ний. Вот, к примеру, страшная в своем лаконизме заметка из газеты от 11 сентября:

„Симферополь. 10.IX. (Собств. кор.) Усилились заболевания брюшным тифом. Эпидемия протекает чрезвычайно тяжело. Процент смертности превышает смертность от сыпного тифа”³⁷.

Своеобразные черты крымского быта отражаются в самых различных документах. Вот, например, выдержка из приказа от 28 июля, подписанного ген. Шатиловым:

„Мною замечено, что несмотря на ограниченный запас горючих и смазочных материалов, отсутствие резины и запасных частей, при общем недостатке их на фронте, тыл продолжает широко пользоваться автомобилями для личных и увеселительных поездок.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1) сократить до минимума поездки служебные,
2) прекратить безусловно поездки не служебного характера и

3) категорически воспретить езду на казенных автомобилях лицам, не состоящим на службе армии и правительственных учреждений Вооруженных Сил Юга России.

Скорость движения по городу — не свыше 15 верст в час.”³⁸/.../

В приказе же от 18 апреля значилось:

„/.../ Приходится отметить, что не все сестры милосердия проникнуты сознанием того святого дела, к которому они призваны, и некоторые из них, появляясь в костюме сестры милосердия в увеселительных местах, роняют то высокое звание, к которому все привыкли относиться с полным уважением. Ча-

сто костюм сестры милосердия носится многими лицами, не имеющими на то никакого права.

Воспрещаю сестрам милосердия посещение в форме: театров, кафэ, кинематографов, общественных гуляний и пр. увеселительных мест. Необходимо помнить, что костюм сестры милосердия нужно носить так, чтобы все к нему относились с полным уважением”³⁹.

А вот еще заметка из „Великой России” от 11 сентября:

„Электричество

Электрическое освещение в городе будет производится в будние дни с 8 до 12 ч. вечера и в воскресные и праздничные дни с 8 до 12 с полов. ч. ночи”⁴⁰.

В севастопольских ресторанах часто встречались „милые дамы, которым решительно все равно, что делается на белом свете, лишь бы были духи, помада и наряды”⁴¹. В просторечии их называли „фунтоловками”, „лирическими дамами” или „принцессами долларов”, в зависимости от той валюты, которая была необходима, чтобы добиться их расположения⁴².

Атмосфера загнанности, сменяющихся надежд и страхов, способствовала возникновению самых фантастических слухов: об объявлении царя, о прибытии немецких аэропланов или о выходе в поход казачьей армии во главе с ген. Красновым. Возлагались огромные надежды на новые, более или менее серьезные изобретения. Так, например, 27 июля Совет при главнокомандующем ассигновал „не свыше

шести миллионов рублей на устройство опытной станции” для испытания изобретенного инженером-поручиком Ф. М. Синицыным „генератора вынужденных незатухающих колебаний для радиотелеграфных станций”⁴³. А 30 июля был отпущен миллион рублей „на производство испытаний экономического способа отопления, предложенного инженером-технологом Бродским”⁴⁴.

У многих служащих, гражданских и военных, к началу 1920 года семьи находились за границей и как только положение в Крыму несколько упрочилось, они начали всячески оказывать давление на власть, чтобы беженцам была дана возможность вернуться. Ген. Врангелю, учитывавшему экономические и военные обстоятельства, казалось целесообразным возвращение в Крым лишь военнеспособных беженцев. В отношении же других он неохотно уступил давлению общественного мнения.

По подсчетам ген. Лукомского к концу июня в Турции было 35 000 русских (из них 21 000 беженцев, из которых 10 000 в Константинополе); в Египте их было 3 520; в Салониках, на Лемносе и на Кипре — 6 100, в Болгарии и Сербии — 20 000⁴⁵. В своем докладе на заседании Совета при главнокомандующем 7 июня начальник Военного управления оценивал общее число русских беженцев за границей в 60 000, из которых 6 000 — в Грузии. Ниже приводятся некоторые выдержки журнала Совета от 7 июня:

„/.../ Наиболее тяжелым надо признать положение русских беженцев в Грузии, где местные власти не оказывают им никакой помощи. Помощь же со стороны Правительства Главного Командования, за недостатком денежных средств, не может быть по-

ставлена на должную высоту. Несколько более удовлетворительным, особенно в последнее время, надо признать положение русских беженцев в Египте и на Островах Кипре и Лемносе, где им, до известной степени, обеспечены жилище и продовольствие. Наряду с этим, однако, здесь надо отметить такие отрицательные стороны, как стеснение свободы, выражающееся в содержании беженцев в концентрационных лагерях, принудительные работы, иногда весьма грубое отношение администрации и т.д.

Положение русских беженцев на Принцевых Островах, в общем, можно признать удовлетворительным.

Еще более удовлетворительным надо признать положение русских беженцев в Сербии и Болгарии; так, Сербским Правительством разрешен размен для беженцев денежных знаков Главного Командования на сумму 2 1/2 миллиона динаров ежемесячно по курсу 500 динаров за 1 000 рублей. /.../

Исторические воспоминания еще настолько живо чувствуются Сербами и Болгарами, что можно питать полную уверенность в том, что русские беженцы в этих Государствах не будут оставлены без существенной помощи. /.../

Перейдя за сим к обсуждению мероприятий по урегулированию вопроса о русских беженцах за границей, Совет остановился на нижеследующих основных положениях:

1. Приступить к организации возвращения из заграницы беженцев на территорию, занятую Вооруженными Силами Юга России.

/.../

3. Поручить Начальнику Управления Финансов в срочном порядке представить финансовый план и расчет кредитов, потребных как на оказание помощи беженцам за границую, так и на обратное возвращение их на родину.

4. Поручить Начальнику Морского Управления озаботиться заготовлением для перевозки беженцев тоннажа в возможно больших размерах.

/.../

6. Преподать Начальнику Гражданского Управления, относительно порядка возвращения беженцев на родину, нижеследующие указания:

а) Всем желающим беженцам предоставляется право возвратиться на родину одиночным или групповым порядком за собственный счет.

б) Предупредить беженцев о тяжелых экономических условиях жизни в Крыму и о том, что, по прибытии беженцев в Крым, Правительство слагает с себя обязанность заботиться о дальнейшем их устройстве и обеспечении, а тем более об эвакуации за границую при каких бы то ни было обстоятельствах.

/.../

г) Преимущественным правом на перевозку за счет казны пользуются: а) боеспособные беженцы и их семьи, б) семьи военнослужащих, сражающихся в рядах Русской Армии, в) семьи лиц, состоящих на службе в Военных и Гражданских Учреждениях Вооруженных Сил Юга России и г) беженцы, находящиеся в особо бедственном положении.

д) В первую очередь вывезти беженцев, в том числе и Кадетский Корпус, из Грузии, затем последовательно: из Египта, с острова Кипра и острова Лемноса”⁴⁶ /.../

В порядке политики разрешения возвращения беженцев в Крым, 16 июля Совет при главнокомандующем постановил „сократить размеры помощи отдельным русским беженцам, сохранив таковую лишь за крайне нуждающимися”⁴⁷.

Трудно определить, какое количество беженцев действительно вернулось в Крым. В частном письме от начала августа выражено „возмущение тем, что семьи чинов Штаба Главнокомандующего и вообще „семьи сильных мира сего” приехали уже из заграницы” в то время как семьи военных и служащих, лишенных особой протекции, „до сих пор не получают возможность вернуться в Россию”. „Главному Командованию, — продолжает автор письма, — необходимо для успокоения офицерства объявить, когда же и на каких пароходах и откуда едут резвакуированные наши семьи”⁴⁸.

Развитие событий, разумеется, вполне оправдало медлительность властей в деле возвращения в Крым русских беженцев.

Глава 14

ЦЕРКОВЬ И РЕЛИГИЯ

При ген. Деникине высшая церковная власть была разделена между двумя учреждениями — „Управлением вероисповеданий”, во главе которого стоял князь Г. Н. Трубецкой, и „Временным высшим церковным управлением на юго-востоке России”, созданном в мае 1919 года и собиравшемся под председательством архиепископа Донского и Новочеркасского Митрофана. Первое учреждение ведало всеми исповеданиями, второе — исключительно делами православной церкви.

Во главе военного и морского духовенства стоял „Протопресвитер Армии и Флота” о. Георгий Шавельский.

При ген. Врангеле реорганизовано было сперва военное духовенство. „Разбитому душой, глубоко морально потрясенному” о. Г. Шавельскому Врангель поручил „ознакомиться на месте с положением наших беженцев за границей”¹. Управляющим военным духовенством был назначен, 31 марта, епископ Севастопольский Вениамин, его помощником — прот. Г. Спасский.

Епископ Вениамин и архиепископ Таврический Димитрий не считали необходимым воссоздание Управления вероисповеданий и думали, что дело инославных исповеданий достаточно было бы поручить ведению Гражданского управления: они в этом смысле обратились к управляющему делами Совета

в письме от 18 мая². На своем заседании 4 июня, Совет при главнокомандующем ВСЮР заслушал доклад заместителя председателя Высшего церковного управления архиепископа Полтавского Феофана „об организации управления делами Православного и Инославных Исповеданий” и постановил:

„1. Признать, что учреждение в настоящее время самостоятельного Управления Исповеданий не представляется необходимым.

2. Возложить Управление делами Православного Вероисповедания на Высшее Церковное Управление на основаниях, установленных Всероссийским Священным Собором.

3. Передать дела Инославных Исповеданий в ведение Гражданского Управления, по Отделу Внутренних Дел.

4. Предоставить Председателю Высшего Церковного Управления участвовать в заседаниях Совета при Главнокомандующем, с правом совещательного голоса, по делам, касающимся Православной церкви, а также по делам, непосредственно связанным с важнейшими жизненными интересами Государства и русского народа.

5. Предоставить Председателю Высшего Церковного Управления право непосредственных докладов Главнокомандующему по делам Православной Церкви.

6. Передавать на предварительное заключение Высшего Церковного Управления дела о предоставлении льгот и преимуществ Инославным Исповеданиям”³.

Эта резолюция отвечала желаниям еп. Вениамина и архиеп. Димитрия, за исключением предоставле-

ния председателю Церковного управления лишь совещательного голоса. Позже, по просьбе Церковного управления, ген. Врангель удалил из постановления слова „с совещательным голосом”⁴.

Положение, согласно которому работало Высшее церковное управление в 1920 году, было выработано еще в мае 1919 года собравшимся в Ставрополе церковным собором. Вот как передает содержание этого документа Б. П. Кандидов :

„§ 1 указанного положения гласил, что организуемому управлению будет принадлежать вся высшая церковная власть впредь до установления правильных сношений с патриархом Тихоном. Состав определялся из трех епископов (один из них председатель), двух представителей духовенства и двух мирян”.

В § 6 говорилось, что Управление „простирает свои полномочия на все области России по мере освобождения их вооруженными силами Юга России”. В § 7 было указано, что „в эти области могут войти и епархии украинской церкви, автономия коей была признана всероссийским церковным собором”. В § 8 было указано, что Высшему церковному управлению „подчиняются все духовно-учебные заведения и церковно-приходские школы”, „в порядке высшей инстанции”. Но церковное управление ведало далеко не всеми церковными делами: епископам было предоставлено решать самим ряд важных местных вопросов⁵.

31 марта ген. Врангель выслал архиеп. Димитрию письмо с предложением, ввиду отъезда нескольких членов церковного управления, „озаботиться в бли-

жайшие дни изысканием способов устройства высшей церковной власти". 6 апреля состоялось совещание в составе архиеп. Димитрия, прот. Г. Шавельского и графа П. Н. Апраксина. Оно решило пригласить в Высшее церковное управление архиеп. Полтавского Феофана, еп. Севастопольского Вениамина, о. С. Булгакова и А. А. Салова. Уехавшего позже о. Г. Шавельского заменил прот. Г. Спасский. Позже пригласили и пребывающего за границей митр. Антония Киевского: он приехал в Крым в конце сентября и стал „почетным председателем" Высшего церковного управления⁶.

Наиболее активным и авторитетным членом церковного управления был епископ Вениамин. Архимандрит Вениамин (Федченков) был членом Всероссийского церковного Собора 1917/18 годов, затем стал редактором Симферопольской семинарии. Г. Вернадский, который с ним общался в 1919 году, пишет о его большом „духовном подъеме", а также о том, что он „вдохновенно совершал церковные службы"⁷. Епископом он стал в 1919 году, и произвел большое впечатление на Врангеля, высланного в Крым ген. Деникиным. После возвращения из Константинополя в Крым в марте 1920 года, Врангель, в минуту тяжелых сомнений, опять обратился к еп. Вениамину, который его укрепил духовно и благословил на возглавление армии и личную жертву ради России „старинной иконой" Божьей Матери⁸. В 1920 году еп. Вениамину было 35 лет.

В Крыму возник ряд широких планов для оживления и укрепления приходской жизни. В апреле подал на эту тему записку инженер Петр Виридарский: он предлагал для „национально-государственного воспитания народа" и для борьбы с влияни-

ем социалистических идей „создание из православного прихода основной ячейки общественной и государственной жизни”, а также устройство „мощной сети приходских кооперативов со своим центральным кооперативным учреждением”.

В июне был подан церковному управлению другой проект, от „Русского народного кооператива”, предлагающий подобные мероприятия. Подписан он был ген. Заустиным и В. Петровым.

Несколько позже появился и третий проект, из предыдущего источника. Он указывал на связь объединения русского народа на почве экономической с объединением на почве церковной и политической и предлагал из приходских кооперативов сделать „религиозно-коммерческие предприятия”.

В конце августа церковному управлению был представлен детальный устав церковно-приходских кооперативов, к нему был добавлен проект устава „Всероссийского братства св. Креста Господня”, ставивший перед братством четыре цели:

- „содействовать укреплению православной веры в русском народе”,
- „всячески способствовать восстановлению в прежнем благолепии православных святынь”,
- „распространять просвещение в духе христианской веры и исконных русских начал”,
- „всеми мерами содействовать к устройению народной жизни в мире и взаимной любви русских людей между собой”.

Отделения братства составляли „братья” и „сестры” одного прихода, войсковой части или учреждения, имеющего свою церковь.

Высшее церковное управление поручило ген. Заустиному организацию церковно-приходских ко-

оперативов. Братство было разрешено организовать в пределах Таврической епархии⁹.

22 сентября Высшее церковное управление издало указ, отражающий его точку зрения на приходскую жизнь и ее цели:

„/.../ Несмотря на издание Священным Собором приходского устава, коим намечаются широкие перспективы приходской жизни, как показывает опыт, во многих православных приходах незаметно никакого оживления. Между тем, без возрождения прихода совершенно немыслимо не только процветание всей русской церкви, но и духовное обновление русского народа, отравленного ядом социальной революции и выбитого из колеи современной действительностью.

Однако, для успешной и скорой работы по возрождению прихода одних приходских сил оказывается недостаточно, между прочим, в виду новизны самого дела, которое отнюдь не может состоять лишь в упорядочении церковно-приходского хозяйства, но должно выразиться в создании целого ряда церковно-просветительных и религиозных приходских учреждений и, в частности, объединить приход на почве всякого вида продовольственной, производительной, кредитной, благотворительной и прочей взаимопомощи.

В этих целях представляется крайне важным иметь, по крайней мере, двух опытных инструкторов, которые могли бы, объезжая приходы, давать все нужные указания, советы и справки, в целях наилучшей организации приходской жизни и сплочения верующих на почве не только религиозно-просветительных, но и житейских интересов в еди-

ное целое, живущее устойчивым христианским бытом, дорожащее святою церковью и привыкшее к широкой общественности под руководством наиболее выдающихся и сильных приходских деятелей” /.../10

Высшее церковное управление обратило внимание и на школьные дела. В сентябре оно обратилось к А. В. Кривошеину с просьбой восстановить церковно-приходские школы¹¹. 15 октября Правительство утвердило штаты епархиальной женской гимназии, духовной семинарии и духовного училища¹².

Летом возник проект создания высшей духовной школы, инициаторами которого были П. Кудрявцев и И. Четвериков. Проект был отклонен церковным управлением, предложившем взамен организовать „бесплатные богословские курсы” для всех желающих¹³.

Церковные праздники и торжества играли значительную роль в общественной жизни Крыма. Таким образом, например, были отпущены „продукты натурой” в день Пасхи, всем служащим в войсках, управлениях и учреждениях¹⁴. 12, 13 и 14 сентября были объявлены „днями траура и молитвенной памяти убиенных и в смуте погибших”, с запрещением „всякого рода публичных зрелищ и увеселений”¹⁵. В эти дни должны были повсеместно совершаться торжественные богослужения с оглашением особого послания народу. Это послание, очень пышно написанное, призывало весь народ к покаянию в грехах: „богоотступничестве многих”, „духе мятежного своеволия и бунта”, приведшего „к страшному греху цареубийства”, „братоненавистничестве” и „бо-

гопротивной и злобной партийности”, наконец „поклонении золотому тельцу” народа, обманутого учением, что „одним хлебом жив человек”.

В эти дни проявил кипучую деятельность уже вышеупомянутый о. Владимир Востоков. 8 сентября он подал в Высшее церковное управление докладную записку, предлагающую населению Крыма „взять св. Крест и хоругви и дружным нравственным воинством двинуться к фронту, впитывая в свои ряды всех верующих в спасение России силою Животворящего Креста Господня”. На фронте следовало обратиться к красноармейцам с призывом „влиться в ряды нашего шествия на поклонение родным, но поруганным от сатанистов святыням Киева, Москвы и других мест”.

Высшее церковное управление, разумеется, к этому предприятию отнеслось отрицательно, но неугомонный о. Востоков все же назначил срок и место созыва своей духовной армии: 14 сентября недалеко от Симферополя собралась сотня женщин с котомками и образами, а сам о. Востоков — не явился¹⁶.

Подобные речи вели и некоторые другие проповедники: один из них предлагал, в Керчи, выйти народу с хоругвями навстречу красным войскам, которые, так как в шествии будут участвовать женщины и дети, не посмеют открыть огня¹⁷. Эти патологические явления¹⁸ не поддерживались церковными и государственными властями. Излиянию народного религиозного чувства давались другие возможности, как об этом, например, свидетельствует нижеприведенное газетное сообщение, от 23 сентября:

„Чудотворная икона в Мелитополе

Мелитополь 20 сентября. Сюда прибыла чудотворная икона Курской Божьей Матери в сопровождении епископа Вениамина. Икона прибыла в поезде Главнокомандующего. Для встречи иконы из города направился крестный ход, в сопровождении военных и гражданских властей, городского и земского самоуправления, учащихся и массы молящихся. Икона была вынесена Генералом Врангелем, который благословил иконой собравшийся массой народ, икону поддерживали генералы Шатилов и Кутепов. Крестный ход с иконой направился к собору, где на площади был отслужен молебен епископом Вениамином, обратившимся к молящимся с глубоко прочувствованным словом. Икона отбывает на фронт”¹⁹.

Еще в конце марта епископ Вениамин обратил внимание ген. Врангеля „на угрожающий упадок нравственности в армии”. „Междоусобная война со всеми ее ужасами, — считал он, — извращала все нравственные понятия, грязнила душу”, а духовенство в войсках почти не работало²⁰. Соглашаясь с этим мнением, Врангель 10 апреля подчинил управляющего военным духовенством непосредственно себе, „включив Управление военным и морским духовенством на время военных действий в состав штаба главнокомандующего”, и учредил при этом Управлении десять должностей „проповедников армии”²¹. Проповедниками были назначены не только члены духовенства, но и миряне. Управлению был предоставлен „вагон-церковь” для совершения богослужений в местах, где не было храма²².

П Р И К А З Ъ

Главногокомандующаго вооруженными силами на Югѣ Россіи.

№ 3006

г. Севастополь.

10го Апрѣля 1920 г.

Учредить при Управляющемъ военнымъ и морскимъ духовенствомъ десять должностей проповѣдниковъ арміи съ окладомъ жалованья въ размѣрѣ 16.800 рублей въ годъ и прочими видами денежнаго довольствія, установленными приказомъ Главногокомандующаго, 1919 г. за № 2713, съ послѣдующими измѣненіями, объявленными въ приказахъ Главногокомандующаго.

Означенныхъ проповѣдниковъ содержаніемъ удовлетворять по Управленіи военнымъ и морскимъ духовенствомъ.

ГЕНЕРАЛЬ-ЛЕЙТЕНАНТЪ

/ По управленіи военнымъ и морскимъ духовенствомъ./

Деятельности своих проповедников, „повсюду разъезжающих с богослужениями, проповедями, беседами”, еп. Вениамин придавал большое значение и сетовал на затруднения с транспортом, с которыми они часто сталкивались. Самому еп. Вениамину, объезжавшему фронт в июле, пришлось два раза совершить длинные переходы пешком: „Конечно, — констатирует он, — это апостольский способ проповеди. Но время теперь чрезвычайно дорого”.

Помимо услуг „штатных” проповедников, церковное управление поручило о. Сергию Булгакову, бывшему профессору политической экономии, организовать группу добровольных „лекторов из профессуры и интеллигенции”²³. О содержании проповедей и об их успехе нам не удалось обнаружить много данных. Г. Раковский, не всегда надежный свидетель, пишет о „миссионере” Рудакове, призывавшем 3-й стрелковый полк Дроздовской дивизии идти крестным ходом на Москву, чем он и присоединит к себе встречающийся на его пути народ. Призывал он также написать „За Веру” на полковых знаменах²⁴.

Ген. Врангель предназначал проповедь военных проповедников не для одних воинских частей: еще 15 мая начальник штаба главнокомандующего, ген. Махров, писал еп. Вениамину, что в перспективе предстоящего наступления „главком просит, Вашего, Владыко, распоряжения о назначении опытных проповедников с тем, чтобы они, прибыв в корпуса до перехода их в наступление, по занятии нового района, могли бы незамедлительно начать проповедь слова Божия, излагая попутно наши задачи по воссозданию России на новых началах”²⁵.

Внимание властей коснулось также полкового духовенства: уже весной почувствовалось улучшение в деле духовного окормления частей. По свидетельству офицера-марковца, при наступлении 25 мая, „кажется, в первый раз за всю гражданскую войну полковые священники были на месте: напутствовали части в бой, хоронили убитых и жителям напоминали, что пришло Христолюбивое Воинство”²⁶.

Приказом от 30 сентября оклад членов духовенства, занимающих в полках должности священников или работающих в армии санитарями, был приравнен к окладу младших офицеров²⁷. Было также организовано духовное окормление пленных красноармейцев и мобилизованных во время их военной подготовки.

Не одно православное духовенство духовно окормляло Русскую армию. Еще со времени ген. Деникина был в ней мусульманский мулла. 15 июня был официально введен в штат старообрядческий священник о. Иаков Никулин (который также уже служил при Деникине), а 24 октября — католический капеллан. Со своей стороны, Донской атаман ген. Богаевский дважды ездил на фронт в сопровождении буддистского „жреца” для вручения знамен калмыцким частям²⁸.

Было указано выше, что земельный закон Врангеля не отчуждал земель, принадлежавших церквям различных вероисповеданий. Но так как православной церкви принадлежало много земель, ген. Врангель обратился в июле к архиеп. Димитрию с просьбой пойти в земельном вопросе навстречу нуждам населения. В своем ответе от 2 сентября Высшее церковное управление отказалось „взять на себя

какое-либо решение по этому сложному и ответственному делу до рассмотрения его Святейшим Патриархом и Всероссийским Собором". Однако в сопровождающем официальный ответ письме П. В. Верховского было указано: „Но если правительство признает необходимым все же применить закон 25 мая 1920 г. о земле к церковно-монастырским землям, просить Государственную Власть, чтобы по применению этого закона к церковно-монастырским землям, насельники монастырей и церковные причты были бы снабжены уделами земли наравне и на общих основаниях с другими лицами, получающими земельные наделы”²⁹. Верховский также просил, чтобы каждый отдельный случай отчуждения земли обсуждался с высшей церковной властью. По-видимому, этот вопрос до эвакуации так и не был окончательно решен.

Высшее церковное управление, и еп. Вениамин лично, хотели активного участия Церкви в государственном строительстве. Очень показателен в этом отношении секретный доклад еп. Вениамина после его поездки по Северной Таврии от 2 до 16 июля. В своем докладе еп. Вениамин раскрывает печальные явления, которым он был свидетелем: он пишет о недостаточной активности судебно-следственных комиссий, о назначении в некоторых селах бывшего начальства, о реквизициях лошадей, необходимых населению, о плохо поставленном деле пропаганды, об избиениях при мобилизации крестьян в армию... Своим наблюдениям он подводит следующий итог:

„Необходимо /.../, чтобы, во-первых, все, начиная с Главнокомандующего, посещали народ, бывали в деревнях, говорили с ним задушевно, просто, а не

чурались его и не ограничивались одними лишь торжественными наездами; нужно, чтобы народ видел, что ему доверяют и уважают его личность, любят его по-христиански; во-вторых, необходимо, чтобы всякие грубости искоренялись беспощадно, как провокационно-губительные действия, подрывающие нравственные взаимоотношения между высшими и низшими; необходимо, чтобы перестал народ бояться и чураться нас; для этого нам нужно всячески опасаться давления своей личностью, особенно, кто занимает высокое положение; великая заслуга начальника сочетать власть с простотой.

Что дивного, если боятся начальника маленькие люди, если и я, епископ, управляющий большим делом, далеко не всегда свободно чувствую себя в присутствии властей прежней духовной складки. Мы должны быть просты, народны, благожелательны, открыты. И народ пойдет за нами. Особенно нужно теперь обратить внимание на сельский народ. Ведь совершенно ясно, что не одно офицерство, тем более не интеллигенция и не горожане спасут Россию, а крестьянство”³⁰.

Хотя Высшее церковное управление поддерживало политические цели ген. Врангеля и помогало власти их пропагандировать, оно не всегда соглашалось с целесообразностью проводимых мер. Характерен следующий случай. К еп. Вениамину обратился начальник Военного управления с представлением о необходимости побуждать сельское духовенство занятых районов энергично поддерживать идеалы, за которые борется Русская армия, в проповедях населению. Со своей стороны, ген. Кутепов телеграфировал в церковное управление о том, что „духовен-

ство безучастно в строительстве Русского государства”, что многие его члены „боятся проявлять свой долг”, и предлагал устроить съезд духовенства в прифронтной полосе. Но высшая церковная власть прекрасно понимала, что место священника среди своих прихожан, какие бы ни были превратности гражданской войны, и не видела смысла подвергать приходское духовенство верной смерти в случае возвращения красных. В своем ответе ген. Кутепову Высшее церковное управление защитило позицию сельского духовенства и заявило, что поддерживать идеи Армии должны специально для этого поставленные проповедники армии³¹.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Читатель вправе удивиться, не обнаружив в этой книге заключения: оно не выпало при наборе и автору хватило бы времени и энергии его сочинить. Пропуск этот вполне сознательный. Крымское государство было подкошено на восьмом месяце своего развития, но оно стало началом не менее интересного для историка явления — белой константинопольской России. Покинувшие Крым Врангель и его сподвижники не превратились в кучку растерянных беженцев, но в течение долгих месяцев сумели противостоять объединенному давлению советских властей и западных держав, стремившихся ликвидировать нелепое существование русской национальной власти без государства и русской национальной армии, нищей и почти безоружной, но остававшейся сплоченной и грозной силой.

Этот период — „константинопольский” — был также временем начала осмысления прошлого опыта, раздумий о настоящем и будущем России в свете недавних достижений и промахов. В нашем следующем исследовании, будем надеяться в не слишком отдаленном будущем, читатель сможет ознакомиться с этой удивительной страницей русской истории и найти общие итоги государственной деятельности ген. Врангеля.

ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

К главе I

1. В настоящей книге мы придерживаемся старого стиля, за исключением страниц о внешней политике и нескольких других, всегда оговоренных, дат.

2. Врангель, ч. 1, с. 304. Полные данные о приведенных источниках даны в отделе „Библиография”. Там же раскрываются сокращения.

3. Врангель, ч. 2, с. 8.

4. Врангель, ч. 2, сс. 8—10.

5. Врангель, ч. 2, с. 11.

6. Врангель, ч. 2, с. 12.

7. Врангель, ч. 2, там же.

8. фон Дрейер, сс. 103—104.

9. Маргулис, с. 227; фон Дрейер, с. 92; сведения, сообщенные А. Воробьевым.

10. Шатилов, с. 6.

11. Шатилов, там же.

12. Послужной список ген. Врангеля издан 1) в журнале „Часовой”, 1929, № 7—8, и 2) в книге „Главкомандующий...” (см. Библиографию).

13. Шатилов, с. 6.

14. Врангель, ч. 1, с. 29. По сути дела это означало и отрицание идеи создания „ударных” частей в армии, которую проводил ген. Корнилов и которая, в значительной степени, определила облик южно-русского добровольческого движения.

15. В эмиграции у ген. Врангеля родился второй сын — Алексей.

16. Врангель, ч. 1, с. 292.

17. Немирович-Данченко, с. 22.

18. Валентинов, с. 36.

19. Чебышев, „Близкая даль”, с. 255.

20. Из устных рассказов И. И. Стенбок-Фермора.

21. Рассказ И. И. Стенбок-Фермора; Валентинов, с. 15.
22. Рассказ И. И. Стенбок-Фермора.
23. Чебышев, „Врангель в Зарубежьи”, с. 10.
24. Струве, „К 50-летию...”, с. 415.
25. Врангель, ч. 1, с. 151.
26. По рассказу И. И. Стенбок-Фермора.
27. Врангель, ч. 1, сс. 187 и 85.
28. „Правосудие...”, с. 54.
29. Шульгин, с. 207.
30. Оболенский, с. 10.
31. Чебышев, „Врангель в Зарубежьи”, сс. 10 и 12.
32. Маргулиес, с. 174.
33. Струве, „К 50-летию...”, с. 415.
34. Рассказ И. И. Стенбок-Фермора.
35. Маргулиес, с. 250.
36. Оболенский, с. 8.
37. Чебышев, „Врангель в Зарубежьи”, с. 10.
38. Lockett, p. 360, считает, что по примеру Маннергей-
ма.
39. АК-31, Доклад ген. Махрова, л. 31.
40. Раковский, с. 36.
41. Рассказ И. И. Стенбок-Фермора.
42. Врангель, ч. 1, с. 302.
43. Маргулиес, с. 250.
44. Струве, „К 50-летию”..., с. 415.
45. Врангель, ч. 2, с. 77.
46. Рассказ И. И. Стенбок-Фермора.
47. Thomson, p. 463.
48. Врангель, ч. 2, с. 41.
49. Врангель, ч. 2, с. 119.
50. Валентинов, с. 27.
51. Врангель, ч. 2, с. 18.
52. Слащев, „Крым...”, с. 87.
53. Подробно о биографии ген. Шатилова: Прянишни-
ков, сс. 179–184. Умер Шатилов во Франции в 1962 году.
54. Врангель, ч. 1, с. 209.
55. См., напр., Слащев, „Крым...”, с. 25.
56. За участие в разработке плана эвакуации Врангель,
сам лишь ген.-лейтенант, произвел Шатилова в чин генера-
ла-от-кавалерии.
57. Слащев, „Требую...”, с. 47; Маргулиес, с. 253.

58. Немирович-Данченко, с. 73.

59. Валентинов, с. 68.

60. фон Дрейер, с. 141.

61. Врангель, ч. 2, с. 18.

62. Кривошеин, с. 335.

63. Врангель, ч. 2, с. 99. В эмиграции Климович продолжал охранять от советского проникновения Русскую армию и РОВС. Он сумел оградить ген. Врангеля от эмиссаров пресловутого „Треста“, которым поверили ген. Кутепов и вел. кн. Николай Николаевич.

64. Kenez, p. 263.

65. Врангель, ч. 1, с. 295.

66. В 1921 году, под фамилией Слащев-Крымский, вышла в Константинополе книга, резко критическая по отношению к деятельности правительства и военачальников ген. Врангеля, а вскоре Слащев эмигрировал в советскую Россию, где выпустил новую книгу, еще более критическую, и получил военную должность в Белоруссии.

67. Врангель, ч. 1, с. 303. Подробная биография Кривошеина: Кривошеин...

68. Кривошеин, с. 315.

69. Врангель, ч. 2, с. 42.

70. Маргулиес, с. 238.

71. Оболенский, с. 23.

72. Например, Немирович-Данченко, с. 23; Слащев, „Крым...“, с. 131.

73. Кривошеин, которого работа в Крыму физически и душевно сильно утомила, умер в Берлине, 28 октября 1921 г. В „Советской Исторической Энциклопедии“ (Т. 8, столб. 151) М. С. Симонова указывает ложную дату его смерти: 1923 г.

74. Оболенский, с. 6.

75. Врангель, ч. 2, с. 27.

76. Kenez, p. 271.

77. Валентинов, с. 27.

78. Немирович-Данченко, сс. 25–26.

79. Оболенский, с. 11.

80. Маргулиес, с. 209.

К главе 2

1. Нам, однако, не удалось их обнаружить в документах за его подписью.
2. Кривошеин, с. 309. Автор справедливо указывает, что эта характеристика – общая для Врангеля и Кривошеина.
3. Врангель, ч. 1, сс. 52 и 21.
4. ЛАВ–37, Письмо П. Н. Краснову от 16 января 1922 г.
5. Врангель, ч. 2, с. 43.
6. АК–31, Справка о военных и гражданских мероприятиях Правительства Юга России за период с 25 марта по 15 мая 1920 г.
 7. Шульгин, с. 204.
 8. Врангель, ч. 2, с. 123.
 9. Врангель, ч. 2, с. 219.
 10. Немирович-Данченко, с. 6.
 11. Врангель, ч. 2, с. 44.
 12. Врангель, ч. 2, с. 219.
 13. Врангель, ч. 2, с. 123.
 14. Врангель, ч. 2, с. 168.
 15. Кривошеин, с. 309.
 16. Шульгин, с. 205.
 17. Раковский, с. 32; Врангель, ч. 2, с. 168.
 18. Шульгин, сс. 206–207.
 19. ВАВ–220, У нового вождя антибольшевистской России.
 20. Раковский, с. 31.
 21. АК–31, Справка о военных...
 22. Врангель, ч. 2, с. 169.
 23. АК–42, Инструкция Начальника Военного Управления от 23 августа.
 24. АК–31, Справка о военных...
 25. Врангель, ч. 2, с. 76.
 26. Врангель, ч. 2, с. 123.
 27. АК–9, Приказ № 3226 от 20 мая. Номер приказа на листовке явно /умышленно?/ ошибочный. Текст приведен: Врангель, ч. 2, с. 92.
 28. АК–9, Приказ № 3207.
 29. См. Раковский, сс. 28–30.
 30. Прим. Врангеля (на полях): „На каких основаниях?“
 31. Примечание Врангеля: „Верно!“

32. Примечание Врангеля: „Верно!”
33. Примечание Врангеля: „Верно!”
34. Примечание Врангеля ко всем пунктам вместе: „Правильно, но не все сделать возможно при нашем положении финансов”. Примечание к пункту 7: „Верно!”.
35. Слово „реальная” подчеркнуто; примечание Врангеля: „Основа всего дела. Основа всего дела”.
36. Примечание Врангеля: „Верно!”
37. Примечание Врангеля: „Верно!”
38. АК-31, листы 26, 36, 4, 46, 5, 56, 6, 66, 106, 11: Секретный доклад Начальника Штаба Главнокомандующего ВСЮР от 8 апреля.
39. „Великая Россия”, № 67 от 21 июля.
40. Шульгин, сс. 207–209.

К главе 4

1. Желаящий получить подробную информацию по этому вопросу может сопоставить то, что пишет сам ген. Врангель во второй части „Записок”, с книгой Короткова – „Разгром...” См. Также Kenez, pp. 264–266, 276, 297–300, 302–307.
2. Во время этих боев был почти полностью уничтожен Алексеевский полк, одна из коренных добровольческих частей.
3. Коротков, сс. 31 и 34. Врангель указывает меньший боевой состав своих сил: 25 000 штыков и сабель.
4. Полковник Назаров, захваченный красными, бежал из плена и вышел в августе на участок, занятый Первым корпусом.
5. В конце сентября удалось еще вывезти из Грузии 2 000 казаков во главе с ген. Фостиковым.
6. Ген. Драценко только что показал свою несостоятельность на Кубани, но его продолжал выдвигать ген. Шатилов.
7. Коротков, с. 158.
8. 26 октября по н.с. : Коротков, с. 206.
9. Не считая команд кораблей. Военных было ок. 70 000. Все суда, кроме одного, дошли до Константинополя.
10. Пылин, с. 113.

11. Валентинов, с. 41.
12. Раковский, с. 60.
13. Лукомский, с. 235.
14. Раковский, с. 69.
15. фон Лампе, с. 127.
16. См. Валентинов, с. 49.
17. Лукомский, с. 231.
18. Врангель, ч. 2, с. 117.
19. Маргулиес, с. 226.
20. Так утверждает Валентинов, сс. 51, 58, 79–80.
21. См., напр., Слащев – „Требую...“, с. 77.
22. Даты до конца главы – по новому стилю.
23. Текст ноты: Врангель, ч. 1, сс. 304–305. Хорошее изложение внешнеполитических вопросов: Brinkley, pp. 241–271.
24. Врангель, ч. 2, с. 49.
25. Текст письма: Врангель, ч. 2, сс. 87–88.
26. Восточная граница Польши, рекомендованная в 1919 году Верховным советом Антанты.
27. Надежды Ллойд-Джорджа на проявление доброй воли со стороны советского правительства не оправдались: в ноте от 17 июля оно отказалось от британского посредничества в польском вопросе.
28. Несмотря на эту инструкцию, французская помощь отнюдь не приняла массового характера.
29. Врангель, ч. 2, с. 156.
30. Brinkley, p. 264.
31. В октябре дипломатический представитель в Париже – Маклаков – приводил, с очень отрицательной оценкой, условия договора, подобного этому: Brinkley, p. 264.
32. Кривошеин, с. 332.
33. Бывший известный руководитель эсеровских „боевых“ организаций. После прихода к власти большевиков активно против них боролся, поддерживая Добровольческую армию и организовав ряд антисоветских восстаний в 1918 году. Захваченный после перехода границы, он погиб в советской тюрьме в 1925 году.
34. Врангель, ч. 2, с. 139. В начале 1920 года войска ген. Бредова отошли из Новороссии в Польшу, где были разоружены и интернированы в очень тяжелых условиях.
35. В Польше оставалось около 20 000 русских военных.

36. Brinkley, pp. 266–270. Некоторые русские части продолжали борьбу (партизанского типа) против красных и после эвакуации белых из Крыма.

К главе 5

1. „Правосудие...”, с. 5.
2. Врангель, ч. 1, с. 156.
3. Врангель, ч. 1, с. 259.
4. АК–9, Приказ № 3049.
5. „Правосудие...”, с. 7.
6. „Правосудие...”, сс. 7–9.
7. АК–9, Приказ № 3220.
8. ЛАВ–4, Заседание № 18, 18 июня.
9. „Правосудие...”, сс. 11–13.
10. АК–11, Приказ № 3631.
11. АК–9, Приказ № 2913.
12. „Великая Россия”, № 118 от 23 сентября.
13. Приказы № 2941 от 2 апреля, № 2983 от 8 апреля и № 3019 от 13 апреля.
14. ЛАВ–3, Приказ № 17.
15. ЛАВ–3, Приказ № 69.
16. АК–10, Приказ № 3509.
17. Калинин, с. 71.
18. Калинин, с. 97.
19. Калинин, сс. 97–101, 99.
20. Раковский, сс. 63 и 69.
21. Маргулиес, с. 231.
22. Оболенский, с. 35.
23. Пылин, с. 112.
24. Thomson, p. 463.
25. АК–10, Приказ № 3305.
26. Врангель, ч. 2, с. 117.
27. АК–11, Приказ № 3680.
28. Павлов, с. 255.
29. АК–9, Приказ № 3137. Затем было еще несколько мобилизаций.
30. Раковский, с. 83.
31. АК–10, Приказ № 3548.
32. Калинин, с. 106.

33. Калинин, с. 96.
34. АК-11, Приказ № 3749. Пылин, с. 180.
35. АК-9, Приказ № 2991.
36. Валентинов, сс. 18-19.
37. АК-9, Приказ № 3107.
38. Основание этих данных: АК-9, Приказ № 3107 от 1 мая; АК-11, „Денежное довольствие офицерских и классовых чинов, сестер милосердия и вольнонаемных служащих”; „Антанта и Врангель”, сс. 226-227.
39. „Антанта и Врангель”, с. 229.
40. Это основные меры. Приказ № 3580, Врангель, ч. 2, сс. 175-176.
41. ЛАВ-4, Заседание № 51, 12 октября.
42. АК-9, Приказ № 3289 от 8 июня.
43. ЛАВ-4, Заседание № 13, 30 мая.
44. Пылин, с. 196.
45. Павлов, сс. 293-294.
46. Врангель, ч. 1, сс. 85-86.
47. Павлов, с. 237. Это случалось и в других „цветных” полках.
48. АК-9, Приказ № 3052.
49. Приказ № 3224: Врангель, ч. 2, с. 103.
50. Врангель, ч. 2, с. 53.
51. ВАВ-155.
52. АК-31, документ от 9 октября.
53. Павлов, с. 282.
54. АК-9, Приказ № 2974. „Великая Россия” № 137, от 16 октября.
55. „Правосудие...”, с. 29. О гражданском правосудии см. ниже.
56. Врангель, ч. 2, сс. 38-39. Kenez, pp. 275-276.
57. См. выше.
58. „Правосудие...”, сс. 30-32.
59. „Правосудие...”, сс. 33-35.
60. „Правосудие...”, сс. 35-37.
61. Текст приказа: Врангель, ч. 2, с. 215.
62. Публичное исполнение смертной казни было в России запрещено с 1869 года, но в условиях гражданской войны этот запрет часто не соблюдался; мимоходом отметим, что последняя публичная смертная казнь имела место во Франции 6 июня 1939 года.

63. „Правосудие...”, сс. 47–48.
64. „Правосудие...”, с. 37.
65. АК–31, секретный рапорт начальника Разведывательного отделения при штабе главнокомандующего от 31 августа.
66. Павлов, с. 247. См. также Смоленский, с. 3.
67. ВАВ–240, „Обзор выдержек из корреспонденции, просмотренной Военным Цензором с 1/13 по 15/23 Августа с.г.”.
68. АК–10, Приказ № 3570.

К главе 6

1. Текст положения: „Организация власти...”, сс. 242–244.
2. Текст положения: „Организация власти...”, сс. 245–247.
3. Соколов, сс. 75, 83.
4. Текст приказа: „Организация власти...”, сс. 249–250.
5. „Организация власти...”, с. 251.
6. АК–9, Приказ № 2925. Опубликовано: Врангель, ч. 2, с. 30.
Небезынтересно отметить, что первоначально этот приказ содержал и следующий пункт: „Высшее наблюдение за охранением закона возлагается на Совет”.
7. АК–9, Приказ № 2955.
8. ЛАВ–4, Журнал Совета при главноком. ВСЮР № 1, 6 апреля.
9. АК–10, Приказ № 3504 от 6 августа.
10. АК–10, Приказ № 3523.
11. АК–10, Приказ № 3527.
12. ЛАВ–4, Приложение к Журналу Совета при главноком. № 7, 11 мая.
13. Врангель, ч. 2, сс. 80 и 106.
14. „Правосудие...”, сс. 55–56.
15. ЛАВ–2, Приложение № 5 к Журналу Особого совещания при главноком. ВСЮР № 72, 27 июня 1919 г.
16. Врангель, ч. 2, с. 116.
17. АК–9, Приказ № 2977.

18. АК—9, Приказ № 3129.
19. „Великая Россия”, № 56 от 8 июля.
20. „Великая Россия” № 80, от 5 августа.
21. ЛАВ—3, Приказ № 25, по гражд. управлению.
22. АК—11, Приказ № 3685.
23. Врангель, ч. 2, сс. 195—196.
24. ЛАВ—3, Приказ № 75 по гражд. управлению.
25. ЛАВ—4, Журнал Правительства № 37, 14 августа.
26. Кривошеин, с. 325. В советской России городское и земское самоуправление было упразднено в начале 1918 года.
27. ЛАВ—4, Журнал Совета при главноком. № 9, от 16 мая.
28. Тексты приведены: Врангель, ч. 2, сс. 256 и 257—261.
29. Врангель, ч. 2, с. 256.
30. „Великая Россия”, № 66, от 19 июля.
31. Врангель, ч. 2, с. 260.
32. Текст этих документов: ЛАВ—3.
33. Врангель, ч. 2, сс. 193—194.
34. ЛАВ—3, л. 218.
35. ЛАВ—3, л. 217.
36. См. Врангель, ч. 2, с. 194.
37. Оболенский, сс. 33 и 43.
38. ЛАВ—3, Приказ № 26 по гражд. управлению.
39. „Великая Россия” № 120, от 25 сентября.
40. „Великая Россия”, № 137, от 16 октября.
41. Оболенский, сс. 45—46.
42. ЛАВ—4, Журнал Совета при главноком. № 12, 24 мая.
43. ЛАВ—4, Приложение к Журналу Совета при главноком. № 27, 13 июля.
44. ЛАВ—4, Журнал Совета при главноком. № 43, 30 июля.
45. „Великая Россия” № 137 от 16 октября.

К главе 7

1. ЛАВ—6, л. 104.
2. Там же.
3. ЛАВ—2, Приложение к Журналу № 63 Особого Совещания при главнокомандующем ВСЮР.

4. Соколов, с. 188.
5. ЛАВ-2, Приложение к Журналу № 73 Особого Совещания...
6. Соколов, с. 189.
7. Врангель, ч. 2, сс. 44-45.
8. Кривошеин, сс. 322-323.
9. ЛАВ-6, лл. 1-2. При двух последних ее упоминаниях в названии комиссии слово „Центральная” вычеркнуто и заменено словом „Главная”.
10. Текст журнала совещания под председательством сен. Глинки и проекта декларации: ЛАВ-6, лл. 10-14. Весьма неудовлетворительно изложение этих событий у Kenez, pp. 280-281.
11. АК-31, лл. 2-3.
12. АК-31, л. 24.
13. Здесь в документе пропуск одной строки.
14. АК-9, Приказ № 3001. Дата объявления этого приказа несколько неясна: при открытии заседания комиссии ее председатель указал на приказ от 3 апреля (ЛАВ-6, л. 31), в папке материалов о земельной реформе он приложен в виде вырезки из газеты с датой, от руки, - 8 апреля (ЛАВ-6, л. 17). В пункте 6 речь идет о конфискациях во время войны, связанных с германским или австро-венгерским происхождением колонистов.
15. Журнал Особой Комиссии по земельному вопросу: ЛАВ-6, лл. 31-45.
16. ЛАВ-6, лл. 46-47.
17. ЛАВ-6, лл. 50 и 53.
18. ЛАВ-6, лл. 69-71. Kenez, pp. 284-285.
19. Врангель, ч. 2, с. 56.
20. Врангель, ч. 2, с. 57.
21. Врангель, ч. 2, с. 59.
22. ЛАВ-6, л. 82. Кривошеин приехал через два дня после утверждения земельного закона.
23. Тексты этих документов: Врангель, ч. 2, сс. 243-253.
24. Врангель, ч. 2, с. 59.
25. Врангель, ч. 2, сс. 247-253.
26. Следует признать, что эта мера была оптимальным решением вызывающего большие страсти и не поддающегося глобальному решению вопросу. Вспомним, например, что

ген. Махров предлагал норму в 100 десятин, а Особая комиссия — в 200 или даже 400.

27. Врангель, ч. 2, сс. 243–246.

28. Врангель, ч. 2, с. 65.

29. ЛАВ–3, Приказ № 56 по гражданскому управлению.

30. Приказ № 3367: Врангель, ч. 2, сс. 254–255.

31. Врангель, ч. 2, с. 255.

32. Маргулиес, с. 252.

33. ЛАВ–3, Приказ № 162 по гражд. управлению.

34. ЛАВ–3, Приказ № 163 по гражд. управлению.

К главе 8

1. Валентинов, с. 15; Калинин, с. 107; Оболенский, с. 14.

2. См., например, ВАВ–155, Листовка от 16 июля.

3. ВАВ–155, „Вся земля — народу в собственность”, с. 1.

4. ВАВ–155, „Вся земля — народу в собственность”, с. 3.

5. ВАВ–155, „Вся земля...”, с. 8.

6. „Великая Россия”, № 55, 7 июля; ЛАВ–4, Журнал Совета при главноком. ВСЮР, № 27, 13 июля.

7. „Великая Россия”, № 42, 21 июня.

8. АК–31, л. 226.

9. „Великая Россия”, № 133, 11 октября.

10. Гуковский, „Аграрная...”, сс. 61–62.

11. Врангель, ч. 2, с. 65.

12. Гуковский, „Аграрная...”, сс. 81 и 91.

13. Чебышев, „Близкая даль”, с. 254.

14. Гуковский, „Аграрная...”, с. 74.

15. АК–31, Доклад начальника Разведывательного отделения при штабе главнокомандующего от 15 сентября.

16. АК–31, Рапорт начальника Развед. отделения ... от 28 августа.

17. Гуковский, „Аграрная...”, с. 93.

18. ЛАВ–4, Журнал Совета при главнокомандующем № 15, 17 июня.

19. Гуковский, „Аграрная...”, с. 91.

20. „Великая Россия”, № 62, 15 июля.
21. Павлов, с. 341.
22. „Великая Россия”, № 131, 9 октября.
23. Оболенский, с. 16.
24. ЛАВ-6, л. 116.
25. Врангель, ч. 2, с. 74.
26. Гуковский, „Аграрная...”, с. 87.
27. ВАВ-240, Доклад начальника Развед. отделения от
15 сентября. „Великая Россия”, № 93, 22 августа.
28. „Великая Россия”, № 87, 14 августа.
29. „Великая Россия”, № 122, 27 сентября.
30. Кривошеин, с. 323.
31. Гуковский, „Аграрная...”, сс. 91-92.
32. ЛАВ-6, лл. 119-121.
33. Иоффе, сс. 258 и 263.
34. Kenez, p. 288.
35. Например, Treadgold, ...
36. Кривошеин, сс. 318-319.
37. Гуковский, „Аграрная...”, с. 66.
38. „Великая Россия”, № 42, 21 июня.
39. Немирович-Данченко, с. 46.
40. Оболенский, сс. 14, 16 и 36. Автор имеет в виду
введение нэпа весной 1921 г.

К главе 9

1. Маргулиес, с. 186.
2. „Антанта и Врангель”, с. 118.
3. ЛАВ-4, Журнал Совета при главноком. ВСЮР, № 24,
6 июля.
4. „Антанта и Врангель”, с. 119.
5. „Великая Россия”, № 92, 21 августа.
6. „Антанта и Врангель”, с. 121.
7. „Великая Россия”, № 129, 7 октября.
8. „Великая Россия”, № 133, 11 октября.
9. Врангель, ч. 2, сс. 190 и 199.
10. „Антанта и Врангель”, сс. 121-123.
11. Их список: Врангель, ч. 2, сс. 199-200.
12. Врангель, ч. 2, сс. 209-210; Кривошеин, с. 334.
13. Маргулиес, с. 186.

14. ЛАВ-3, Приказ № 19, от 10 мая, по гражд. управлению.
15. ЛАВ-4, Журнал Правительства № 52а, 15 октября.
16. ЛАВ-4, л. 14.
17. Лукомский, с. 231.
18. ЛАВ-3, Приказ № 55, по гражд. управлению.
19. ЛАВ-4, Приложение к Журналу Совета при главноком. ВСЮР № 23, 15 июля.
20. Немирович-Данченко, с. 84.
21. ЛАВ-4, Журнал Совета при главноком. ВСЮР, № 15, 17 июня.
22. ЛАВ-4, Журнал Совета при главноком. ВСЮР, № 5, 4 мая.
23. Маргулиес, с. 207.
24. Маргулиес, сс. 184-192.
25. „Антанта и Врангель”, сс. 56, 57 и 60.
26. „Антанта и Врангель”, с. 70.
27. „Антанта и Врангель”, с. 106.
28. „Великая Россия”, № 73, 28 июля.
29. ЛАВ-3, Приказ № 77, по гражд. управлению.
30. Врангель, ч. 2, с. 117.
31. Врангель, ч. 2, с. 75; „Антанта и Врангель”, с. 106.
32. Врангель, ч. 2, с. 190.
33. „Великая Россия” № 138, 17 октября; „Красный Архив”, № 40, сс. 11-12.
34. Оболенский, с. 42; „Антанта и Врангель”, с. 106. Финансово-экономическое совещание одобрило сохранение монополии 42 голосами за, 6 - против: Кривошеин, с. 334.
35. Подробные данные о вывозе и ввозе: „Антанта и Врангель”, сс. 107-114.
36. Врангель, ч. 2, с. 25.
37. АК-9, Приказ № 3059.
38. „Антанта и Врангель”, сс. 221-222.
39. Шульгин, сс. 200-201.
40. Оболенский, с. 25; Павлов, с. 342.
41. По данным кн. „Антанта и Врангель”, сс. 226-227.
42. АК-9, Приказ № 3022; АК-10: „Ведомость ценам за приносимые офицерами, чиновниками и солдатами вещи при мобилизации или добровольном поступлении на службу”.

43. По данным кн. „Антанта и Врангель”, сс. 223 и 228–229.
44. Оболенский, с. 40.
45. Шульгин, с. 201.
46. АК–9, Приказ № 2924 от 29 марта.
47. АК–9, Приказ № 2958.
48. АК–9, Приказ № 2959.
49. ЛАВ–3, Приказ № 52 по гражд. управлению.
50. Пылин, с. 143.
51. „Великая Россия”, № 85, 12 августа.
52. Врангель, ч. 2, с. 75.
53. Шульгин, с. 201.
54. „Великая Россия”, № 73, 28 июля.
55. АК–10, Приказ № 3440 от 13 июля.
56. ЛАВ–4, Журнал Правительства № 37, 14 августа; ЛАВ–3, Приказ № 156 по гражд. управлению.
57. Пылин, с. 117.
58. Оболенский, с. 42.
59. АК–9, Приказ № 3202.
60. ЛАВ–3, Приказ № 139 по гражд. управлению.
61. „Антанта и Врангель”, сс. 116–117.
62. Шульгин, с. 202.
63. Чебышев, „Близкая даль”, с. 259.
64. Во всяком случае об этом свидетельствует Маргулис, с. 252.
65. „Антанта и Врангель”, сс. 102–103.
66. „Антанта и Врангель”, с. 102.
67. ВАВ–115, лл. 174–175; „Антанта и Врангель”, с. 102.
68. ЛАВ–4, Журнал Совета при главном. ВСЮР, № 13, 30 мая.
69. ЛАВ–3, Приказ № 83, по гражд. управлению.
70. Врангель, ч. 2, с. 106.
71. ЛАВ–3, Приказ № 79 от 1 июля по гражд. управлению.
72. ЛАВ–2, Приложение № 1 к Журналу № 103 Сопещения при главном. ВСЮР.
73. ЛАВ–2, Приложение № 2 к Журналу № 103 Сопещения при главном. ВСЮР.
74. „Антанта и Врангель”, с. 219.
75. АК–9, Приказ № 3066.
76. АК–10, Приказ № 3395.

77. ЛАВ-4, Журнал Совета при главномком. ВСЮР № 15, от 17 июня.
78. ЛАВ-4, Журнал Совета при главномком. ВСЮР № 21, от 26 июня.
79. Врангель, ч. 2, с. 106.
80. ЛАВ-4, Журнал Правительства № 44, от 7 сентября.
81. ЛАВ-4, Журнал Правительства № 52а, от 15 октября.

К главе 10

1. Врангель, ч. 2, сс. 76 и 80.
2. ЛАВ-3, Приказ № 193 по гражд. управлению.
3. Интервью Таганцева в „Великой России” № 123, от 29 сентября.
4. АК-9, Приказ № 3182. За те же и некоторые другие преступления обычно судили военно-полевые суды.
5. „Правосудие...”, с. 28 и Врангель, ч. 2, сс. 80-81.
6. Калинин, сс. 103-104.
7. Врангель, ч. 2, с. 98.
8. ЛАВ-3, Приказ № 91 по гражд. управлению; Калинин, сс. 26-28.
9. АК-10, Приказ № 3529.
10. Оболенский, с. 36.
11. АК-42, Доклад начальника Отдела Генерального Штаба от 6 августа.
12. „Красный Архив” № 39, с. 15.
13. Врангель, ч. 2, с. 99.
14. АК-31, Доклад начальника Особого отделения Морского управления от 19 мая.
15. Макаров, сс. 119-121.
16. Врангель, ч. 2, с. 214.
17. Врангель, ч. 2, с. 118.
18. Калинин, с. 110.
19. Калинин, с. 111.
20. Слещев, „Крым...”, с.130; Врангель, ч. 2, с. 99; Пылин, с. 134.
21. Макаров, с. 118.
22. Макаров, с. 141.
23. Макаров, сс. 107-112, 147.
24. Макаров, с. 147.
25. Врангель, ч. 2, с. 173; Макаров, сс. 150-164, 187.

26. Макаров, с. 187.

27. ЛАВ-3, Приказ № 174, по гражд. управлению.

К главе 11

1. Из Крыма осенью было вывезено 14 000 донцов и 16 000 кубанцев, терцев и астраханцев.

2. АК-9, Приказ № 2925. См. выше главу „Управление и самоуправление”.

3. АК-9, Приказ № 2971. Врангель, ч. 2, с. 36: неполный текст.

4. О всем этом эпизоде: Врангель, ч. 2, сс. 35-36 и Кenez, pp. 293-295.

5. Врангель, ч. 2, сс. 39-40, 49-50, 121-122.

6. Врангель, ч. 2, сс. 132-133.

7. ЛАВ-4, Журнал Совета при главноком. № 30, 22 июля.

8. ЛАВ-3, Приказ № 103 по гражд. управлению.

9. ЛАВ-4, Совещание 22 августа.

10. Врангель, ч. 2, сс. 217-218.

11. АК-42, Письмо Временно исполн. должность Начальника русской делегации по делам военнопленных и беженцев в Германии от 31 августа.

12. Текст письма: Врангель, ч. 2, сс. 210-211.

13. Телеграмма Нератова Гирсу: „Красный Архив” № 40, с. 18.

14. Кривошеин, с. 333.

15. Струве, „Из архива...”, с. 114.

16. ЛАВ-38, л. 606.

17. Раковский, с. 132.

18. ЛАВ-3, Приказ № 186 по гражд. управлению.

19. ЛАВ-3, Приказ № 194 по гражд. управлению.

20. Кenez, p. 292.

21. „Великая Россия”, № 104 от 4 ноября.

22. Кenez, p. 293.

23. Маргулиес, сс. 248 и 199.

24. Врангель, ч. 2, сс. 196-197.

25. ВАВ-155, Листовка, озаглавленная „Товарищи латыши!”

26. Кубанин, с. 162.

27. АК-12, Приказ № 3130.
28. АК-31, л. 168.
29. АК-31, л. 214.
30. Аршинов, сс. 168-169; Кубанин, с. 151.
31. Кубанин, с. 151.
32. АК-31, л. 113. „Разотглав”: Главное Разведывательное Отделение.
33. АК-31, лл. 241-242.
34. Врангель, ч. 2, с. 178.
35. АК-31, Рапорт агента № 37 Начальнику Разведывательного отделения, побывшего в тылу красных с 17 июня по 15 июля.
36. Макаров, сс. 145-146.
37. Павлов, сс. 253-254.
38. ВАВ-155, л. 144.

К главе 12

1. Валентинов, с. 7.
2. Немирович Данченко, с. 34.
3. АК-10, Приказ № 3372. Текст приведен: Врангель, ч. 2, с. 118.
4. ЛАВ-3, Приказ № 98, по гражд. управлению.
5. Немирович-Данченко, с. 43.
6. ЛАВ-4, Журнал Правительства № 51 от 12 октября.
7. Кандидов, с. 109.
8. Немирович-Данченко, с. 75.
9. Павлов, с. 247.
10. ВАВ-240, Доклад нач. Разведывательного отделения штаба главноком. от 15 сентября.
11. ЛАВ-4, Журнал Правительства № 39 а, от 20 августа.
12. АК-10, Приказ № 3470.
13. См. Келез. р. 218.
14. АК-31, л. 218.
15. „Антанта и Врангель”, с. 187.
16. АК-31, Доклад начальника Разведывательного отделения штаба главноком. от 22 сентября.
17. АК-31, Показание агента, прибывшего из района действия Махно, 26 октября.
18. Врангель, часть 2, с. 26.

19. Немирович-Данченко, сс. 32–33; Врангель, ч. 2, с. 125.
20. См. Маргулиес, с. 251.
21. Врангель, ч. 2, сс. 26–27.
22. Немирович-Данченко, с. 41.
23. „Антанта и Врангель”, сс. 174–175.
24. Вернадский, с. 220.
25. Немирович-Данченко, с. 41; Врангель, ч. 2, с. 122.
26. АК–10, Приказ № 3384, от 30 июня.
27. АК–10, Приказ № 3390.
28. ЛАВ–3, лл. 230–231.
29. Немирович-Данченко, сс. 35 и 37.
30. Оболенский, с. 29.
31. Врангель, ч. 2, с. 197.
32. Павлов, с. 339.
33. В 1-й корпус: 485, во 2-й: 562, в Конный: 330, в Донской: 270 экземпляров, Валентинов, с. 32.
34. Немирович-Данченко, с. 77.
35. Главный источник: Д. Маслов, „Антанта и Врангель”, сс. 175–185, 190–203; а также: Немирович-Данченко, сс. 38, 41, 76–77, Валентинов, сс. 28–31, Маргулиес, с. 232, Врангель, ч. 2, сс. 26–27, 122.
36. „Антанта и Врангель”, с. 180.
37. „Антанта и Врангель”, сс. 181–182.
38. „Антанта и Врангель”, с. 191.
39. „Антанта и Врангель”, с. 193.
40. Маргулиес, с. 232, „Антанта и Врангель”, с. 199.
41. „Антанта и Врангель”, с. 184.
42. „Антанта и Врангель”, сс. 202–203.
43. По свидетельству Немировича-Данченко: с. 77.

К главе 13

1. Вернадский, с. 218.
2. АК–31, Доклад начальника Разведывательного отделения от 15 сентября.
3. АК–31, л. 185.
4. Немирович-Данченко, сс. 61–62. Это владыке не мешало, как было указано выше, сотрудничать в очень монархической „Святой Руси”.

5. Немирович-Данченко, с. 68.
6. „Великая Россия”, № 41, от 20 июня.
7. „Великая Россия”, № 56, от 8 июля.
8. „Великая Россия”, №№ 123 от 29 сентября и 124 от 30 сентября.
9. „Великая Россия”, № 37, 16 июня.
10. „Великая Россия”, № 72, 26 июля.
11. Врангель, ч. 2, сс. 100–101.
12. Немирович-Данченко, с. 65. Врангель, ч. 2, сс. 214–217: так представляет события ген. Врангель.
13. „Антанта и Врангель”, сс. 214–215.
14. ЛАВ–4, Приложения к Журналам Совета при главнокомандующем от 6 и 18 июля.
15. „Великая Россия” № 118 от 23 сентября.
16. ЛАВ–4, Журнал Правительства № 43, 3 сентября.
17. Пылин, с. 194.
18. Врангель, ч. 2, с. 38; ЛАВ–4, Журнал Совета при главнокомандующем № 34, 30 июля.
19. АК–11, Приказ № 3663.
20. АК–10, Приказ № 3563.
21. ЛАВ–3, Приказ № 167, по гражд. управлению.
22. АК–9, Приказ № 3100.
23. АК–31, Справка о военных и гражданских мероприятиях за период с 25 марта по 15 мая 1920 года.
24. См. Пылин, с. 196.
25. ВАВ–240, Обзор выдержек из корреспонденции, просмотренной Военным Цензором с 1/13 по 15/28 августа с.г., с. 4.
26. „Великая Россия” № 35, от 13 июня.
27. Калинин, с. 118.
28. „Правосудие...”, с. 54.
29. Шульгин, с. 209.
30. ВАВ–240, Обзор выдержек..., с. 8.
31. ВАВ–240, Обзор выдержек...; Калинин, с. 118.
32. ЛАВ–4, Журнал Правительства № 32, 23 августа.
33. Валентинов, с. 40.
34. „Великая Россия”, № 53, от 4 июля.
35. ВАВ–240, Обзор выдержек..., с. 3.
36. „Великая Россия” № 64, от 17 июля.
37. „Великая Россия” № 109, от 11 сентября.
38. АК–10, Приказ № 3486.

39. АК-9, Приказ № 3035.
40. „Великая Россия” № 109, от 11 сентября.
41. „Великая Россия” № 35, от 13 июня.
42. Калинин, с. 118.
43. ЛАВ-4, Журнал Совета при главнокомандующем № 33-а, 27 июля.
44. ЛАВ-4, Журнал Совета при главнокомандующем № 34, 30 июля.
45. „Красный Архив” № 39, сс. 13-14: телеграмма Лукомского Маклакову.
46. ЛАВ-4, Журнал Совета при главнокомандующем № 15, от 7 июня.
47. ЛАВ-4, Журнал Совета при главнокомандующем № 28, от 16 июля.
48. ВАВ-240, Обзор выдержек..., сс. 8-9.

К главе 14

1. Врангель, ч. 2, с. 22.
2. Кандидов, с. 46.
3. ЛАВ-4, Журнал Совета при главноком. № 14, 4 июня.
4. Кандидов, с. 47. В этой книге приводится большое количество документов Высшего Церковного Управления в Крыму.
5. Кандидов, сс. 48-49.
6. Кандидов, сс. 55-56 и 80.
7. Вернадский, с. 211.
8. Врангель, ч. 2, с. 10.
9. Кандидов, сс. 68-76.
10. Кандидов, с. 67.
11. Кандидов, с. 122.
12. ЛАВ-4, л. 478.
13. Кандидов, с. 129.
14. АК-9, Приказ № 2917, от 27 марта.
15. ЛАВ-4, Журнал Правительства № 42, 27 августа.
16. Кандидов, сс. 289-291.
17. Пылин, с. 140.
18. Подобные явления были и на Дальнем Востоке, в последние месяцы до установления советской власти.

19. „Великая Россия” № 118, 23 сентября.
20. Врангель, ч. 2, с. 22.
21. Приказы №№ 3006 и 3007: Кандидов, сс. 181–182.
22. Кандидов, сс. 182, 184, 214.
23. Кандидов, с. 110.
24. Раковский, с. 35.
25. Кандидов, с. 216.
26. Павлов, сс. 243–244.
27. Кандидов, с. 187.
28. Кандидов, сс. 251–257.
29. Кандидов, сс. 102–103, 105.
30. Кандидов, с. 109.
31. Кандидов, сс. 209–211.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамов Ф.Ф., ген., 71, 107, 108, 243
Аверченко Аркадий 283, 303
Авксентьев 294
Агапьев 299
Аитов, д-р, 97
Аладьин А.Ф. 289
Александр II 293
Александров 181
Алексеев М.В., ген., 9, 115
Антоний, митрополит, (Храповицкий) 49, 316
Апраксин П.Н., граф, 316
Апраксина, графиня, 180
Архангельский 233
Барбович И.Г., ген., 71, 74
Барк П.Л., бывш. мин. финансов, 197
Бернацкий М.В. 43, 117, 191, 192, 194-196
Билимович, проф., 37
Богданов Н.Н. 282
Богаевский А.П., атаман, 241, 242, 324
Бредов И.Э., ген., 85
Бродский 309
Брусилов Ал. Ал., ген., 281
Буденный 74, 107, 281
Букретов, атаман, 241, 244, 245
Булак-Булахович С.Н., ген., 85
Булгаков, о. Сергей, 316, 323
Бурнакин 284
Бурцев В.Л. 252, 270, 288
Валентинов А.А. 26, 36, 42, 78, 101, 265, 306
Вдовенко, атаман, 241
Вениамин, епископ, (Федченков) 18, 20, 21, 101, 268, 284, 288, 313, 314, 316, 321, 323, 325, 326
Вересаев В.В. 303
Вернадский Г. 267, 275-277, 287, 316
Верховский П.В. 325
Вильчевский П.Э., ген., 121

Виридарский 316
Власьяк 278
Володин, атаман, 263
Волошин Максимилиан 303
Востоков, о. Владимир, 254, 320
Врангель А.П., барон, 329
Врангель Е.П., баронесса, 25
Врангель И.П., баронесса, 25
Врангель О.М., баронесса, урожд. Иваненко 25, 32, 33
Врангель П.П., барон, 25
Гейман, ген.-лейт., 259
Гензель П.Н. 194, 195
Гессен Ю.И. 254
Гирс М.Н., предст. Врангеля в Париже, 234
Глинка Г.В., сенатор, 43, 128, 142, 145, 147, 149, 154, 155,
165, 171, 188
Голик 237,263
Голубев (Храмцов) П.С. 235,238
Гришин, атаман, 263
Гурко В.И. 197
Дамаскин И.С., ген., 304
Деникин А.И., ген., 9, 10, 15-20, 25, 29, 33-35, 40, 42, 46, 49,
63, 69, 75, 77, 79, 84, 87, 88, 104, 105, 115-117, 119, 121,
123, 124, 127, 139, 140, 141, 173, 193, 220, 230, 235, 253,
265, 266, 313, 316, 324
Димитрий, архиепископ, 313-316, 324
Долгоуков П.Д., князь, 289, 291
Доля И. 260-262
Дорман П.Е., полк., 266
Драгомиров А.М., ген., 17, 18, 20
Драценко Д.П., ген., 74
Дрейер В.Н. фон, ген., 22, 37, 270
Дроздовский М.Г., ген., 9
Егоров К.В. 283
Ефремов, предст. Врангеля в Швейцарии, 234
Жлоба 72
Жорес 294
Зайцев К.Н. 145
Заустинский, ген., 317
Иванис, инж., 245,249
Иванов Ф.А. 197

Ивинский Б.А. 282
Игнатъев, полк., 278
Ильин С.Н. 252
Иоффе Г.З. 187
Казанский 300
Каледин, атаман, 8
Калинин И.М. 95, 96, 100, 230
Камзин Н.А. 282
Кандидов Б.П. 315
Кедров, адмирал, 79
Кельчевский, ген., 242, 243
Керзон, лорд, 79
Кинез Питер 188
Кислов, ген., 243
Климович Е.К., ген., 37, 232, 240
Коковцев В.Н., граф, 197
Колби, гос. секр. США, 83
Колесников 235
Колчак А.В., адмирал, 10, 11, 63, 193
Коновалов Г.И., ген., 34, 36, 37, 49, 57, 197, 258
Корженевский 244
Корнилов Л.Г., ген., 9, 24
Коротков И.С. 71
Котельников 107
Котляревский Н.М., секретарь глав.кома, 6
Краснов П.Н., ген., 10, 45, 250, 308
Кривошеин А.В. 17, 31-33, 35-37, 39-43, 49, 62, 63, 80, 119,
127-129, 134, 155, 176, 196, 197, 203, 246, 267, 275, 288,
291, 302, 304, 319
Кривошеин К.А. 5, 45, 84, 188
Крым С.С. 44, 117, 202
Крымов А.М., ген., 24
Кудрявцев П. 319
Кутепов А.П., ген., 37, 38, 71, 74, 75, 97, 109, 268, 321,
326, 327
Лампе А.А. фон, полк., 270
Левитский В.М. 283, 291, 306
Лейхтенбергский С.Г., герцог, 297
Ленин 190
Леонтович И.Н. 252
Ллойд-Джордж 12, 80, 82

Лукомский А.С., ген., 76, 78, 199, 309
Лутай Юлия 262
Львов Н.Н. 129, 283, 291, 292, 295
Ляхов, атаман, 241
Май-Маевский, ген., 10, 16, 25, 238
Макаров, кап., 235, 238, 239, 263
Макеев, ген., 78
Мак-Колли, адмирал, 49, 51
Маклаков В.А. 188, 251
Мандельштам Осип 303
Манжен, ген., 80
Маргулиес М.С. 29, 32, 43, 191, 201, 202
Марков, ген., 9
Маркотун 250
Мартель, де, граф, 86
Махно Н. 12, 49, 72, 74, 255-263, 281, 285
Махно Агафья А. 261
Махров П.С., ген., 15, 18, 31, 34, 35, 57, 85, 119, 146, 147,
323
Мациевич 251
Миллер Е.К., ген., 11
Мильеран А. 80-82
Милюков П.Н. 288, 295
Митрофан, архиепископ, 313
Могилянский 250
Мокроусов, матрос, 239, 240
Морозов, ген., 244
Морозов Савва 40
Назаров, полк., 72
Налбандов В.С. 44, 203, 213
Нейман И.Я. 283
Немирович-Данченко Г.В. 36, 48, 189, 201, 267, 275, 276,
283-285, 288
Нератов А.А. 251
Никита Александрович, князь, 287
Николаенко 260
Николай Михайлович, вел. князь, 180
Николай Николаевич, вел. князь, 297
Николай II 45
Никольский В.П., ген., 233, 275
Никулин, о. Иаков, 324

Носович, ген., 236, 237, 239
Оболенский В.А., князь, 30, 41, 43, 97, 127, 134, 135, 145,
149, 153, 154, 176, 189, 190, 204, 207, 210, 214, 232, 280
Омельянович-Павленко 263
Орлов, кап., 26, 237
Павлов В.Е. 99, 104, 107, 112, 268, 280
Палеолог Морис 80
Перепелкин 298
Пермыкин, ген., 85
Петлюра С.В. 80, 82, 85, 251
Петров В. 317
Пилипенко 260
Пилсудский, маршал, 85
Пинхус 297
Писарев, ген., 71, 101
Писаревский 300
Поклевский-Козелл С.А. 251
Прочан, атаман, 263
Пылин Б. 76, 97, 214, 237
Раковский Г. 31, 51, 52, 99, 323
Ратимов Б. 283
Робек, де, адмирал, 16, 18, 81
Романовский И.П., ген., 15, 34
Ронжин, ген., 278
Рубцов 202
Рудаков 323
Рудин, инж., 180, 181
Руднев В.А. 285
Рябушинский 304
Саблин, адмирал, 79
Савинков Б.В. 85
Савич Н.В. 40, 43, 284
Савченко, атаман, 263, 264
Салов А.А. 316
Самарин Ю.Ф. 293
Сапко 261
Сафронов 300
Семенов, атаман, 250
Сидорин В.И., ген., 11, 242, 243
Симинский, полк., 236
Синицын Ф.М. 309

Скоропадский П.П., гетман, 10, 25
Слащев Я.А., ген., 15, 34, 37-39, 66, 70-72, 101, 108, 237, 297
Соколов К.Н. 115, 116
Спасский, прот. Г., 313, 316
Спиридонова М. 294
Стенбок-Фермор И.И. 27
Столыпин П.А. 39, 127, 188
Струве П.Б. 27, 29, 32, 40, 42, 45, 80-86, 119, 250, 275, 291
Суворин Б. 278, 284, 287
Сургучев И.Д. 284, 303
Таганцев Н.Н. 227
Тверской С.Д. 42, 43, 135, 240, 275, 278, 283
Тереков, ген., 101
Тихон, Патриарх, 315
Толмачев, ген., 101
Толпыго Н. 125
Тренев К.А. 303
Третьяков 197
Троцкий 106
Трубецкой Г.Н., князь, 42, 313
Трусовский А. 296
Турбин, ген., 101
Туркул, ген., 77
Улагай, ген., 19
Уланов В.Я. 285, 289
Унковский 293
Усов 109
Фальц-Фейн 180, 186
Федоров М.М. 289
Федченков, см. Вениамин, епископ
Феофан, архиепископ, 314, 316
Фостиков, ген., 72
Фош, маршал, 83
Фрунзе М.В. 74, 75
Хмара, атаман, 263
Храмцов (Голубев) П.С. 235, 238
Храповицкий, см. Антоний, митрополит
Цитович 250
Чаев, инж., 201, 202
Чальый, атаман, 263
Чебышев Н.Н. 26, 27, 29, 30, 48, 49, 125, 173, 216, 291
Черкасский, князь, 293
Чернов В.М. 294

Четвериков И. 319
Чириков Е.Н. 283, 303
Шавельский, о. Георгий, 21, 313, 316
Шайля, дю, граф, 242-244
Шатилов П.Н., ген., 18, 19, 23, 28, 32, 35, 36, 75, 101, 107,
119, 176, 185, 257, 258, 278, 297, 307, 321
Шатилова 32
Шереметьев, граф, 304
Шлейфер 180
Шмелев И.С. 303
Шнейдер 174
Шульгин В.В. 17, 29, 47, 50, 63, 115, 207, 210, 216, 283, 291,
304
Энгельгардт Б.А., полк., 141
Эрдели И.Г., ген., 10
Эренбург Илья 303
Юденич Н.Н., ген., 11
Юзефович Я.Д., ген., 78
Яценко, атаман, 263

БИБЛИОГРАФИЯ

Использованные неопубликованные архивные источники:

„Гуверский Институт о Войне, Революции и Мире”
(Станфорд, Калифорния, США) :

ЛАВ : Личный Архив ген. Врангеля,

ВАВ : Военный Архив ген. Врангеля,

АК : Архив ген. Кусонского.

Номер, приведенный в сносках с вышеуказанными сокращениями, отсылает к папке данного архива.

В цитатах проставлены пропущенные знаки препинания, где это казалось редакции необходимым.

Опубликованные источники:

А н т а н т а и В р а н г е л ь. Сборник статей.
Вып. 1. — М.—ПТБ., 1923:

М а с л о в Д. Печать при Врангеле,
сс. 172—208.

П о л я р н ы й Л. О распродаже русского флота, сс. 40—82.

У — с к и й К. Положение интеллигенции в Крыму при Врангеле, сс. 209—218.

Х в о й н о в П. Рабочее движение и профсоюзы, сс. 219—231.

Ш а ф и р Я. Экономическая политика белых, сс. 99—124.

- А р ш и н о в П. А. История Махновского движения, 1918—1921. — Берлин, 1923.
- В а л е н т и н о в А. А. Крымская эпопея (по дневникам участников и по документам). „Архив Русской Революции”, т. V. — Берлин, 1922, сс. 5—100.
- В е р н а д с к и й Г. (проф.) Крым. Воспоминания. „Новый Журнал”, № 105. — Нью-Йорк, 1971, сс. 203—224.
- В о р о б ь е в А. 1920 год. „Русская Мысль” № 3334, 13 ноября 1980. — Париж.
- В р а н г е л е в щ и н а (Из материалов Парижского посольства Врангелевского правительства)
Изд.: И. Минц — „Красный Архив”, т. 39, 1930, сс. 3—46; т. 40, 1930, сс. 3—40.
- В р а н г е л ь ген. барон П. Н. Воспоминания, — Франкфурт-на-Майне, 1969, 2 Части в 1 книге. 1-е изд.: „Белое Дело”, т. V, сс. 9—306, т. VI, сс. 5—261. — Берлин 1926 и 1928.
- Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й Русской Армией Генерал Барон П. Н. Врангель. К десятилетию его кончины 12/25 апреля 1938 — Сборник статей под редакцией А. А. фон Лампе. — Берлин, 1938.
- Г у к о в с к и й А. И. (изд.) Аграрная политика Врангеля. „Красный Архив”, т. 26, 1928, сс. 51—96.
- Г у к о в с к и й А. И. (изд.) Начало врангелевщины. „Красный Архив”, т. 21, 1927, сс. 174—181. (сс. 177—181: Журнал № 1 Совета при Главнокомандующем ВСЮР).
- Д р е й е р В. фон. Крестный путь во имя родины. Двухлетняя война Красного севера с Белым югом, 1918—1920 гг. — Берлин, 1921.

- И з и с т о р и и Гражданской войны и интервенции. 1917—1922 гг. Сб. статей. — М., 1974.
- И о ф ф е Г. З. Крах российской монархической контрреволюции. — М., 1977.
- К а л и н и н И. М. Под знаменем Врангеля. Заметки бывшего военного прокурора. — Л., 1925.
- К а н д и д о в Б. П. Церковь и гражданская война на Юге. Материалы к истории религиозной контрреволюции в годы гражданской войны. — М., 1931.
- К о р о т к о в И. С. Разгром Врангеля. — М., 1955.
- К р и в о ш е и н К. А. А. В. Кривошеин, 1857—1921; Его значение в истории России начала XX века. — Париж, 1973.
- К у б а н и н М. И. Махновщина. Крестьянское движение в степной Украине в годы гражданской войны. — Л., 1927.
- Л а м п е ген. А. А. фон Пути верных. Сб. статей. — Париж, 1960.
- Л у к о м с к и й А. С. ген. Воспоминания, т. 2, — Берлин, 1922.
- М а к а р о в П. В. Адъютант генерала Май-Маевского; из воспоминаний начальника отряда красных партизан в Крыму. — Л., 1929.
- М а р г у л и е с М. С. Год интервенции. Книга Третья (сентябрь 1919 — декабрь 1920). — Берлин, 1923.
- М и л ю к о в П. Н. Россия на переломе. Большевицкий период русской революции, т. 2. — Париж, 1927.
- Н е м и р о в и ч - Д а н ч е н к о Г. В. В Крыму при Врангеле. Факты и итоги. — Берлин, 1922.
- О б о л е н с к и й В. А. Крым при Врангеле, „На чужой стороне”, т. IX, 1925. — Берлин—Прага,

- 1925, сс. 5–56. Другое издание: Крым при Врангеле: Мемуары белогвардейца. — М., 1927.
- О р г а н и з а ц и я власти на Юге России в период Гражданской Войны (1918–1920). „Архив Русской Революции”, т. IV. — Берлин, 1922, сс. 241–251.
- П а в л о в В. Е. Марковцы в боях и походах за Россию, т. 2. — Париж, 1964.
- П о с л е д н и е дни Крыма: впечатления, факты, документы. — Константинополь, 1920.
- П р а в о с у д и е в войсках генерала Врангеля (под инициалами А. П.) — Конст-ль, 1921.
- П р я н и ш н и к о в Б. Незримая паутина. — Нью-Йорк, 1979.
- П ы л и н Борис. Первые четырнадцать лет, 1906–1920. — Калифорния, 1972.
- Р а к о в с к и й Г. Н. Конец белых, от Днепра до Босфора. — Прага, 1921.
- С л а щ е в — К р ы м с к и й Я. А. Требую суда общества и гласности. (Оборона и сдача Крыма). — Конст-ль, 1921.
- С л а щ о в /так!/ Я. А. Крым в 1920 г. Отрывки из воспоминаний. — М.-Л., 1924.
- С м о л е н с к и й С. Крымская катастрофа. (Записки строевого офицера). — София, 1921.
- С о к о л о в К. Н. Правление ген. Деникина. (Из воспоминаний). — София, 1921.
- С т р у в е Г. П. (публикация) Из архива П. Б. Струве. „Возрождение”, № 231, апрель, 1971, сс. 108–115.
- С т р у в е Г. П. (публикация) К 50-летию окончания гражданской войны на Юге России. „Мосты” № 15, 1970, сс. 413–427.

- Т о л о к о н н и к о в Т. Французская буржуазия и Иуда Врангель (договор Франции с Врангелем). — М., 1920.
- Ч е б ы ш е в Н. Н. „Близкая Даль”. — Париж, 1933.
- Ч е б ы ш е в Н. Н. „Врангель в Зарубежье”. — Брюссель, „Часовой”, № 7—8, 1929.
- Ш а т и л о в ген. П. Памяти Генерала Врангеля. — Брюссель, „Часовой” № 7—8, 1929, сс. 6—8.
- Ш у л ь г и н В. В. 1920 год. — София, 1922.
- B r i n k l e y George A. — The Volunteer Army and Allied Intervention in South Russia, 1917—1921. (A Study in the Politics and Diplomacy of the Russian Civil War). Univ. of Notre Dame Press, 1966.
- K e n e z Peter — Civil War in South Russia, 1919—1920: The Defeat of the Whites. Univ. of Calif. Press, 1977.
- L u c k e t t Richard — The White Generals. An Account of the White Movement and the Russian Civil War. — New York, 1971.
- P i p e s Richard — Les relations diplomatiques du Gouvernement Wrangel en Crimée. „Cahiers du Monde Russe et Soviétique”, № 4, 1963, pp. 401—435.
- T h o m s o n Valentine — Les derniers jours de l'armée de Wrangel. „L'Illustration”, 11 décembre 1920, pp. 463—466.
- T r e a d g o l d D. W. — The Ideology of the White Movement: Wrangel's „Leftist Policy from Rightist Hands”. „Harvard Slavic Studies”, vol. 4, pp. 481—498.

П Р И К А З Ъ
Г Л А В Н О К О М А Н Д У Ю Щ А Г О
В О О Р У Ж Е Н Н Ы М И С И Л А М И
Ю Г А Р О С С И И
" 2 " а п р ѣ л я 1 9 2 0 г о д а .
№ 2941
г . С е в а с т о п о л ь .

Категорически воспрещаем самочинныя реквизиціи лошадей у населенія.

Право волѣной покупки лошадей отъ населенія по установленнымъ ремонтнымъ цѣнамъ предоставляется исключительно корпуснымъ покупочнымъ коммисіямъ и Управленію Ремонтированія в.с.Д.Р. въ раіонахъ, для нихъ указанныхъ.

За всякое насиліе по отношенію къ населенію, въ какомъ бы видѣ оно не было, виновнымъ безпощадно предаватъ военно-полевому суду.

ГЕНЕРАЛЬ-ЛЕИТЕНАНТЪ

ПО УПРАВЛЕНІЮ СНАБЖЕНІЯ

Никола Томашевъ
1/2 Т. М. Рендеръ

ПРИКАЗЪ

Правителя и Главнокомандующаго Вооруженными Силами
на Югѣ Россіи.

№ 3226

20-го Мая 1920 года

г. Севастополь.

Русская Армія идетъ освобождать отъ красной нечисти Родную землю.

Я призываю на помощь мнѣ Русскій Народъ.

Мною подписанъ законъ о волостномъ земствѣ и восстанавливаются земскія учрежденія въ занимаемыхъ Арміей областяхъ.

Земля казенная и частновладѣльческая сельско-хозяйственнаго пользованія распоряженіемъ самихъ волостныхъ земствъ будетъ передаваться обрабатывающимъ ее хозяевамъ.

Призываю къ защитѣ Родины и мирному труду русскихъ людей и обещаю прощеніе заблудшимъ, которые вернутся къ намъ.

Народу — земля и еся въ устрекіи государства.

Землѣ — Волею народа поставленный Хозяинъ.

Да благословитъ насъ Богъ!

Генералъ Вракгель.

Типографія Политической Части Штаба Главнокомандующаго В. С. Ю. Р.

Текст приведен на сс. 54—55, см. также с. 155

По приказу Правителя Юга Россіи и Главнокомандующаго Русской Арміей
согласно ст. ст. 12 и 13 закона о землѣ 25-го Мая 1920 г.

Уѣздный Земельный Совѣтъ постановленіемъ отъ

того-же года за № утвердилъ произведенное

Волостнымъ Земельнымъ Совѣтомъ распределеніе земель имѣнія владѣльца

волости между обрабатывающими землю хозяевами.

На основаніи означеннаго постановленія

..... выдать настоящій
владѣнный актъ на укрѣпленны за нимъ въ собственность изъ названнаго имѣнія
участъ земли, площадью

.....
За каждую удобную десятину укрѣплены въ собственность участк новый
собственникъ обязанъ въ порядкѣ,
установленномъ ст. 9 Закона 25-го Мая 1920 года, внести Государству пятигодич-
ный средній, за послѣднія десять лѣтъ, урожай пшеницы съ одной казенной деся-
тины въ размѣрѣ, утвержденномъ для этой мѣстности Высшею Властью.

Настоящій актъ согласно ЗАКОНУ 25-го МАЯ 1920 ГОДА И УКАЗУ ПРА-
ВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА 27-го ІЮНЯ 1920 ГОДА впредь до оплаты Государ-
ству полной стоимости укрѣпленны въ собственность
участк служить въ судебныхъ и иныхъ учрежденіяхъ безспорнымъ доказатель-
ствомъ законнаго владѣнія
..... означеннымъ участк а по оплатѣ полной стоимости участк подлежитъ
замѣнѣ крѣпостной даевой.

Предсѣдатель Уѣзднаго Земельнаго Совѣта

Выборные отъ волостей Члены Земельнаго Совѣта

Секретарь

1920 г.

г.

№

Бланк „Владенного акта” („Бумага с орлом”),
см. с. 186

мч

Воззваніе Командира Повстанческаго отряда САВЧЕНКО.

Я, командиръ повстанческаго отряда, Алексѣй Алексѣевичъ Савченко, убѣдившись лично, что Русскія войска не разстрѣливаютъ ни повстанцевъ, съ которыми они идуть рука объ руку, ни Васъ, товарищи красноармейцы, злой волей коммунистовъ и комиссаровъ направленные противъ истинно трудового народа—рабочихъ и крестьянъ, зову я васъ:

Сложите оружіе къ ногамъ тѣхъ, кто идетъ за народную волю, землю и истинную некоммунистическую свободу.

Идите скорѣе въ повстанческіе отряды, въ ряды Русской Арміи. Тѣ и другіе несутъ УКРАИНѢ и нашей общей родинѣ—РОССІИ истинный миръ, покой и порядокъ.

16 іюня 1290 года.

САВЧЕНКО.

Типографія Отдѣла Печати.

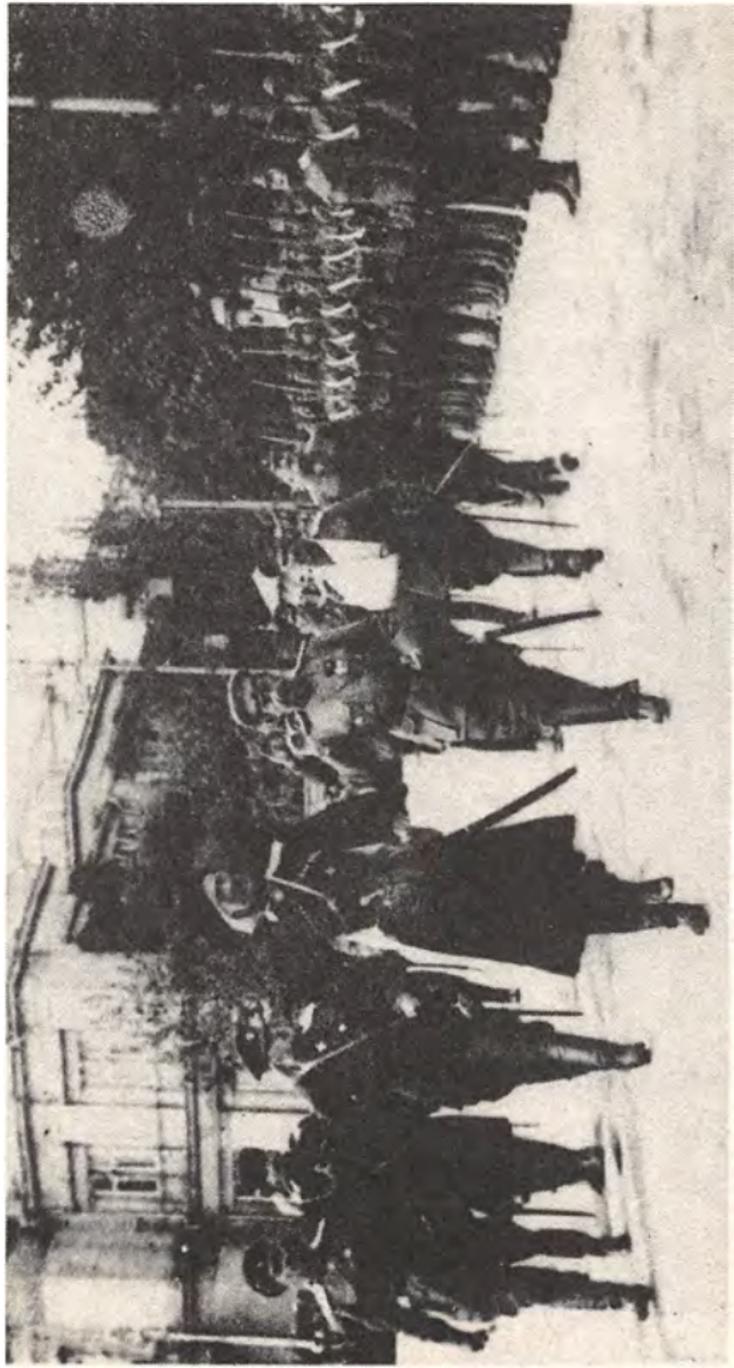
Слева направо: А. В. Кривошеин, ген. П. Н. Врангель,
ген. П. Н. Шатилов (22 июля 1920 года)

Батарея Русской армии на позиции. 1920 год.

6 мая 1920 года Севастополь. Напротив ген. Врангеля — ген. Манжен, военный представитель Франции в Крыму. Между ними — представитель Польши.

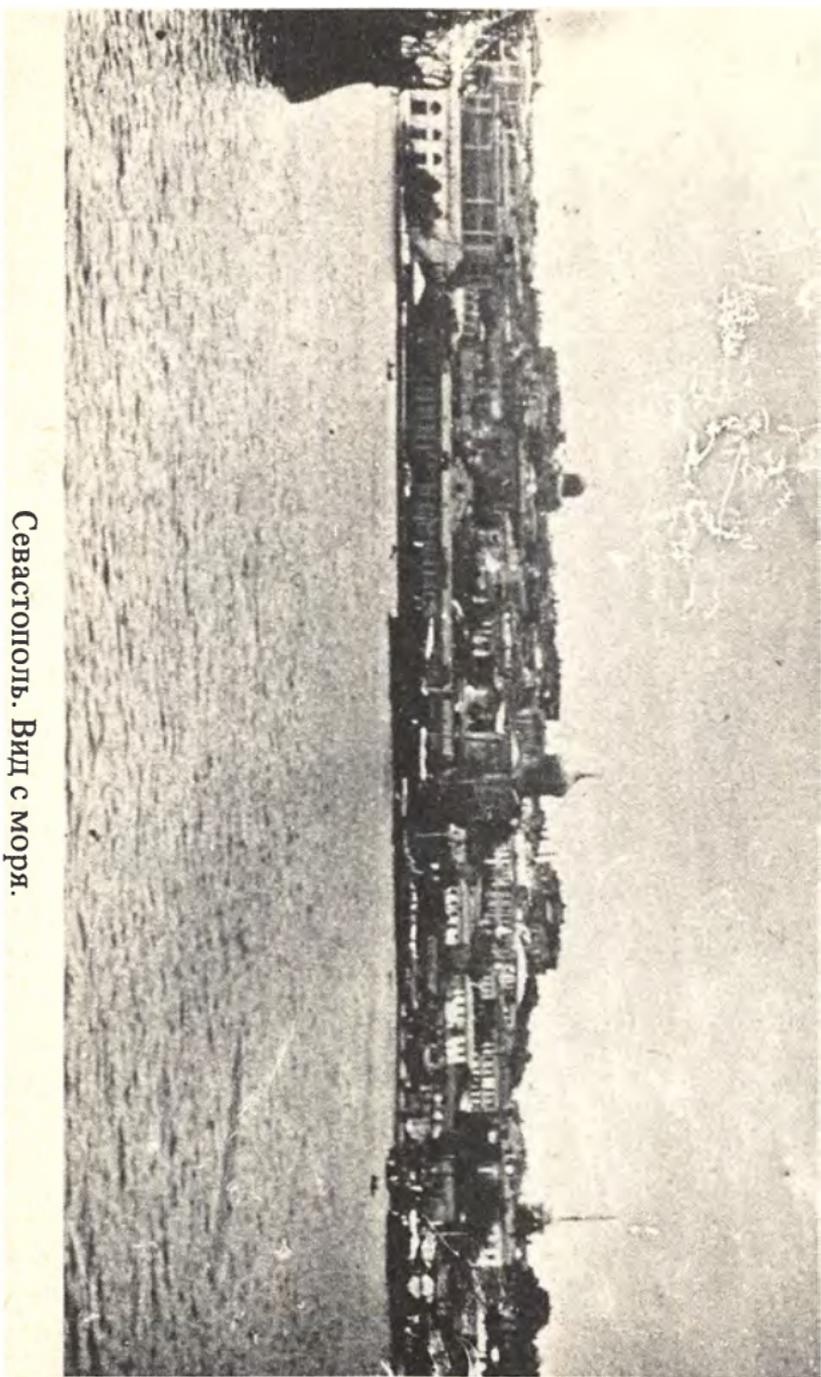

Смотр Л.-Гв. Казачьему полку в Севастополе. На заднем плане — Адмиралтейский дворец. Справа от ген. Врангеля — ген. Шатилов, слева — ген. Богаевский.

Правительство Юга России (слева направо)

1. Нач. Управл. снабжения ген. П. Э. Вильчевский.
2. Нач. Штаба ген. П. Н. Шатилов.
3. Нач. Полит. канцелярии Управл. иностранных сношений Б. А. Татищев.
4. Донской атаман ген. А. П. Богаевский.
5. ?
6. Нач. земельного и землеустройства Г. В. Глинка.
7. Ген. Врангель.
8. Вр. исп. должность нач. Военн. управл. ген. Б. П. Никольский.
9. Терский атаман ген. Вдовенко.
10. Зам. нач. Морского управл. контр-адмирал Евдокимов.
11. Зам. кубанского атамана Иванис.
12. Предс. Терского правительства Букановский.
13. Предс. Астраханского правительства Санджи-Баянов.
14. Астраханский атаман Н. В. Ляхов.
15. ?
16. Зам. предс. Кубанского правительства ген. Захаров.
17. ?
18. Помощник главноком. А. В. Кривошеин.
19. Нач. Управл. торговли и промышленности В. С. Налбандов (почти не виден).
20. Нач. Управл. юстиции Н. Н. Таганцев.
21. Исп. обяз. предс. Донского правительства Корженевский.
22. Вр. исполн. должн. нач. Управл. иностранных сношений кн. Г. Н. Трубецкой.
23. Исполн. должн. нач. Гражд. управл. С. Д. Тверской.
24. Гос. контролер Н. В. Савич.
25. Исполн. должн. нач. Управл. финансов Б. В. Матусевич.
26. ?

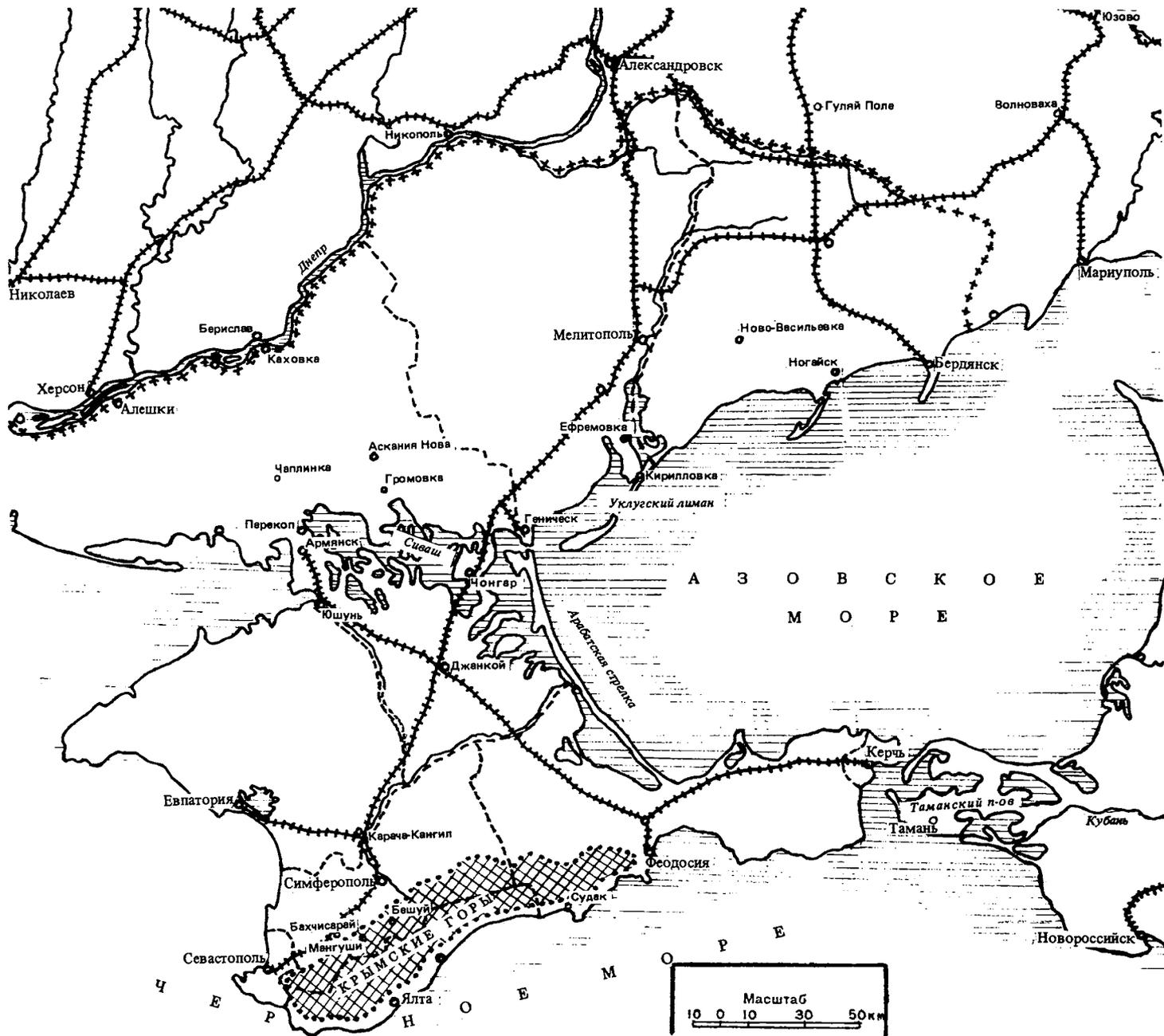
Севастополь. Вид с моря.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Глава 1. Смена власти. Новый главно- командующий и его сотрудники	15
Глава 2. Политические взгляды генерала Врангеля и его окружения	45
Глава 3. Крым в 1920 году	66
Глава 4. Военные операции и внешняя политика /март-ноябрь 1920 г./	70
Глава 5. Армия и население	87
Глава 6. Управление и самоуправление	115
Глава 7. Подготовка и учреждение земельной реформы	139
Глава 8. Проведение земельной реформы. Крестьяне и власть	167
Глава 9. Финансы. Экономическая жизнь. Власть и рабочие	191
Глава 10. Дела судебные. Борьба с внутренним врагом	227
Глава 11. Национальный вопрос. Махно и повстанческое движение	241
Глава 12. Информация и пропаганда. Печать	265
Глава 13. Политическая жизнь в Крыму. Школа и культура. Быт и нравы	287
Глава 14. Церковь и религия	313
Вместо заключения	328
Источники и примечания	329
Именной указатель	351
Библиография	358

Отзывы на эту книгу
просим посылать по адресу издательства:

Possev-Verlag, Flurscheideweg 15,
D-6230 Frankfurt a. M. - 80

Николай Георгиевич Росс родился в 1945 году в Париже, в русской семье, окончил исторический факультет Парижского университета, защитил в 1973 году в Сорбонне диссертацию на тему „Представления о мире, человеке и природе в России во времена Андрея Рублева“. Н. Росс преподавал русскую историю в Институте Восточных Языков в Париже и в Страсбургском университете. Он автор нескольких статей на исторические темы.

Здесь впервые в отдельной монографии представлена внутренняя эволюция Крымского белого государства 1920 года, возглавляемого ген. Врангелем. Раскрыты усилия его правительства решить земельный вопрос путем раздачи земли крестьянам, превратить белые войска в регулярную и дисциплинированную армию, ввести законность в армии и в гражданской жизни. Затронуты также экономический, национальный, религиозный и культурный вопросы, описаны политические течения в Крыму, борьба с красной инфильтрацией, средства и методы пропаганды крымских властей. Подробно описано одно из самых интересных дел правительства Врангеля — попытка построить русскую государственность на основе местного управления.

Особенное значение Крымского государства выявлено не только его внутренними достижениями, но и активной и успешной дипломатической деятельностью, которая его выделяет из ряда других белых государственных образований: завершение этой деятельности и бесспорный признак доверия на Западе к правомерности выбранного ген. Врангелем внешнего и внутреннего политического курса — официальное признание Францией его правительства.

Знание этой малоизвестной страницы русской истории необходимо каждому, кто хочет себе составить полную и объективную картину развития России в XX веке.

В книге приведены многочисленные документы, в большинстве публикуемые впервые — с разрешения Гувверского Института в Калифорнии, где хранится архив ген. Врангеля.

Везде, где это было возможно, автор предпочел представить читателю самому составить себе мнение о тех или иных вопросах на основе приводимых документов, избегая собственных пространных анализов и суждений.